

ВНИМАНИЕ!

Текст предназначен только для предварительного ознакомительного чтения.

Любая публикация данного материала без ссылки на группу и указания переводчика строго запрещена.

Любое коммерческое и иное использование материала кроме предварительного ознакомления запрещено.

Публикация данных материалов не преследует за собой никакой коммерческой выгоды. Эта книга способствует профессиональному росту читателей.

**Элли Эверхарт
Выбираю тебя
Джейд – 1**

Оригинальное Название:

Allie Everhart – Choosing you, 2013

Элли Эверхарт – Выбираю тебя, 2016

Автор перевода: Диана Шматко

Редактор и оформитель: Оля Грачева

Вычитка: Cloud Berry

Перевод Группы:

<http://vk.com/loveinbooks>

Аннотация

Когда Джейд получает стипендию элитного частного колледжа в Коннектикуте, она воспринимает это как шанс наконец сбежать от своего болезненного прошлого и начать всё с чистого листа. Она полна решимости добиться успеха, что означает сосредоточить свое внимание на учёбе, а не на парнях. Но её план разлетается вдребезги в первый же день, когда Гаррет, богатенький мальчик из частной специализированной школы с торсом пловца и идеальной улыбкой, предлагает ей помочь в переезде.

Джейд пытается его оттолкнуть, но она не может отрицать своего влечения к нему, да и Гаррет её не отпустит. Между ними моментально вспыхивают отношения, но также быстро угасают, когда сталкиваются с реальностью, и Джейд понимает, что из этого никогда не выйдет ничего серьезного. Гаррет из мира роскоши, где существуют свои правила, в том числе и то, с кем он может встречаться. И нарушения этих правил имеют последствия.

В то время как они пытаются преодолеть препятствия, разделяющие их, Джейд сталкивается с другой проблемой. В свой девятнадцатый День рождения она получает письмо, написанное несколько лет назад своей ныне покойной матерью. В нём откровения, которые объясняют её травмирующее детство, но также появляется сомнение на счет прошлого, от которого она убегает.

1

30 октября

Линии дорожки как карта, указывающая мне направление. Я следую их намеченному пути, мои руки и ноги двигаются в едином ритме. Тело без усилий повторяет движения, позволяя мозгу вновь и вновь проигрывать произошедшее.

Я вижу девушку на вечеринке. Она пьяна. Она никогда не пьет. Никогда. Но другого выбора у нее не было. История повторяется. Как будто сценарий был написан заранее, и она просто позволила проиграть его до конца. В свои восемнадцать она обещала себе, что подобное никогда не произойдет. Но это случилось. Она потеряла самоконтроль в считанные секунды.

Та девушка была кем-то другим. Я никогда не буду ею. И никогда не буду такой, как ее мать. Я отказываюсь.

Делая длинные быстрые шаги, я снова обретаю контроль над своим телом. Двигаю руками, потому что бегу недостаточно быстро. Я все еще чувствую разочарование. Злость и боль. И я просто хочу, чтобы это исчезло.

Ночная прохлада липнет к коже, остужая ее и распространяя ледяную дрожь по всему телу. Руки и ноги болят, а легкие обжигает холодный воздух. Но я продолжаю бежать. Потому что мне нравится чувствовать эту боль. Я понимаю ее. Она отвлекает меня от другой боли – той, которую мне не понять.

На лицо падает капля дождя. Потом вторая, третья. Вскоре дождь, опаляя кожу, начинает лить как из ведра.

– Джейд, какого черта ты здесь делаешь? Я тебя обыскался! Джейд!

Это Гаррет, парень, который вынудил девушку пережить ту сцену на вечеринке. Сцену, которая никогда не должна была произойти.

Я смотрю перед собой, словно его здесь нет.

– Джейд, остановись! Подожди!

Я совершаю очередной круг, в то время как он продолжает выкрикивать мое имя. Когда я снова приближаюсь к нему, он препрятывает мне путь, и я меняю направление, чтобы обогнуть его.

Резкий рывок за край кофты заставляет меня притормозить. Я тяжело дышу, когда Гаррет разворачивает меня и прижимает к себе так крепко, что, вопреки попыткам вырваться, я не могу шелохнуться.

– Прекрати, – тихо просит он, притягивая мою голову к своей груди. – Просто перестань убегать.

Я бросаю попытки бороться с ним и позволяю телу обмякнуть в его объятиях.

Минуту назад я не хотела видеть его, но теперь мне не хочется, чтобы он отпускал меня.

– Скажи, что случилось, – произносит он. – Если я что-то натворил, то прости меня. Я все исправлю.

Ледяной дождь продолжает лить ровным потоком. Мои штаны и кофта стали тяжелыми от воды, и я вздрагиваю, когда нас обдает порыв ветра.

Он гладит меня по руке.

– Что ты тут делаешь? Холодно, а ты промокла до нитки. Давай вернемся.

Мои ноги отказываются слушаться. Все тело ноет, а эмоции, как я и хотела, оцепенели.

– Джейд, поговори со мной.

Я поднимаю глаза. Он наблюдает за мной в ожидании хоть какого-то ответа. Открывает рот, и тогда я встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам. Мне нельзя целовать его, и я искренне не понимаю, зачем это делаю. Как не понимаю вообще ничего из происходящего в этот момент.

Гаррет осторожно отстраняется.

– Объясни, что происходит. Почему ты здесь? Почему ты была на вечеринке? И почему ты пьяная? – Его голос полон беспокойства и заботы. После того, что мне пришлось увидеть на вечеринке, я не понимаю, с какой стати он беспокоится. Но видно, что Гаррет волнуется. Я чувствую это, вижу у него на лице, и это меня бесит. Не хочу, чтобы он за меня волновался. Не сейчас. Не после того, что он натворил.

Я вырываюсь, но он держит меня слишком крепко. Я отказываюсь на него смотреть. Потому

что перед глазами сразу всплывает та сцена, когда он выходит из комнаты. *С ней*. А потом я увижу бутылку водки, и это напомнит мне о матери и о ее письме.

Это слишком. Слишком много эмоций. Я снова хочу вернуться в оцепенение.

Дождь продолжает лить, и я снова дрожу.

— Мы идем внутрь. — Тон Гаррета не допускает возражений. Он наконец-то отпускает меня, но берет за руку и заставляет следовать за собой. — Джейд, пошли. Я не уйду без тебя.

Мой мозг лихорадочно работает, пытаясь придать смысл происходящему, которое вообще не имеет смысла.

Поняв, что двигаться я не собираюсь, он берет меня на руки и уносит вверх по дороге в наше общежитие.

2

4 сентября
Двумя месяцами ранее

Я в машине Райана. Сижу на голубом виниловом сидении с пачкой картофельных чипсов в руке и полулитровой бутылкой содовой, втиснутой между ног. Мои голые ступни покоятся на приборной панели. Стоит мне потянуться к пачке, как Райан ее выхватывает.

– Хватит, Джейд. – Он кидает чипсы на заднее сиденье. – Это уже пятая пачка за два дня.

– Ну и что. Я люблю чипсы. – Слизнув с пальцев соль, я отстегиваю ремень безопасности и тянусь обратно за чипсами.

– Эй, пристегнись. Только попробуй взять эту пачку. Клянусь, она станет последней. Тебе стоит начать питаться нормально.

Закатив глаза, я усаживаюсь на место.

– Райан, ты не мой врач. Ты еще даже не поступил в медицинскую школу, поэтому хватит читать мне лекции о здоровье.

Придерживая руль, он вытирает со лба пот.

– Необязательно быть врачом, чтобы знать, что диета из содовой с чипсами на пользу тебе не пойдет.

– Картошка – это, между прочим, овощ. – Я громко хрумкаю чипсами, но Райан никак не реагирует.

– Черт, ну и жара. – Он полностью опускает стекло, отчего в машину проникает еще больше раскаленного воздуха. С громыхающим позади прицепом мы спускаемся по склону, затем минуем еще два.

– Закрой окно. Я не слышу радио из-за этого шума.

– Если я его закрою, то мы задохнемся. – Но он все же делает, как я прошу. – Когда я стану врачом, то первым делом установлю в машине кондиционер.

– Сначала ты выплатишь свой студенческий заем. – Я запихиваю в рот остатки чипсов.

– Это точно. Наверное я просижу за рулем этой тачки еще лет десять. – Он подталкивает меня локтем со своего сиденья. – Не всем удается получить полную стипендию в элитном колледже на Восточном побережье.

Я пожимаю плечами.

– Что тут ответить? Когда какой-то богатенький тип предлагает оплатить тебе колледж, то ты соглашаешься.

– Он предложил тебе стипендию, потому что ты ее заслужила. Больше, чем кто бы то ни было.

– Не начинай, Райан. – Я отворачиваюсь к окну, наблюдая за тем, как мы покидаем очередной штат. Сейчас мы в Нью-Йорке, проезжаем мимо фермерских полей. До сих пор я и не знала, насколько хорошо в Нью-Йорке развито фермерство. Вчера я впервые очутилась за пределами Айовы и уже успела побывать в пяти других штатах. Из-за автострады почти каждый штат кажется похожим на предыдущий. По обе стороны дороги простираются большие поля. Когда мы попали в Пенсильванию, пейзаж стал холмистым и с кучей деревьев. В Нью-Йорке деревья чередовались с полями.

Райан полностью закрывает окно, и шум дороги стихает.

– Мы почти на месте, и я должен сказать это в последний раз, а потом заткнусь.

Я драматично вздыхаю.

– Ладно. Только быстро.

– Джейд, я правда очень тобой горжусь. На твоем месте большинство людей замкнулись бы и бросили бы школу. Но ты закончила ее и, блин, даже произнесла прощальную речь.

– Знаю. Я там была. Ты как, закончил? Потому что теперь все это не имеет значения. То была школа. Теперь я в колледже. А там, чтобы самоутвердиться, придется начать с нуля.

– Ты ничего не должна кому-то доказывать. Да ты в первый же день в кампусе надерешь им всем задницы.

– Ладно, завязывай. Хватит меня подбадривать. Не надо льстить моему самолюбию, чтобы

потом реальность дала мне пощечину. В школе было просто. В колледже намного больше проблем. Мне предстоит учиться с избалованными богатенькими детишками, которые ходили на крутые подготовительные курсы и всю жизнь, наверное, занимались с репетитором.

— Эй, не настраивай себя на такой лад, пока не узнаешь, как все на самом деле. Ты их еще и в глаза не видела. Дай им шанс прежде, чем осуждать.

— Ой, да ладно. Как будто там не начнут осуждать меня. Я выиграла Кенсингтонскую стипендию. Все знают, что это благотворительность.

Он снова опускает стекло.

— Сомневаюсь, что там хоть кто-то знает о твоем прошлом.

— Достаточно узнать всего одному — и узнает весь колледж. И тогда я стану для них бедняжкой из Айовы, которая в возрасте пятнадцати лет нашла на полу ванной свою собственную мать, умершую от передозировки таблеток и алкоголя. Все начнут думать, что я такая же сумасшедшая, как она. Может, оно так и есть... — Мой голос затихает.

— Прекрати, Джейд. Ты не твоя мать. И вообще ничем на нее не похожа. Ты уже добилась намного большего, чем она.

— Пожалуйста, мы можем перестать говорить о моей матери? — Я открываю содовую, и та с шипением переливается через край и растекается по всему сиденью. — Черт! Извини.

Приподняв бутылку, я вытираю мокрую руку.

— Не парься. Этой машине лет тридцать. И в ней не в первый раз проливается содовая.

Подхватив с заднего сиденья полотенце, я быстро вытираю темную липкую жидкость, которая течет по креслу вниз. *Черт побери, Джейд! Смотри, что ты натворила, бесполковая раздолбайка!* — кричит у меня в голове голос матери. Я вздрагиваю, приготовившись почувствовать боль от пощечины по лицу.

— Все уже чисто. — Райан хватает меня за руку, которая до сих пор яростно трет сиденье.

Я бросаю полотенце под ноги. Райан отпускает мою руку и замолкает. Ему известно, что временами моя мать преследует меня. Еще он знает, что эта тема не обсуждается, потому что я не хочу о ней говорить. Она — это прошлое, а с прошлым покончено. И хотя она иногда пробирается в мои мысли, я могу с этим справиться. Может, Райан с этим и не согласен, но ему известно, что обсуждая ее, мы только поссоримся. И потому он молчит.

Райан мой брат. Ну, не родной, но он достаточно близкий мне человек, поэтому я могу называть его братом. Мы познакомились шесть лет назад, когда он переехал в дом по соседству. В то время ему было пятнадцать, и я втрескалась в него по уши. Ему, естественно, было неинтересно встречаться с двенадцатилеткой. Поэтому я бросила все попытки завоевать его любовь и стала просто с ним тусоваться, играя роль надоедливой младшей сестренки. И я так свыклась с этой ролью, что продолжаю ему надоедать.

Я сминаю пустую пачку из-под чипсов и кидаю на заднее сиденье.

— Вот. Я их больше не ем. Теперь ты счастлив?

— Нет, но стану, если время от времени ты будешь съедать яблоко.

— Всё впереди, Райан. — Я снова вытягиваю ноги на приборную панель и вытираю руки о шорты, стирая с пальцев оставшуюся соль.

— Я выйду на следующей остановке. Мне нужно заправиться и позвонить отцу.

— Давай я ему позвоню. — Я протягиваю руку за телефоном. — Ты же знаешь, он будет рад поболтать со мной.

Райан улыбается.

— Знаю. — Он достает из кармана рубашки телефон и передает его мне.

После того, как моя мать умерла, отец Райана, Фрэнк, вызвался быть моим официальным опекуном. Они с мамой вместе учились, но потеряли связь, когда она бросила колледж. Колледж закончился для нее после одной ночи, в результате которой на свет появилась я. Донор спермы сбежал, и она больше о нем ничего не слышала.

Когда я родилась, мама так и не смогла вернуть жизнь в привычную колею. Вместо этого она пристрастилась к алкоголю и подсела на отпускаемые по рецепту таблетки. Я не помню, чтобы при мне она была нормальной. Все мое детство прошло в заботе о ней. И я до сих пор ненавижу ее за это.

Когда Фрэнк переехал на нашу улицу, он попытался опять подружиться с моей мамой, но она не хотела его видеть, возможно потому, что он пытался отправить ее на реабилитацию. Когда у

нее случались запои, я убегала и оставалась на ночь у Фрэнка. Вскоре я начала ночевать там чуть ли не каждый день, так что, когда моя мать умерла, можно сказать, и не заметила переезда к ним с Райаном.

— Привет, Фрэнк, — здороваюсь я, когда он берет трубку. — Мы почти в Коннектикуте. И слава богу, потому что твой сын сводит меня с ума. — Я улыбаюсь, когда Райан закатывает глаза. — Я больше не смогу вынести с ним ни минуты в одной машине. Он пытается наложить запрет на картофельные чипсы. Представляешь?

— Она умела пять пачек, — орет Райан, когда я подставляю телефон к его лицу. — За два дня! И упаковки были не маленькие!

Вернув телефон себе, я слышу, как Фрэнк смеется.

— Понимаешь, о чем я?

— Он просто беспокоится о тебе, дорогая. Мы оба переживаем.

На этих словах к моему горлу подкатывает ком. Прошло всего несколько дней, а я уже начала скучать. Он заменил мне отца с тех самых пор, как мы с Райаном подружились. И если бы он не принял меня тогда, то, возможно, я бы не ехала сейчас в колледж.

— Райан уже прочитал тебе лекцию о парнях в колледже? — посмеиваясь, интересуется Фрэнк.

— Нет, но уверена, что прочитает.

Райан очень серьезно воспринимает роль старшего брата. Всегда опекает меня, иногда даже чересчур. Мне не нравится, когда меня защищают. Я способна позаботиться о себе и самостоятельно.

— Так вы почти в Коннектикуте? — спрашивает Фрэнк. — Нервничаешь?

— С чего вдруг? Это всего лишь колледж. Большое дело.

Честно говоря, я напугана до чертиков. Вдруг колледж окажется таким, как показывают в кино, то есть миксом из секса, наркотиков и алкоголя. Я не знаю, какими будут предметы, домашние задания или преподаватели. Мысли о колледже ужасают меня, но я ни за что не признаюсь в этом ни Фрэнку, ни Райану.

— У тебя все получится, — говорит Фрэнк. — Я очень тобой горжусь.

— Ну вот, опять. — Я бросаю взгляд на Райана. — Я ведь еще ничего не сделала.

— Ты же знаешь, я никогда не перестану этого утверждать. Ладно, Джейд, давай поболтаем позже. Мне нужно поговорить с Райаном. — Когда мы останавливаемся на заправке, я возвращаю телефон Райану и пока заправляю бак, он разговаривает с отцом. Расхаживает туда-сюда и кивает. Наверное, что-то произошло.

У Фрэнка рассеянный склероз. За последние несколько месяцев его состояние ухудшилось. Раньше он работал журналистом в газете, но из-за болезни ему пришлось уволиться. Теперь он фрилансит, когда ему хочется, хотя в последнее время ему не удается заниматься даже этим. Иногда он теряет равновесие и падает, поэтому сейчас он в инвалидном кресле, хотя и пользуется им не слишком часто. Райан нанял на время своего отсутствия сиделку, потому что не хотел оставлять Фрэнка одного.

Наполнив бак, я сажусь в машину ждать Райана. Несколько минут спустя, все еще разговаривая по телефону, он тоже забирается внутрь.

— Нет, просто дай мне им позвонить. Я сделаю это прямо сейчас. — Он сдается назад и паркуется перед заправкой.

— Что случилось? — спрашиваю я его, как только мы выходим наружу.

— Папина сиделка ушла. Мне нужно позвонить в агентство и попросить замену. — Он тянется в машину за кошельком. — Давай зайдем внутрь. Тебе нужно нормально поесть, а мне нужно разрешить всю эту ситуацию.

Мы заходим в примыкающее к заправке кафе. С одной стороны — ряд красных кабинок, с другой — несколько деревянных столов и стульев. На стенах в странном порядке размещены разномастные рамки с фотографиями лошадей и амбаров.

Из колонок на потолке доносится песня семидесятых о любви. Я стараюсь не вслушиваться в слова, иначе песня застянет в голове на весь день, но у меня, понятно, не получается. По закону подлости ко мне привязываются только дрянные песни, а хорошие никогда. Не знаю, только у меня так или у всех.

Официантка уводит нас к одной из кабинок и вручает нам по маленькому заламинированному меню. Я не голодна, так как всё ещё не отошла от недавней пирамидки с

картофельными чипсами, но должна поесть, иначе Райан начнет читать мне нотации о зависимости от вредной пищи.

— Я понимаю, что слишком срочно, но ваша медсестра просто взяла и ушла! — Заметив косые взгляды окружающие, Райан снижает голос. — Да, хорошо. Перезвоните, когда узнаете.

Он кладет телефон обратно на стол, затем делает глубокий вдох и откидывает с лица волнистые каштановые пряди. Отросшие волосы, как мне кажется, придают ему артистичный вид, хоть он вовсе и не творческая личность.

— Нашлась замена? — спрашиваю я.

— Нет. Они всех обзванивают. Надо же было такому случиться именно тогда, когда я уехал в другой конец страны. — Он делает глоток воды. — Извини, Джейд. Эта поездка должна была стать веселым путешествием по Америке и началом твоей новой жизни в колледже, но все пошло наперекосяк.

— О чём ты? Мы играем в дорожные игры. Подпеваем радио. Перекусываем на остановках. Разве не здорово? Отличное приключение.

Моя попытка подбодрить его терпит крах. Все его мысли сосредоточены на отце.

— Может, попросишь Хлою заскочить и проводить его?

Райан качает головой.

— Как будто бы я могу. Мы встречаемся всего месяц. Она еще даже ни разу не бывала у меня дома.

— Она, вроде, милая. И это будет отличной проверкой. Если она откажется, значит ее лучше бросить, пока ваши отношения не зашли слишком далеко.

— Мне нужно сделать еще пару звонков. Просто закажи мне сэндвич с курицей и картошку фри. — Он берет телефон и выходит.

Я делаю заказ для нас обоих и потом сижу в кабинке, поджав под себя голые ноги. Я еще не отошла от душной машины и от холодного воздуха кондиционера меня пробирает дрожь.

Мои мысли по-прежнему вертятся вокруг колледжа. Я еще никогда там не бывала. Только рассматривала буклеты со снимками больших каменных зданий, окруженных кленами с яркой осенней листвой. На сайте я нашла несколько фотографий студентов. Они выглядели обеспеченными детишками, которые получают все, чего захотят. Знаю, Райан советовал не судить по обложке, но, глядя на те фотографии, удержаться от этого сложно.

Я оглядываю свой наряд из белой майки и джинсовых шорт. Все вместе стоит долларов пятнадцать, не больше. У учеников Мурхерстского колледжа даже носки, наверное, стоят дороже.

Я по-прежнему не могу понять, почему меня захотели принять в этот колледж. Я даже не подавала заявки. Мой консультант по профориентации просто пригласил меня к себе в офис и сказал, что мне предложили стипендию, названную в честь какого-то богача, который владеет химической компанией и жертвует много денег на благотворительность. Очевидно, мистер Кенсингтон прослыпал о моей истории и так вдохновился, что предложил мне стипендию. Я и не знала, что моя история кому-то известна. Наверное, такое неизбежно случается, когда человеку с моим прошлым доверяют произнести во время выпуска речь.

Когда Райан возвращается к столику, я вижу, что настроение у него стало лучше.

— Все улажено. В агентстве пообещали прислать кого-нибудь в течение часа.

— Зачем так срочно? С Фрэнком что-то случилось?

— Не переживай. Теперь все в порядке. Наше дорожное путешествие продолжается.

Он что-то скрывает. Он всегда становится слишком энергичным, когда скрывает от меня плохие новости. Фрэнку наверняка стало хуже, и Райан не хочет, чтобы я нервничала. Я не спрашиваю, потому что знаю: он не ответит.

Пообедав, мы возвращаемся на дорогу. Примерно через час мы съезжаем с автострады на дорогу, уходящую в лабиринт деревьев. Коннектикут ничем не похож на Айову. В Айове можно видеть на километры вперед. Дорога ровная, вокруг одни кукурузные поля, и взгляду не за что зацепиться. Но Коннектикуте видно только то, что находится сбоку или прямо перед глазами. По краям дороги растут деревья. Не видно даже домов. Наверное, они прячутся за деревьями.

— Можешь проверить маршрут? — Райан передает мне телефон. — Вот-вот должен показаться колледж.

Я копаюсь у него в телефоне.

— Тут сообщение от Хлои. Прочитать?

Он тянется за телефоном, но я держу его так, что ему не достать.

– Просто проверь указатели.

– Господи, успокойся. Она что, высыпает тебе свои голые фотки? – Он молчит. – Ладно, он должен быть прямо впереди.

Я поднимаю глаза ровно в момент, когда мы проезжаем мимо огромного гранитного знака с надписью: «Мурхерстский колледж».

– Поверни обратно. Ты пропустил его.

– Что? Правда? Клянусь, за этими деревьями ничего не видно. – Райан разворачивается и медленно едет назад. Я показываю ему, где свернуть. Мы едем вверх по длинной главной дороге и наконец-то добираемся до кампуса.

Он выглядит как в кино. Здания построены из светлого камня и увиты плющом. У некоторых даже есть колонны при входе. Они напоминают старинные английские особняки. Я не была в Англии, но видела фотографии. Расположенные по периметру кампуса здания образуют квадрат, в середине которого находится большая зеленая лужайка с лавочками и высоченными раскидистыми деревьями.

Под одним из таких деревьев зависает группа студентов, которые ведут себя так, будто не протрезвели с пятницы. Не исключено, что оно так и есть. И тем не менее кампус выглядит достаточно пустынным. Большинство студентов пока не приехало, потому что занятия еще не начались. Райан настоял на том, чтобы мы выехали пораньше на случай какой-либо задержки в пути, и теперь мне придется четыре дня торчать в кампусе в одиночестве. Райан паркуется перед Карлсон-холлом – местом, где я буду жить на протяжении следующих четырех лет.

– Ну, вот и все. Что скажешь? Неплохо, а?

– Это всего лишь старые здания. Ничего такого. – Я пытаюсь придать голосу спокойный тон, но внутри меня все нервно сжимается в тугой узел. Я сама не знаю, чего ждала, но точно не этого. Кампус кажется маленьким и тесным. Я предпочитаю большие и просторные пространства.

Оглядываясь вокруг и присматриваясь, я уже чувствую приступ клаустрофобии.

3

– Ты выходишь или как? – Райан открывает дверцу с моей стороны. – Давай найдем твоего куратора и посмотрим комнату.

Я выбираюсь из машины, чувствуя себя так, будто меня вот-вот вырвет. В чем дело? Я сильнее этого. Намного сильнее. Делаю глубокий вдох, надеясь, что меня просто укачало в машине.

Внутри главного зала пахнет затхлостью и плесенью, как в музее, что вызывает у меня очередной прилив тошноты. Я ищу глазами туалет, на случай если меня вдруг затошнит.

Вдоль коридора тянутся пронумерованные двери из темного дерева. Мы останавливаемся перед одной с табличкой «Куратор». Райан стучит в дверь, и ее открывает высокая худая девушка с длинными черными волосами и оливковой кожей.

Она смотрит на меня и улыбается.

– Привет, ты заселяешься? – У нее легкий акцент, но откуда она определить не выходит.

– Ага, я – Джейд Тэйлор. А это Райан, но он не переезжает. Он просто меня подвез.

– Отлично, приятно с вами обоими познакомиться. Меня зовут Жасмин. Добро пожаловать в Мурхерст. Сейчас принесу твои ключи. – Она поворачивается и забирает ключи из коробки на столе, затем поднимает лежащую рядом папку. – Здесь вся информация по твоему жилью. – Она передает папку мне. – Почитай, и если будут какие-то вопросы – спрашивай. А сейчас идите за мной. Я покажу твою комнату.

Она уводит меня в конец коридора, прямо к лестничной клетке. Открывает одну из дверей и передает мне ключ.

– Комнаты маленькие, но ты привыкнешь.

Я осматриваю комнату. Не такая уж она и маленькая. Хотя, если ты привык жить в особняке, как остальные студенты, то эта комната может показаться кладовкой. Здесь свежевыбеленные стены, светлый деревянный пол и окно с бежевыми занавесками. А еще двуспальная кровать, высокий деревянный шкаф и небольшой письменный стол со стулом. На столе стоит огромная корзина.

– Это подарок-приветствие от Кенсингтона, – поясняет Жасмин.

Я подхожу и разворачиваю упаковку. Корзина набита разными вещами с Мурхерстским логотипом: футболка, толстовка с капюшоном, брелок, чашка, пластмассовый стаканчик, шорты, спортивные штаны, носки и еще куча всякой всячины. Даже чехол для телефона, которого у меня нет.

– Похоже, они скупили весь подарочный магазинчик кампуса, – комментирует Райан.

– Что ж, устраивайся, – говорит Жасмин. – Если что-то понадобится, заходи.

Когда она уходит, я закрываю дверь и сажусь на голый матрас.

Райан все еще стоит, изучая комнату.

– Не сказал бы, что она маленькая. Да и у тебя не так много вещей. – Он садится рядом со мной. – Жасмин, кажется, милая, а?

– Я знаю ее всего пять минут, чтобы что-либо утверждать. Уже из-за одного своего имени она не кажется такой уж и классной. Ее назвали в честь мультишной принцессы. Это красноречиво говорит о ее личности.

– Что я тебе говорил об осуждении людей?

– Я просто имею в виду, что мы вряд ли подружимся. Такие люди мне не подходят. Сомневаюсь, что я хоть с кем-нибудь смогу здесь общаться.

– Прекрати заниматься ерундой. Ты никогда не найдешь друзей, если будешь продолжать вести себя так, словно тебе никто не нужен и тебе на всех наплевать. Кроме того, ты не сможешь прожить в таком духе все четыре года. Ты не такая. Ты ведь знаешь это, да?

– Мне абсолютно ни с кем из них не хочется заводить дружбу. Я здесь, чтобы получить образование. И все.

Состроив занудную мину, Райан поворачивается ко мне.

– Невозможно прожить четыре года без друзей. Может, не все здесь законченные снобы. Если люди богаты, это еще не значит, что они плохие. Просто забей на все и что-нибудь сделай. Поболтай с другими студентами. Сходи на футбол. Или на вечеринку. Этим и занимаются в колледже. Ну, я – нет, но я исключение из правил.

– Райан, ты же знаешь, я не люблю тусовки.

— Знаю. Но тебе не обязательно напиваться. Просто сходи туда и хорошо проведи время. А если что-то пойдет не так, просто уйдешь.

— Все всегда выходит из-под контроля. Если бы всё было иначе, меня бы здесь не было. Он встает и смотрит мне в глаза.

— Черт побери, Джейд. Ты все время твердишь, что хочешь забыть прошлое, но сама же и не отпускаешь его. Ты не такая, как твоя мать. Ты не алкоголичка. Не сидишь на наркоте. Ты не делаешь ничего из того, что творила она.

— Ты прав. Я не должна была этого говорить. Мне надоело ее обсуждать. Пойдем и разгрузим машину. — Я беру его за руку и вывожу из комнаты.

— Стоп, ты только что сказала, что я прав?

— В первый и в последний раз, так что не привыкай.

Мы выходим и начинаем разгружать багажник, где лежат несколько коробок и пакетов для мусора, набитых одеждой, постельным бельем и полотенцами. Как только я беру один из пакетов, он рвется, и вся вываливается наружу.

— Черт, так и знала, что не надо было...

— Я могу помочь? — Голос определённо принадлежит парню, но мне не видно его из-за пакета, который я держу прямо перед собой. Когда я оглядываюсь, то вижу, что он поднимает мою одежду с земли. — Вот, ты бери эти вещи, а я возьму пакет. Он, похоже, тяжелый.

— Я сама. — Выхватив у него свои вещи, я отворачиваюсь и ловко завязываю порванный пакет так, чтобы тот больше не порвался. Чувствую на себе взгляд этого парня. — Можешь идти. Нам больше не нужна помощь.

Райан простирает горло.

— Гм, Джейд, может, ты представишься?

Мне отчаянно хочется прибить Райана на месте. Его навязчивая идея познакомить меня с кем-нибудь начинает жутко бесить.

С пакетом в руках я поворачиваюсь и протягиваю ладонь.

— Привет, я Джейд. Приятно познакомиться. — Пакет все еще заслоняет мне обзор.

— Что-то тебя даже не видно. Точно не хочешь, чтобы я помог тебе с этим пакетом? — Взявши за порванный конец, парень медленно забирает у меня пакет. Я сдаюсь и отпускаю его.

Он очень высокий — примерно метр восемьдесят — и широкоплечий. Пакет кажется крохотным по сравнению с ним. Он держит его одной рукой, а вторую протягивает мне.

— Привет, меня зовут Гаррет.

На улице темно, но освещения в кампусе хватает, чтобы я могла рассмотреть этого Гаррета. Он ничего. Ну ладно, он потрясающий. Настолько, что становится ясно: с девушками он ведет себя как скотина, использует их, а потом, как ненужную вещь, выбрасывает. Симпатичные парни всегда получают то, что хотят, а потом идут дальше.

— Если что, она живет на первом этаже. — Райан указывает на дверь. Я быстро хватаю другой пакет и, испепеляя Райана гневным взглядом, захлопываю багажник.

— Ты тоже новичок? — спрашивает Райан Гаррета, когда мы добираемся до моей комнаты.

— Да, только утром приехал. Кстати, я живу этажом выше.

— Ты здесь кого-нибудь знаешь?

Я бросаю в сторону Райана выразительный взгляд, умоляя, чтобы он заткнулся и оставил парня в покое, но Райан не обращает на меня внимание.

— Много кого. Здесь половина моих знакомых с подготовительных курсов. Кажется, будто школа и не заканчивалась.

— Джейд, разве это не здорово? Он многих тут знает. Он может тебя познакомить.

— Ага. Супер. Я к машине. — Хочу выйти, но Гаррет останавливает меня.

— Откуда ты?

Я поворачиваюсь к нему. Тяжело не плятиться. Он чрезвычайно хорош.

— Айова. Де-Мойн, Айова.

Гаррет ничего не отвечает.

— Это в самом центре, — объясняю я. — На восток от Небраски. На запад от Иллинойса. На юг от Миннесоты. На север от...

— Я знаю, где это, — перебивает меня он. — Ты выиграла Кенсингтонскую стипендию, да?

Как он узнал? Неужели они включили мою биографию в буклет по ориентации на

местности? Или меня выдали мусорные пакеты?

– Да, это я. В любом случае, мне нужно распаковаться, так что пока.

– Давай помогу. Мне все равно нечем заняться.

– Нет, это не...

– Было бы круто, – встревает Райан. – Спасибо!

Я хмурюсь. Он улыбается.

Втроем мы за несколько походов заносим все внутрь.

– Ладно, спасибо за помощь, – говорю я Гаррету, надеясь, что Райан наконец-то оставит парня в покое.

– Без проблем. Если понадобится что-нибудь еще, просто поднимись ко мне. Моя комната находится на полпути вниз по коридору.

Как только он уходит, я захлопываю дверь.

– Что это, черт возьми, было? – пронзительно шепчу я Райану.

– Помогал тебе завести друзей. Он вроде нормальный, что скажешь?

– Я не заметила. Уже поздно. Я очень устала. И посмотри на время! – Я одергиваю майку. –

Я торчу в этой грязной одежде весь день. Я воняю. И ты решил, что это лучшее время представить меня людям?

– Ему было все равно. На улице градусов сто. Все потеют.

– Мне нужно принять душ и лечь спать. – Я кидаю один из мусорных мешков на пол и начинаю искать пижаму.

– Тогда я поеду в отель. Надо позвонить Хлое и проверить отца. Вернусь к восьми, так что вместе позавтракаем.

– И тогда ты уедешь? – Мой голос звучит грустно и безнадежно. Я не хотела выдавать своих чувств. Меньше всего мне нужно, чтобы Райан думал, будто я не смогу жить одна.

– Я бы хотел остаться, но мне нужно будет уехать. Дорога длинная, и нужно добраться домой, чтобы позаботиться об отце.

– Я знаю. Я просто тебя доставала. Иди, звони своей девушке. Увидимся завтра.

Он уходит, и к горлу вновь подкатывает тошнота. Душ поможет. Как только я буду чистой и выплюсь, то сразу почувствую себя лучше.

Я роюсь в коробках в поисках средств для душа, затем беру пижамные шортики и футболку и направляюсь в общую душевую. Я думала, что делить ванную комнату с Фрэнком и Райаном отстойно, но это намного хуже. Нет вообще никакой уединенности. А я ведь на ней зацикlena. Хорошо, что здесь никого нет.

На полпути в душ до меня доносится девчачий треп. Вот еще к чему придется привыкнуть: к проживанию на этаже с одними девушками. У меня никогда не было много подруг, да и с теми я виделась только в школе. Я бы ни за что на свете их не пригласила к себе домой, ведь там была моя мама.

– Видела Гаррета? – спрашивает одна из девушек. – Он только что был на нашем этаже. Боже, он выглядит еще сексуальнее, чем когда я видела его на Кабо. Я же рассказывала, как встретилась с ним, да?

– Между вами что-то было? – спрашивает вторая.

– Нет. Он сказал, что встречается с какой-то девчонкой, с которой познакомился во время стажировки в округе Колумбия.

– Они все еще встречаются? – интересуется третья.

– Откуда я знаю? Я столкнулась с ним всего лишь пять минут назад. Может сама сегодня и спросишь? Он наверняка будет на вечеринке.

Я жду, пока они уйдут, а затем спешу обратно в комнату. Хватаю стеганое одеяло и заворачиваюсь в него, как в спальный мешок. Я слишком вымотана, чтобы заправлять кровать, а это одеяло напоминает мне о доме.

Как только я удобно устраиваюсь, раздается стук в дверь.

– Джейд? Ты здесь?

Какого черта? Кто может ко мне стучаться? Я здесь никого не знаю. Не открываю, но стук продолжается.

– Джейд? Это Гаррет.

Что ему нужно? Я здесь меньше пары часов, а меня уже преследует какой-то сумасшедший

парень? Пусть докучает девчонкам из ванной комнаты, которые искали его, а не мне. Я поднимаюсь, чтобы открыть дверь. Волосы у меня влажные, а сама я все еще завернута в одеяло.

Я немного приоткрываю дверь.

– Привет, Гаррет. Что ты хотел?

Он выглядит удивленным.

– Я не знал, что ты уже спишь. Еще слишком рано, разве нет?

– Уже десять. Не так уж и рано. И я устала от поездки. – Я вновь смотрю на него. Не могу не смотреть. На нем белая футболка и темные джинсы – мое любимое сочетание. Золотистый загар, а глаза – потрясающие чистого небесного цвета. У него красивые скулы, щеки покрыты легкой щетиной. Тело у него, как у атлета – сплошные мускулы и ни грамма жира. И он приятно пахнет. Просто замечательно.

– Я просто хотел позвать тебя на вечеринку. Я собирался туда и подумал, вдруг ты захочешь присоединиться и познакомиться с кем-нибудь. Твой парень все еще здесь? Он тоже может пойти с нами.

Я слышу тишину вокруг нас, и только тогда понимаю, что нужно ответить.

– Мой кто?

– Твой парень. Ну, который был здесь раньше.

У меня вырывается короткий смешок, как только я думаю о Райане в качестве своего парня.

– Райан не мой парень. Он, скорее, как старший брат. Он всего лишь подвез меня и завтра уедет.

Гаррет улыбается, притягивая мой взгляд к своему рту. У него прекрасная улыбка. Полные губы и ровные белоснежные зубы.

– Ну так что? Хочешь пойти?

Он оглядывает мое закутанное в одеяло тело. Быстро посмотрев вниз, я замечаю, что одеяло сползло, открыв чересчур откровенную футболку, под которой, конечно же, нет лифчика. Я быстро прикрываюсь.

– Нет, я правда устала. Но спасибо за приглашение.

– Да ладно. Нельзя же проводить свою первую ночь в общежитии в этой унылой спальне.

– Вообще-то, очень даже можно. – Звучит грубо. Я прямо-таки слышу, как Райан ворчит на меня, напоминая о вежливости. – То есть, я на самом деле очень устала после поездки. Может, как-нибудь в другой раз.

– Как насчет завтра? Будет вечеринка вниз по улице.

– Конечно. Тогда до встречи. – Я не люблю тусовки, но чтобы избавиться от него, соглашаюсь. Уверена, завтра он и не вспомнит о своем приглашении.

– Отлично. Спокойной ночи.

Я закрываюсь на ключ. Непонятно, с чего вдруг этот парень взял на себя роль главного представителя приветственного комитета Мурхерстского колледжа и почему из всех людей, требующих внимания, он выбрал именно меня. Здесь наверняка есть и другие новенькие, которых можно доставать в такой час.

С ощущением усталости я ложусь в кровать, но сон не приходит. По коридору кто-то пробегает, смеясь. Я привыкла спать в тишине. Райан и Фрэнк всегда спали тихо, а моя мать вырубалась пьяной.

– Кристен, одолжи мне свои красные шпильки, – доносится голос какой-то девушки. Похоже, она стоит в коридоре возле моей комнаты.

– Нет, ты испортила предыдущую пару. Ты же собираешься на ночь к Крейгу, а его тупая псина и сожрала те туфли, которые я давала тебе в прошлый раз.

Почему этим девчонкам понадобилось трещать именно у моей двери? Они что, не понимают, что здесь люди пытаются заснуть?

Вторая девушка повышает голос.

– Не будь такой стервой. Мать купит тебе новые. У тебя и так больше обуви, чем ты можешь сносить.

– Даже не думай. Ничего я тебе не дам. Мне нужно захватить сумочку. Сейчас вернусь.

Я слышу громкий топот, который неожиданно затихает около моей двери.

– Эй, детка. Тащи свою классную задницу в машину. Мы уезжаем.

Очевидно, это парень классной задницы. Она хихикает, как маленькая, и тут что-то

врезается в мою дверь. Боже, пожалуйста, лишь бы они целовались, вжимаясь в мою дверь... но, похоже, так оно и есть. Через несколько минут они наконец-то уходят.

Становится тихо, но я все равно не могу заснуть от мысли, что мне придется провести здесь следующие четыре года. Не знаю, как я буду здесь жить. Я провела здесь всего три часа, а уже возненавидела это место. Всего несколько недель назад мысль о том, чтобы уехать, казалась мне идеальным планом. Я думала сбежать от дерзкой прежней жизни и начать новую, но сейчас чувствую себя потерянной и одинокой. Наверное, потому-то многие и бросают колледж после первой или второй недели.

Хочешь сдаться? Тогда сдавайся! Закончишь, как я! Ты этого хочешь? Хочешь закончить, как я? Я снова слышу в голове мамин голос. Она произносила эти слова, когда я плакала в первый день детского сада. Повторяла их каждый раз, когда я плакала или проявляла малейшие признаки слабости. Хотя сейчас я могу поблагодарить её за них. Эти слова намертво застряли у меня в памяти. Благодаря им я живу. Потому что я *не хочу* закончить, как она. Я не могу позволить этому случиться. Я *не позволю* этому случиться.

Я не сдамся. Я не брошу все и не сбегу домой. Я сильная. Я все могу. Я повторяю эти слова снова и снова, пока не засыпаю.

Ровно в восемь утра приезжает Райан. Я на ногах уже с шести. Как только сквозь бесполезные шторы начали пробиваться солнечные лучи, я стала наблюдать за минутной стрелкой в ожидании, когда появится Райан, и я наконец-то увижу знакомое лицо.

— Я готова. Пошли. — Я проталкиваюсь мимо него и закрываю дверь на ключ. Мне хочется поскорее выбраться отсюда, из этого общежития. — Куда хочешь пойти? Видел какие-нибудь кафе по дороге?

Он берет меня за руку.

— Что за спешка? Хочешь побыстрее поесть и избавиться от меня?

Как же он ошибается. Мне отчаянно хочется, чтобы он остался. Хотя бы до первых занятий в среду. Сегодня только суббота. Чем я буду заниматься все это время перед учебой?

— Я не пытаюсь от тебя избавиться. Я просто проголодалась. Пошли есть.

— Я думал сперва прогуляться по кампусу. Вчера ты ничего толком и не увидела.

— Еще успею. Просто пошли. — Я подталкиваю его, стараясь выбраться отсюда как можно скорее.

В нескольких милях от кампуса мы находим неплохое кафе. Там шумно: кричат дети и звенят посуда. Я не очень хорошо переношу громкие звуки. Начинаю нервничать, и мне становится трудно дышать. Пока моя мать была жива, она орала, бросалась в меня вещами или стучала сковородками друг о друга, чтобы привлечь мое внимание. Став постарше, я стала сбегать из дома, чтобы не слышать этого грохота.

— Как прошла первая ночь в колледже? — спрашивает Райан. Ему этот колледж явно нравится больше, чем мне.

Я колеблюсь. Хочу сказать правду, но не могу. За прошедшие годы я поняла, что людям не нравится правда. Она уродлива и приносит боль. Причиняет неудобства. Заставляет тебя задавать вопросы. Вызывает неуверенность. Людям этого не нужно. Они желают слышать ту версию правды, которая соответствует их ожиданиям. И Райан выдумал для себя фантазию о моей идеальной счастливой жизни в престижном частном колледже.

— Отлично, — отвечаю я, улыбаясь, но при этом ерзаю на сиденье как ребенок, который сидит и пронзительно орет недалеко от меня.

— Успела вчера с кем-нибудь познакомиться или сразу пошла спать?

— Познакомилась с парочкой девчонок в ванной, — вру я. — Они очень дружелюбные и живут на моем этаже.

— Вот видишь. Я знал, что ты сразу же заведешь друзей.

— Еще заходил тот Гаррет. Он решил, что мы с тобой встречаемся. Я чуть не расхохоталась.

— Ха. Значит, он пытался выяснить, есть ли у тебя парень. — Райан снова вступает в роль старшего брата. — Будь поосторожней с парнями из колледжа. Продолжай тренировать те защитные удары, которым я тебя учил, и не бойся их использовать.

— Хорошо, пап. — Я закатываю глаза.

— Я серьезно. Помни, удар костью причиняет боль и мягким частям. Двинь его локтем в глаз или коленом в пах.

– Ну все, хватит. Я тут вообще-то пытаюсь завтракать.

– Я просто говорю. Однажды это может тебе пригодиться, особенно, если в твою дверь будут продолжать стучаться смазливые мальчики. Чего он вообще хотел?

Смазливые мальчики? Что ж, Гаррет и впрямь можно назвать смазливым парнем. Он прямо-таки модель для какого-нибудь бренда молодежной одежды.

– Он пригласил меня сегодня на вечеринку. Я согласилась, но вряд ли пойду.

– Да ты просто обязана! Но лучше иди в компании девушек. И не садись в машину к парню, с которым только что познакомилась.

– Он сказал, это недалеко от кампуса. Мы, наверное, пойдем пешком.

Ребенок рядом снова орет так, что я подпрыгиваю на месте. Крик не прекращается. Он слишком громкий. Слишком. Я начинаю нервно постукивать ногой под столом.

Райан будто и не замечает шума.

– И все же лучше иди с девочками. Так безопаснее. – Он подливает еще сиропа к своим блинам.

– Ты слишком беспокоишься. Как будто тебе лет пятьдесят.

Он не поднимает взгляда от тарелки, и я понимаю, что сейчас ляпнула. Я знаю, Райан не нарочно ведет себя именно так. Он бы и хотел быть беззаботным студентом, как его ровесники, но вынужден заботиться об отце. Думаю, такой была бы и моя жизнь, если бы моя мать не умерла. Я бы стала официальным опекуном пьяной, накачанной таблетками матери.

Я пинаю его под столом.

– Эй, я не то имела в виду. Мне нравится твоя ответственность. Я просто пошутила.

Отложив вилку, он поднимает глаза на меня. Я знаю этот взгляд. И я знаю, что мне не понравится то, что он сейчас скажет.

4

– У меня плохие новости. Я собирался подождать, пока мы позавтракаем, но лучше скажу сейчас. Мой отец... – Райан делает паузу, пока официант убирает соседний столик. Когда тот уходит, он продолжает: – Ночью папу увезли в больницу.

– Почему? Что случилось? – Я нервно сглатываю, а мои коленки продолжают дрожать.

Прежде чем он успевает ответить, ребенок из кабинки за моей спиной начинает жутко шуметь, безостановочно стуча по сиденью и крича еще громче, чем раньше. Это невыносимо. Здесь ужасно шумно, а мне так нужна сейчас тишина.

Развернувшись, я сверлю взглядом его родителей, но те будто и не замечают мучительных звуков, которые испускает их чадо.

– Какого черта? Вы не можете его утихомирить? Серьезно, вы что, глухие?

Она глядят на меня как на грубиянку. Я отворачиваюсь, а Райан, покраснев от смущения, старается не встречаться с нашими соседями взглядом. Все это время ребенок продолжает орать.

– Давай просто уйдем. Я подожду тебя в машине. – Я встаю и, не дожидаясь его, гневно выхожу на улицу. Я очень стараюсь не разрыдаться. Не могу смириться с болезнью Фрэнка. Не могу справиться со всем плохим, что с ним происходит. Он моя семья. Он и Райан – это все, что у меня есть. Они единственные люди в мире, которым небезразлично мое существование.

Я делаю несколько глубоких вдохов и вытираю навернувшиеся на глаза слезы. Райан встречает меня у машины и открывает дверцы.

– У меня начинается чертова аллергия от этих вездесущих деревьев. – Я наклоняюсь и беру салфетку из коробки под сиденьем. – Боже, ты видел этого ребенка? Что у него за родители?

Райан не отвечает. На протяжении всей обратной дороги к кампусу он молчит. Хотелось бы мне, чтобы он просто рассказал про Фрэнка и покончил с этим. Его молчание только нагнетает обстановку.

– Хочешь где-нибудь посидеть? – спрашивает он, когда мы приезжаем в кампус.

– Да, но давай на свежем воздухе.

Такое ощущение, что меня вот-вот стошнит блинчиками, которые я только что съела. Поэтому-то у меня и нет ни малейшего желания возвращаться в этот холл с его старым, заплесневелым запахом.

Я увожу Райана на открытую лужайку посреди кампуса, и мы устраиваемся на одной из скамеек под раскидистым дубом. Стоит прекрасное позднее летнее утро. Духота сменилась легким освежающим ветерком, будто осень решила слегка задержаться перед тем, как окончательно заявить о своих правах.

– Насколько все плохо? Он умрет? – выпаливаю я. С моей стороны очень эгоистично говорить так о Фрэнке. Мне ведь известно, что Райану в последнюю очередь хочется говорить или даже думать об этом. Но я ненавижу плохие новости и предпочитаю, чтобы их сообщали как можно быстрее. Это как мгновенно оторвать пластырь, а не медленно его отклеивать.

– Нет, ничего такого. У него закружилась голова, и он упал, когда пошел ночью в ванную. Без коляски.

– Тогда почему он в больнице?

– Неудачное падение. Ушиб ребра и трещина в руке. – Райан глубоко вздыхает и выпаливает: – Врачи говорят, что болезнь прогрессирует быстрее, чем ожидалось. К тому же у него есть и другие проблемы со здоровьем, а склероз только все усугубляет.

– Не понимаю. Что ты этим пытаешься сказать? Прогноз неблагоприятный?

– Сегодня и завтра они сделают несколько анализов. Им нужно лучше все изучить. Его продержат в больнице как минимум до завтрашнего полудня.

У меня складывается впечатление, что Райан что-то скрывает. Он всегда волнуется за своего отца, но сейчас выглядит еще более взвинченным, чем обычно. У меня нет слов. Я абсолютно не умею утешать людей. Наверное, потому что никто никогда не утешал меня.

Наклонившись вперед, он упирается локтями в свои колени.

– Ночью я много думал и принял решение пропустить этот семестр.

– Но, Райан, это же разрушит все твои мечты о медицинской школе. Тебе придется ждать целый год, чтобы начать все заново.

— Учеба может и подождать. Мне нужно позаботиться об отце. Как ты вчера заметила, я не могу рассчитывать на сиделок. И это мне не по карману. У нас есть медицинские счета, которые... — он делает паузу. — Забудь. Просто учеба дорого стоит, а мне нужно ухаживать за отцом. Закончу колледж позже. Возможно, вернусь этой весной. Мне нужно пропустить только один семестр и найти работу для оплаты счетов.

— И давно ты в долгах? Почему ты молчал? Я бы нашла работу и помогла вам.

Он выпрямляется и кладет руку на спинку скамейки.

— У тебя была работа. Ходить в школу, получать хорошие оценки и поступить в колледж.

— Я говорю о настоящей работе. За которую платят. В магазине или официанткой. Да все что угодно.

— Давай не будем больше о деньгах. Оставь это мне. Я хочу, чтобы у тебя была нормальная жизнь в колледже. Веселись. И ни о чем не думай. Я точно знаю, что все разрешится.

— Нет, если Фрэнк не поправится, — бормочу я.

Райан встает.

— Не хочется так скоро оставлять тебя, но мне пора ехать. Нужно встретить папу, когда завтра его будут выписывать.

— Чтобы успеть, тебе придется ехать всю ночь. Это же около двадцати двух часов езды.

Он смеется.

— Знаю. Я просто буду вести машину. Не переживай. Все будет в порядке. Закуплюсь по дороге кофе и все. Тебе что-нибудь нужно, пока я не уехал?

— Нет, ничего. Но ты же потом перезвонишь мне, да? Дашь знать, как он?

— Конечно. Установи у себя в комнате автоответчик, чтобы я мог оставлять тебе сообщения, если тебя не будет.

— Уверена, что буду дома, но все-таки установлю.

— Мне так жаль, что я не могу купить тебе сотовый, но у меня едва получается оплачивать свой.

— Все в порядке. Мне он незачем. — Мои глаза вновь наполняются слезами, и это злит меня. Райан ждет, пока я встану, а затем заключает меня в объятия.

— Я буду скучать, Джейд.

Черт побери! Ну зачем он сказал это? И что за чертовы объятия? Мы никогда не обнимаемся! Я чувствую, как подкатывает новая волна слез. Мое лицо болит, горло горит, но я пытаюсь сдержаться. Райан начинает отстраняться, но я не отпускаю его. Сначала мне нужно взять себя в руки. Я закрываю глаза и вспоминаю, как мать на меня кричала, как говорила мне, что я слабая, а слабые люди ничего не добиваются в жизни. Мысли о ней прогоняют слезы, и я готова, наконец, отпустить его.

Он улыбается.

— Ты жутко меня бесишь, но я все-таки буду по тебе скучать.

Я толкаю его.

— Будто ты не бесишь меня со своими нудными нотациями о безопасности и запрете на вредную еду.

— Ты же знаешь, что любишь меня, даже когда я придираюсь ко всякой ерунде. — Он лезет в карман и достает кошелек. — Держи. — Он вручает мне пачку двадцаток. — Если тебе понадобится еще, просто позвони.

— Я ничего не возьму! — Я пихаю их ему обратно в руку. — Ты только что сказал, что у тебя нет денег. Они понадобятся тебе на бензин, чтобы добраться до дома. Здесь мне не нужны деньги. Все оплачено.

Он берет мою ладонь и, положив на нее деньги, зажимает мои пальцы в кулак.

— У тебя всегда должна быть наличка. Вдруг тебе однажды понадобится такси или автобус? Или ты захочешь побаловать себя чипсами.

Я смотрю на пачку денег в своем кулаке, и на глазах у меня снова появляются дурацкие слезы.

— Спасибо, Райан. — Мой голос дрожит. Боже, ненавижу это. Ненавижу, когда люди добры. И ненавижу прощания. По моей щеке скатывается одинокая слезинка. Я делаю вид, что ее не существует. Но он замечает ее. Я знаю.

Он обнимает меня за плечи.

— Эй, я знаю, сложно быть так далеко от дома, но ты привыкнешь. Все наладится. Звони мне, хорошо? В любое время, хоть посреди ночи.

Мы медленно возвращаемся к машине. Мне хочется вести себя так, как тот ребенок в кафе: орать и плакать как можно громче, умоляя его не бросать меня здесь. Но я не могу и вместо этого говорю:

— Счастливого пути.

— Без моей подружки-путешественницы будет не так весело, но зато я смогу сам выбирать радиостанцию. — Он забирается в машину и опускает стекло. — Сходи на сегодняшнюю вечеринку. Это пойдет тебе на пользу. Не прячься у себя в комнате, ладно?

— Да. Я знаю. Пока, Райан.

— Пока, Джейд. — Он отъезжает, и я смотрю ему вслед.

Я чувствую опустошенность и одиночество. И свою полную неуместность здесь. В груди так теснот, что тяжело дышать. Я оглядываюсь на открытый университетский двор и, чтобы успокоиться, сосредотачиваю внимание на сочной зеленой траве.

Сейчас всего десять утра. Еще целый день впереди в этом странном месте, где мне нечем заняться и не с кем поговорить. И еще больше дней после этого. Наверное, мне не стоило уезжать в колледж так далеко от дома. Мне с этим не справиться. Возможно, я *действительно* слабая, как говорила мне мать.

Я возвращаюсь в свою комнату и сбрасываю все мусорные мешки на пол. Нахожу футболку с шортами для пробежки, одеваюсь и выхожу обратно на улицу. Там должна быть беговая дорожка.

Я пробегаю мимо зданий вниз по склону и вот она — рядом со спортзалом и теннисным кортом. Облегченно вздыхаю. Мне нужна пробежка. Это единственное, что может заставить меня почувствовать себя лучше. Бегая, я почти что впадаю в транс. Вслушиваюсь в свое ритмичное дыхание и удары кроссовок о землю, и все это, как ни странно, меня успокаивает.

Обычно я не люблю бегать по дорожке, но сегодня это именно то, что мне нужно. Мне нравится ее предсказуемость. Прямо, потом поворот, снова прямо и вновь поворот.

Едва стартовав, я начинаю ощущать столь необходимое мне спокойствие. Я теряюсь в ритме движений вокруг овальной дорожки и теряю счет времени. Спустя некоторое время солнце начинает припекать, и я понимаю, что уже наверняка далеко за полдень. Делаю перерыв и, обливаясь потом, сажусь на обочину.

— Хорошо побегала?

Развернувшись, я вижу, что ко мне приближается Гаррет, одетый в темно-синие спортивные шорты и серую футболку. Похоже, он тоже бегал, хоть и не вспотел так, как я.

— Неплохо, — отвечаю я. — Обычно я не бегаю на дорожке.

— Тебе стоило пойти со мной. Я сделал несколько миль вокруг кампуса.

Я качаю головой. С меня ручьями течет пот.

— Для меня это мало. Я обычно пробегаю миль восемь-девять.

Он усаживается рядом. Когда я говорю «рядом», то имею в виду реально *рядом*. Неужели он не замечает, какая я потная? Уверена, этот аромат можно почувствовать и с десяти шагов. Даже *мне* неприятен собственный запах.

— Восемь-девять миль? Да ты настоящая бегунья. А я пловец. Бегаю только ради кардионагрузки. Несколько миль на обычной скорости, а потом спринты на дорожке.

Так вот откуда у него такое тело. Он пловец. Понятно, почему у него широкие плечи и узкая талия.

— Вперед. — Я указываю на пустую дорожку. — Она в твоем распоряжении.

— Почему бы тебе не присоединиться? — спрашивает он, словно бросая мне вызов. — Давай посоревнуемся. Кто быстрее.

Я никогда не отказываюсь от вызовов. Ну, почти никогда. Очень редко.

— Я не спринтер. Но тот, кто привык бегать на большие дистанции, в любом случае обгонит пловца. Раз плонуть. — Я встаю и разминаю затекшие после перерыва ноги.

— Думаешь, сможешь меня обогнать? — Он тоже разминается. — И что за оскорблений? Не нравятся пловцы?

Я пожимаю плечами.

— С ними все в порядке. Просто не думаю, что им приходится много тренироваться. В смысле, вода делает тебя почти невесомым. Легко набрать скорость, когда не нужно бороться со всей

массой своего тела. В беге таких поблажек нет.

У него практически отваливается челюсть. Я только что оскорбила и его, и то, чем ему нравится заниматься. Очевидно, раньше с ним такого не случалось. Смазливый мальчик наверняка привык только к комплиментам.

— Что за наезды? Неужели ты только что сказала, что пловцы недостаточно много тренируются?

— Да, а что? — Почему-то мне очень нравится задевать этого парня.

— Игра началась, девчонка из Айовы. Тащи свою задницу к старту.

Он готовится стартовать на одной из полос дорожки. Я всячески наслаждаюсь по дороге к своей полосе, зевая для эффекта.

— Тебе нужна фора? — спрашиваю его, растягивая руки за спиной.

— Черт, ты начинаешь меня раздражать, — говорит он с улыбкой. — Сделаем один круг. Готова? Три, два, один. Вперед!

Стартовав, я смотрю только перед собой и делаю вид, что его не существует. Я быстро пересекаю первый конец дорожки и стремительно бегу вперед. Представляю, как убегаю из этого места. Бегу обратно домой и опять вижу Фрэнка и Райана. Пересекаю следующую полосу и продолжаю бежать.

— Стой! Мы закончили! — Услышав голос Гаррета, я сбрасываю темп и замечаю, что уже добежала до середины второго круга. Добегаю его до конца и снова встречаюсь с ним. Он стоит, наклонившись, и, держась за колени, хватает ртом воздух.

— Ладно, признаю. Ты шустрая, — говорит он, задыхаясь. Пот так и катится градом по его лицу.

— Шустрая? Это моя обычная скорость.

Он сверлит меня взглядом, пытаясь понять, не шучу ли я. Затем выпрямляется и вытирает пот со лба.

— Напомни мне, чтобы я никогда этого больше не делал. — Он направляется к старту и достает бутылку воды. — Тебе стоит записаться на общенациональный кросс или забег. Ты очень быстрая.

— Не-а. Я уже участвовала в таком кроссе в школе. Теперь я просто бегаю, когда у меня стресс. — Это правда, но лучше бы я промолчала. Правда заставляет меня выглядеть слабой, а я ненавижу слабость, особенно рядом с парнями.

— Почему нервничаешь? Из-за колледжа?

— Нет. Я не имела в виду, что бегаю только тогда, когда на взводе. Есть много причин. Например, сегодня я бегала, потому что снаружи было хорошо, а мне — скучно.

— Хочешь? — Он протягивает мне бутылку. Я слегка сомневаюсь, стоит ли из нее пить. Вдруг у этого смазливого мальчика герпес или еще какая-нибудь венерическая зараза. Но я умираю от жажды и потому принимаю бутылку. — Если тебе скучно, давай чем-нибудь займемся. Могу показать тебе окрестности, а затем перекусим где-нибудь.

— Не могу. У меня есть дела. Нужно распаковаться и заправить кровать. — Звучит отстойно, но это мое единственное оправдание. Напившись, я отдаю бутылку обратно.

Он делает глоток, но ему достается лишь капля воды.

— Ты все выпила! Как ты могла? Я же тут умираю.

— Ты же не сказал, сколько я могу выпить. В следующий раз изъясняйся понятнее.

Он плятится так, будто видит меня впервые.

— Ладно. Давай сюда. — Я протягиваю руку. — Пойду, наполню ее для тебя.

— Забудь. Я все равно возвращаюсь обратно. Не могу больше бегать после такого. — Он отходит с дорожки, затем оборачивается. — Ты идешь?

Что с этим парнем? Он как рыба-прилипалка.

— Иди вперед. Я останусь и порастягиваюсь.

— Мы идем за ланчем. Хватит. Пошли.

Неожиданно для себя я плетусь за ним вверх по холму. Почему я иду за ним? В этом нет никакого смысла. И мне это не нравится. Я никогда не следую за кем-то. Я веду. Но по какой-то причине меня заинтриговал этот парень, пусть он и пловец.

5

— А я не соглашалась с тобой обедать, — говорю я, поравнявшись с ним.

— Тебе же нужно питаться, верно? И тебе скучно. Так что мы идем за ланчом. Какая кухня тебе нравится? Мексиканская? Итальянская? Может, бургеры?

Я ловлю его за руку, вынуждая остановиться.

— Подожди. Зачем тебе все это? То ты заявляешься ко мне в комнату. То находишь меня на пробежке. Теперь заставляешь идти на ланч. Ты преследуешь меня или что?

— А тебе кажется, что тебя преследуют?

— Да нет.

— Тогда я тебя не преследую. — Он поворачивается и снова начинает идти. — Я просто пытался быть приветливым. Но ты все усложняешь. Я думал, на Среднем Западе дружелюбные люди. Но ты явно не из таких. — Он шутит, но я уверена, что отчасти он согласен с этим утверждением. Я точно не была с ним дружелюбной.

— Дружелюбие — это миф. Трюк для привлечения туристов. — Я пытаюсь принародоваться к его быстрому шагу. — Зачем ты прикладываешь столько усилий, чтобы казаться милым? Ты меня даже не знаешь.

— Потому что мне известно, насколько фигово очутиться на новом месте, где ты никого не знаешь. Когда я учился в седьмом классе, отец отправил меня в школу-интернат в Лондоне. Я терпеть ее не мог. Ненавидел всех, кто там был, и ненавидел находиться так далеко от дома. Я начал делать вылазки по ночам, надеясь, что меня исключат. И когда это не сработало, поджег свою комнату и уже через неделю был дома.

— И где же это «дома»?

— Всего в получасе езды отсюда. — Гаррет открывает для меня дверь в главный холл. — Вот почему я предложил тебе показать местность. Я тут все знаю. — Он останавливается у моей комнаты.

— Не копайся слишком долго. Я ужасно голоден.

— Встретимся через пятнадцать минут?

Он выглядит сбитым с толку.

— Не шутишь? Ты действительно сможешь так быстро собраться?

— Э-э, да. А что? Ты же сам попросил меня поторопиться.

— Просто никогда не встречал девушку, которая могла бы собраться за пятнадцать минут.

Думал, тебе понадобится как минимум час.

— Час? Кому нужен целый час, чтобы собраться к ланчу?

— Ну явно не тебе. Ладно, пятнадцать минут. Даже не уверен, успею ли я так быстро собраться.

Он уходит к себе наверх.

Я наскоро принимаю душ и сушу волосы, затем надеваю шорты и белую футболку. Чтобы все было по-простому, я всегда ношу только черные или белые кофточки. Когда-то давно меня озарило, что погоня за цветовой гаммой в моде — это глупо и дорого. Поэтому я решила остановиться на классике: черном и белом. Можно было бы носить только черное, но тогда у меня появилась репутация, а мне не хотелось, чтобы люди сплетничали обо мне еще больше. Вот почему я сочетаю его с белым цветом.

Когда семнадцать минут спустя Гаррет сбегает вниз по лестнице, я уже стою у своей двери и жду его.

— Блин, а ты не шутила, — говорит он. — Ты действительно умеешь быстро собраться.

— А тебя что так задержало? Надо было уложить волосы или еще что-то? — Я все никак не могу перестать подначивать его. Наверное, потому что я бы никогда не стала с ним встречаться. Во-первых, уже решено, что в колледже я не стану завязывать никаких отношений. И во-вторых, богатый и популярный красавчик вроде Гаррета никогда не стал бы встречаться с кем-то вроде меня.

— Сделаю вид, что пропустил это мимо ушей, — отвечает он, проходя по коридору мимо меня. Он выглядит слегка расстроенным. Возможно, я зашла слишком далеко. Я догоняю его, и мы выходим наружу.

— Эй, я не хотела тебя разозлить. Прости.

Он останавливается и улыбается мне.

— О, значит, ты можешь быть милой. Просто пока выбрала другую тактику.

Я улыбаюсь в ответ.

— В точку. Так что тебе лучше отменить ланч. Я исчерпала весь свой лимит дружелюбия, так что мои следующие слова могут оказаться тебе не по зубам.

— Как-нибудь переживу. — Он подходит к черному БМВ на парковке и открывает для меня пассажирскую дверцу. — Так что ты хотела поесть?

— Я думала, мы собираемся пообедать в кампусе.

— Столовые еще закрыты. Неужели ты не прочитала ознакомительные проспекты? Они открываются не раньше вторника.

Черт! Чем же я буду питаться в следующие несколько дней? Придется на такси или на автобусе отправиться в магазин. Хорошо, что Райан оставил мне деньги.

— Ты садишься, или мы будем торчать тут весь день?

— О, хм. Может, просто пройдемся? Я не сажусь в машину к незнакомым людям.

Он хочет.

— Ты прямо как моя младшая сестренка. Ей шесть лет.

Я чувствую, как мое лицо начинает пылать.

— Я не хотела, чтобы оно прозвучало именно так. Я имела в виду, что недостаточно хорошо тебя знаю, чтобы куда-нибудь с тобой ездить.

— Серьезно? Неужели такой страшный?

Я оценивающе осматриваю его с головы до пят. Он не выглядит страшным. Он выглядит привлекательным. Белое поло, светлые шорты, очки, густой загар.

— Тебе нужны поручители? Я знаю Жасмин, твоего куратора. Она подтвердит, что находится со мной абсолютно безопасно. — Он стоит, по-прежнему придерживая дверцу, и ждет, когда я сяду. — Давай же. Я думал, люди со Среднего Запада доверчивы.

— «Доверчивый» — не более, чем приятный синоним «тупого» или «наивного». И ни одно из этих определений ко мне не подходит. — Я мнусь, не зная, что делать. Он выглядит вполне адекватным, но в новостях часто показывают симпатичных парней, которые осуждены за убийство. Он может спрятать мое тело в лесу, и никто никогда его не найдет.

— Приветик, Гаррет. — Мимо нас, махая ему, проходит Жасмин.

Он подзывает ее к себе.

— Жас, подожди. Иди сюда на минуту. — Она подходит к нам. — Скажи новенькой, что я нормальный, а не какой-то сумасшедший психопат.

Ее лицо становится сконфуженным.

— Что?

— Она боится садиться в мою машину, потому что недостаточно хорошо меня знает. Ей нужны подтверждения, и ты можешь их предоставить.

— Э-э, ну ладно. — Она поворачивается ко мне. — Я знаю Гарретом еще со школы. Иногда он бывает придурком, но большую часть времени он отличный парень.

И с этими словами она разворачивается и уходит.

— Какого черта? Я не придурок! — орет Гаррет ей вслед.

Она кричит в ответ:

— Это тебе за то, что бросил мою сестрой.

Он качает головой.

— У нас было всего одно свидание. Дальше я не стал с ней встречаться, но Жасмин до сих пор на меня злится. В общем, доказательства предоставлены. Теперь мы можем ехать?

— Пожалуй. Но предупреждаю: я знаю кое-какие приемчики, так что если тебе что-то взбредет в голову, ты сильно пострадаешь.

— Да не собираюсь я ничего предпринимать. — Он ждет, пока я сяду в машину, а затем захлопывает дверцу.

По дороге из кампуса, я вспоминаю, что у меня нет денег.

— Я забыла наличные. Вернись, я за ними сбегаю.

— Не беспокойся. Я угощаю.

Он продолжает ехать.

— Нет. Я не люблю, когда за меня платят. И не люблю быть перед кем-то в долгу. Поворачивай.

— Ты ничего не будешь мне должна, Джейд. Это просто ланч. — Он выруливает на шоссе. — Давай зайдем в продуктовый, прикупим парочку сэндвичей и пойдем в парк. Там есть озеро и столики для пикника.

— Ага, конечно. А потом ты затащишь меня в лес, прикончишь и выбросишь мое тело в озеро. — Неужели я брякнула это вслух? Я вовсе не думала облекать в слова картинку, что крутилась у меня в голове.

— Ты это сейчас серьезно? Где ты понабралась таких глупостей? Смотришь много ужастиков или еще что?

И тут меня озаряет, что единственный человек в этой машине, похожий на больного лунатика — я сама. Если кому и стоит переживать за свою безопасность, так это Гаррету.

— Проехали, — говорю я, пытаясь вести себя адекватно. — Да, давай пойдем в парк.

— Уверена? Потому что мы можем пойти куда-нибудь еще, раз тебе так неуютно.

— Просто соглашайся, пока я не передумала.

Мы покупаем сэндвичи, чипсы и напитки, а затем оттуда идем в парк. Там людно, но Гаррету удается найти под деревом свободный столик. Вдали виднеется озеро и маленький пляж, где играют дети.

— Все еще напугана? — интересуется он, заставляя меня чувствовать себя идиоткой.

Я пропускаю комментарий мимо ушей.

— Спасибо за ланч. Возможно, это последний раз, когда я ем перед открытием столовых во вторник.

— Черт, у тебя нет машины? Что ж, я могу подвезти тебя до магазина, чтобы ты могла забить продуктами холодильник.

Я делаю глоток содовой.

— У меня нет холодильника.

— Как нет? Уверена?

— У меня не такая уж и большая комната. Думаю, я бы заметила его наличие.

— Я куплю тебе холодильник. Без него никак.

— Не надо. Хватит и ланча. Я же сказала, что не хочу быть у тебя в долгах.

— Ты на стипендии, верно? Проживание и питание оплачены? Те, кто заплатил за все это, вполне могут купить тебе холодильник. Это всего восемьдесят баксов. Мелочь. Они наверняка согласятся.

— С чего ты взял? Ты с ними знаком?

— Типа того. Не переживай. Я позабочусь обо всем сам.

— Мне он и в самом деле не нужен. Сойдет пара пачек чипсов и двухлитровая содовая. Этого хватит до вторника.

— На этом не проживешь два с половиной дня. Мы купим тебе чего-нибудь для перекусов в комнате, но обедать ты будешь ездить со мной. Тебе нравится тайская кухня? А то я знаю одно замечательное местечко, где можно поужинать.

— Нет, Гаррет. Мне правда не нужно столько еды. Вообще этого ланча мне хватит до завтра.

Это абсолютная чушь, но сотня баксов, которую мне дал Райан, быстро закончится, если я буду так питаться до вторника. И я отказываюсь просить у Райана еще денег.

На наш столик, сбивая мою содовую, приземляется фрисби. Гаррет тянется за ней, но нечаянно опрокидывает стол и, поднимая его, бросает детям их игрушку обратно.

— Вот. Возьми мою. — Он передает мне свою содовую.

Я не понимаю, почему он так добр со мной. Я никак не возьму в толк, почему ему хочется потратить свою субботу на малознакомого человека. Если он местный, то у него должна быть здесь куча друзей.

Мы остаемся в парке еще на час. Любуемся озером и наслаждаемся хорошей погодой. Гаррет интересуется, какие дисциплины я выбрала, но в основном мы молчим. Обычно мне неудобно с кем-то молчать, но сейчас все иначе.

— Нам нужно идти, — объявляю я, поднимаясь со места. — Мне надо разложить вещи. В комнате полный бардак.

Он выбрасывает мусор, и мы возвращаемся к машине. Вместе того, чтобы ехать в кампус, он везет нас к продуктовому магазину.

— Что ты делаешь? — спрашиваю я. — Я же говорила, у меня нет с собой денег.

– Все в порядке. Я заплачу. – Припарковавшись, он отстегивает ремень безопасности. – Иди и закупись всем, чем хочешь. За мой счет.

– Какого черта? Мне не нужна твоя благотворительность! И не надо покупать мне продукты. Давай просто уедем.

– Успокойся. Я не хотел тебя разозлить. Я просто пытаюсь быть другом.

– Ты пытаешься *купить* мою дружбу.

Теперь *он* начинает злиться.

– О да, я собираюсь купить твою дружбу за продукты на пару баксов. Почему тебя это так бесит? Это всего лишь деньги. Мне вообще все равно. И я обещаю тебе, что взамен ничего от тебя не попрошу.

Он ждет моего решения. Мне и правда хочется прикупить чего-нибудь съестного в комнату, и не хочется платить за такси, чтобы приехать сюда позже.

– Ладно. Можешь заплатить, но я верну тебе деньги, как только мы вернемся в общежитие. Я всего лишь беру у тебя взаймы.

Он соглашается, и мы заходим внутрь.

Я покупаю чипсы и содовую. Заодно прихватываю связку апельсинов по скидке, чтобы было хоть что-то из здоровой пищи.

На обратном пути мы молчим. Думаю, он все еще на меня злится. Но мне без разницы. Он не обязан платить за меня. Это неправильно. И он врет, когда говорит, что я ничего ему не должна. Люди ничего не делают просто так. Они всегда хотят что-то взамен.

Пока мы едем, я разглядываю дорогую машину Гаррета. Из салона еще не выветрился запах нового автомобиля. Бежевые кожаные сиденья очень мягкие, а воздух благодаря кондиционеру кажется ледяным. Я еще никогда не ездила в такой удобной машине.

Вернувшись в главное здание, Гаррет останавливается у моей двери.

– Ты пойдешь со мной на ужин или нет? – Он действительно злится. Мне казалось, к этому времени он выпустит пар.

– Сейчас схожу за деньгами. Подожди здесь. – Я захожу в свою комнату и беру со стола двадцатку. Возвращаюсь и вручаю деньги ему, стесняясь попросить сдачу.

К счастью, он начинает копаться в кошельке и отдает мне ровно столько, сколько должен.

– Увидимся позже, Джейд. – И он уходит.

– Там дорого? – интересуюсь я, все еще стоя в коридоре со сдачей в руке.

Он уже в дверном проеме, что ведет к лестнице.

– Что?

– Тот тайский ресторан, о котором ты говорил. Там дорого?

– Думаю, около десяти баксов за блюдо.

– Хорошо. Тогда я смогу пойти. В семь будет нормально?

Он колеблется, будто бы пытается осмыслить, что только что произошло.

– Конечно. Тогда до встречи.

Надеюсь, он не возомнил, будто я пригласила его на свидание. Я просто пыталась быть социально активной, как советовал Райан. И мне *действительно* нужно пытаться. К тому же, я начинаю склоняться к мысли, что Гаррет не так уж и плох. Вообще, я бы даже сказала, что мне даже была приятна его компания в то короткое время, что мы провели вместе.

Весь остаток дня я раскладываю вещи и разбираю то немногое, что привезла из дома. Около четырех в мою дверь кто-то стучится. Это парень в форме службы доставки, который держит мини-холодильник.

– Куда поставить? – спрашивает он хриплым голосом.

Я веду его к свободному месту у стены возле розетки. В глубине души я сержусь на Гаррета за то, что он взял покупку холодильника на себя, хотя я прямо сказала, что он мне не нужен. Но тем не менее пить прохладную содовую будет приятно.

Когда курьер уходит, мимо моей все еще открытой двери проходят две девушки.

– Приветик. Меня зовут Сиерра, а это Ава. Мы увидели открытую дверь и решили заглянуть.

Мы живем дальше по коридору.

– Привет. Меня зовут Джейд.

Они обе оценивающие осматривают меня, а затем изучают мою необжитую комнату.

– Так откуда ты? – любопытствует Сиерра. Она высокая и очень загорелая. У нее длинные

светлые волосы. Она одета в сарафан канареечного цвета и босоножки на ремешках.

– Из Айовы.

Судя по их лицам, они без понятия, где это. Почему люди с побережья не знают, где находится середина? Они что, никогда не видели карту?

– Это около Колорадо? – спрашивает Ава. Она на несколько дюймов ниже Сиэрры, с еще более темным загаром и каштановыми волосами до плеч. Отдельные прядки окрашены в золотистый цвет. Она очень худенькая, и тесная майка с V-образным вырезом еще больше подчеркивает ее огромную, неестественно округлую грудь, которая наверняка была увеличена. Нереально, чтобы она была настоящей.

– Хм. Ага, это близко к Колорадо, – отвечаю я, будучи не в настроении преподавать им урок географии.

– Я недавно видела тебя с Гарретом. – Сиэрра сверлит меня взглядом, будто думает, что я пытаюсь встречаться с этим парнем.

– Ага. Я познакомилась с ним, когда въезжала сюда.

– Я видела, как ты уезжала с ним.

Мне не нравятся ее намеки.

– Мы просто сходили на ланч. Вот и все.

– Будь с ним поосторожней. Он сердцеед.

Ава и Сиэрра хихикают. У меня складывается впечатление, будто они поделились какой-то особой тайной шуткой про Гаррета.

– Что же, ладно, было приятно познакомиться с вами. Мне нужно закончить с уборкой. – Я поднимаю футболку и начинаю демонстративно складывать ее в надежде, что они поймут намек и уйдут.

– Сегодня вечером в паре кварталов отсюда будет вечеринка. Если хочешь, можешь пойти с нами.

– Думаю, я уже иду туда с Гарретом. – Моя фраза вызывает у меня раздражение. Теперь они точно подумают, что я мечтаю с ним встречаться.

– Гаррет пригласил тебя? – Сиэрра переглядывается с Авой. – Тогда встретимся на месте.

Они выходят, и я начинаю гадать, что такого о Гаррете они от меня скрыли. Они явно чего-то недоговаривали. И почему Сиэрра назвала его сердцеедом? Он использует девушек? Возможно, сестра Жасмин страдала из-за него. Не знаю, но мне еще нужно удостовериться в том, что Гаррет друг. И только друг.

6

В десять минут восьмого ко мне стучится Гаррет. Открывая дверь, я успеваю сочинить комментарий о его опоздании, но когда вижу его, все мысли вылетают из головы.

Даже не знаю, как такое возможно, но он выглядит еще сексуальнее, чем во время ланча. На нем темные джинсы и светло-голубая рубашка-поло, которая подчеркивает цвета его глаз и плотно облегает его атлетические плечи, тем самым вновь притягивая мой взгляд к его телу, от которого просто невозможно оторвать глаз. Наверняка под этой рубашкой скрывается накачанный благодаря тренировкам в бассейне пресс.

– Почему ты так вырядился? – спрашиваю я, пытаясь скрыть свои истинные эмоции.

– Я не вырядился. Просто надел футболку и джинсы.

Еще от него пахнет потрясающим одеколоном.

– Ага, заметно.

– В чем дело? Тебе не нравится? – Он критически осматривает себя, как будто сомневается в собственном выборе. Мне нравится, что я пошатнула его самоуверенность. Даже не знаю почему, ведь никаких оснований приadirаться к бедному парню у меня нет.

– Какая тебе разница, нравится мне или нет?

– Никакой. – Он выпрямляется и скрещивает руки на груди. – Теперь моя очередь критиковать твой наряд?

– Конечно. Вперед.

Он внимательно рассматривает меня с головы до пят.

– Классическая черная футболка и джинсы. Тебе очень идет.

– Не то чтобы меня волновало твоё мнение, но спасибо. Теперь мы можем идти?

На его лице расцветает улыбка. Думаю, ему начинают нравиться мои издевки.

Мы идем в тайский ресторанчик в торговом центре возле кампуса. Это не фешенебельное место, что хорошо. И средняя цена за блюдо – от восьми до десяти долларов. Тоже хорошо. Гаррет ничего не говорит, когда я расплачиваюсь за себя сама. Он бы не осмелился после того инцидента в продуктовом.

После ужина мы отправляемся на вечеринку. Я в ужасе. В школе я иногда захаживала на тусовки, но они никогда мне не нравились. Я не могу находиться вблизи алкоголя. Это приносит слишком много тяжелых воспоминаний из детства.

Вечеринка проходит в старом, обветшалом доме. Мы заходим в открытую комнату, где стоят пара потрепанных диванов и сдвинутый в сторону журнальный столик. Вот и вся обстановка. Это скорее дом для тусовок, а не для проживания. Если бы в Мурхерсте было студенческое братство, то это место идеально подошло бы для его собраний.

На часах половина девятого, и народу пока не много, но кое-кто уже успел перебрать. В глубине комнаты устроен импровизированный бар: длинный складной столик сплошь заставлен стопками, пластиковыми стаканчиками и бутылками с крепким спиртным. Это зрелище навевает воспоминания о матери и бутылках водки, которые были постоянными гостями на нашем кухонном столе.

Я вновь перевожу внимание на Гаррета, который сейчас стоит рядом с двумя парнями.

– Джейд, это Блейк, – говорит он. – Блейк, это Джейд.

Я пожимаю руку долговязому парню с волнистыми светлыми волосами и темным загаром. Одетый в пляжные шорты и футболку, он, кажется, хочет походить на серфера, что весьма странно, ведь мы вроде как в Коннектикуте.

– Блейк настоящий приурок, но по неведомой нам причине мы продолжаем позволять ему зависать с нами, – произносит Гаррет.

Парень, стоящий рядом с Блейком, подает голос:

– Не всегда. Иногда, когда Блейк в стельку пьян, мы запираем его в комнате. Он буйный пьяница.

Буйный пьяница. Прямо как моя мать. Мне нельзя находиться возле таких парней. Теперь, когда я знаю, что в друзьях у Гаррета пьяницы, мое мнение о нем несколько падает.

– Кстати, я – Деккер. – Парень протягивает мне руку. Он почти одного со мной роста. У него короткие каштановые волосы и очки в черной оправе. Он одет в мешковатые клетчатые шорты, ярко-

зеленую рубашку с закатанными рукавами и кожаные сандалии.

– Из-за очков Деккер может показаться тебе умником, но ты не ведись, – говорит Гаррет. – Его чуть не выперли из старшей школы.

Деккер поворачивает ко мне и поясняет:

– Они не воспринимали меня таким, какой я есть. Математика и естественные науки – это не мое. Я – писатель. Художник письменного слова. Я был слишком оригинальным для той школы.

– Ну а у тебя какая история? – с небольшой ухмылкой спрашивает меня Блейк. Мне уже неприятен этот тип. От древесного запаха его одеколона у меня болит голова.

– Я только недавно приехала. Я из Айовы.

– Айова? Это где-то посередине?

– Ага. В середине, – отвечаю я, закатывая глаза.

Блейк игнорирует сарказм или же ему совершенно наплевать. Вместо этого он переводит свое внимание на бар.

– Встретимся позже, ребята. Пришло время отрываться.

– Пойду захвачу пиво, – говорит Деккер, кидая взгляд на бочонок в углу.

– Тебе что-нибудь принести? – спрашивает меня Гаррет.

– Нет, я не пью.

Он выглядит удивленным.

– Серьезно? Вообще?

– Почему тебя это шокирует? Мы несовершеннолетние. Это невозаконно.

– Я знаю-знаю, но здесь все пьют.

– Очевидно, не все. Ведь я-то – нет.

– Хорошо, тогда у них наверняка найдется содовая. Хочешь?

– Конечно. Любую, но только диетическую.

Я жду, пока он подходит к куллеру рядом с бочонком, берет баночку содовой и наполняет пивом пластиковый стаканчик.

– Ты много выпиваешь? – интересуюсь я, когда он возвращается.

– Хм-м. Много ли я пью? – Он задумчиво делает глоток. – А «много» – это сколько?

– Если нужно объяснять такие простые истины, значит ты точно пьешь много. – Запах пива заставляет меня нервничать и вызывает тошноту.

– Ладно, признаюсь. Я много пью. Но стараюсь ограничиться только выходными. И, возможно, двумя или тремя днями на неделю.

– Тогда на этой прекрасной ноте наше общение заканчивается. Я не вожусь с теми, кто пьет.

Мне нужно идти. – Я направляюсь к выходу и слышу голос Гаррета прямо рядом с собой.

– Подожди. Ты и вправду уходишь? Мы же только пришли.

– Ага, и мне не хочется быть рядом, пока ты будешь напиваться. Ни с тобой, ни с кем-то из этих людышек.

– Но в этом и есть вся суть вечеринки, Джейд. Кучка людей тусуется и напивается.

– Знаю. Вот именно поэтому я и не посещаю вечеринки. – Я выхожу на улицу. Гаррет идет рядом.

– Постой. Если ты действительно не хочешь оставаться, я отвезу тебя в кампус.

– Ты пил, Гаррет. Ты реально думаешь, что мне захочется сесть к тебе в машину?

– Я сделал всего пару глотков пива.

– Я смогу добраться самостоятельно. – Я начинаю шагать по обочине дороги.

– Да постой же ты. – Он хватает меня за запястье, вынуждая остановиться. – Давай договоримся. Я не буду пить весь оставшийся вечер, ладно? Только задержись тут на пару часов. Это твоя первая субботняя ночь в колледже. Ты же не хочешь провести ее, сидя в своей комнате?

В моей голове раздается голос Райана, ворчащий о том, что мне нужно быть более общительной.

– Значит, если я останусь, то пить ты не будешь? Даже то, что ты сейчас держишь в руке?

Он смотрит на пластиковый стаканчик.

– Я не могу его допить?

Не отвечая, я пристально смотрю на него.

– Ладно. – Он выливает пиво в траву.

– И я не обещаю, что останусь здесь дольше, чем на один час.

– Без разницы. Просто пойдем.

Когда мы возвращаемся, оказывается, что народу сильно прибавилось. Из колонок в углу грохочет музыка. Блейк на пару с какой-то блондинкой опрокидывает в баре шоты.

– Так вы с ним близкие друзья? – спрашиваю я Гаррета, кивая на Блейка.

– Ну я бы не сказал, что близкие. Мы не ведем философских бесед. Просто общаемся. Мы были в одной команде по плаванию в школе, а теперь и здесь, в Мурхерсте.

– Он всегда столько пьет?

– Да. Вот почему он живет за пределами кампуса. Знает, что ему не спустят с рук ежедневное пьянство.

– Привет, Гаррет. – К нему подходит девушка в коротком белом платье. У нее длинные черные волосы и золотистый загар. Она обнимает его. – Я только что вернулась из Италии. Звонила тебе несколько раз, но ты так и не перезвонил.

– Я был занят. – Он выглядит абсолютно равнодушным. Даже не глядит в ее сторону.

– Чем занимался летом? Ездил к себе на Мартас-Винъярд?

– Нет. Проходил стажировку в округе Колумбия.

– Я думала, ты терпеть не можешь политику.

– Отец заставил. Я работал на одного из его друзей-сенаторов. – Гаррет слегка отстраняется, увеличивая дистанцию между собой и девушкой, что вынуждает ее только сильнее вцепиться и прижаться к нему. – Кортни, это Джейд. Джейд, это Кортни.

– Привет. – Она бросает на меня мимолетный взгляд, а затем поворачивается к Гаррету. – Ты должен прийти к моим родителям домой в следующую субботу в два часа. Не опаздывай. И для ужина надень тот светло-серый костюм с голубым галстуком. Я буду в голубом платье, и нам нужно соответствовать друг другу.

Он вырывает руку из ее хватки.

– Да, я понял, Кортни.

– Боже, да в чем дело?

Он игнорирует ее.

– Иногда ты бываешь таким придурком, Гаррет. – Она уходит в сторону бара.

– Так у вас на следующей неделе свидание? – спрашиваю я.

– Ее родители всегда устраивают большую вечеринку в честь окончания лета. Она будет в следующую субботу, и я пообещал прийти.

– Она твоя девушка? Или бывшая?

– Мне не хочется говорить о ней, ладно?

Прежде, чем я успеваю задать еще вопрос, к Гаррету подходит Сиэрра – та самая девушка, с которой я познакомилась раньше. Она обнимает его и целует в щеку, оставляя след от розового блеска.

– Не виделась с тобой еще с Кабо. Тебе стоило позвонить после своего возвращения. Или ты еще встречаешься с той пресной цыпочкой из Колумбии?

– Она не пресная. И нет, мы больше не встречаемся.

– Так ты опять свободен? – Она придвигается ближе. – Так чем занимаешься сегодня вечером?

Он отталкивает ее.

– Тебе разве не нужно быть сейчас с Люком?

– Люк изменил мне с Келси. Разве ты не знал? Боже, я думала, весь город в курсе.

Все больше людей прибывает на вечеринку. Кажется, все знакомы друг с другом, и я чувствую себя абсолютно лишней.

– Гаррет, думаю, мне пора.

Сиэрра наконец-то обращает внимание и на меня.

– О, приветик. Напомни еще раз, как тебя зовут?

– Джейд. Ты приходила в мою комнату недавно.

– Ах да. Ты из Огайо, верно?

– Из Айовы. – Мне реально нужно носить с собой карту.

– А как ты попала в Мурхерст? Это такой маленький колледж и так далеко от Огайо или Айовы, без разницы.

– Я стипендиатка. Кенсингтонская стипендия.

Ярко-розовые губы Сиерры кривятся, и она поворачивается к Гаррету.

– О-о-о-о, это так мило с твоей стороны.

На скулах у Гаррета начинают гулять желваки.

– Заткнись, Сиerra. Просто уйди.

– Не знала, что ты так внимателен к стипендиаткам. – Она переключается на меня и говорит снисходительным тоном: – Он уже устроил тебе экскурсию? Показал свою комнату?

Гаррет хватает меня за руку.

– Ты права, Джейд. Это дерзкая вечеринка. Пойдем.

Сиerra продолжает говорить, повышая голос, чтобы перекричать музыку.

– Куда намылился, Гаррет? Ты можешь просто затащить ее в одну из комнат прямо здесь.

Гаррет тянет меня за собой, и мы выходим через парадную дверь, которую теперь подпирает маленький куллер, чтобы пьяным посетителям было проще заходить и выходить. Я пытаюсь выдернуть руку из его хватки, но он лишь крепче ее сжимает.

– Что она имела в виду?

Он продолжает тащить меня к машине, а мне наконец-то удается высвободить руку.

– Гаррет, она вела себя так, будто мы собирались заняться сексом. Будто ты *используешь* меня ради секса. – Я останавливаюсь, но он упрямо шагает вперед. – Поэтому ты мил со мной? Все это было какой-то игрой? Затащить наивную девчонку к себе в койку?

Он резко разворачивается и подходит ко мне.

– Серьезно, Джейд? Почему ты веришь этой сучке Сиерре? Ты же едва с ней знакома, но веришь всем ее рассказам обо мне? Сиerra постоянно придумывает всякую лживую чушь. Она делает это, чтобы создавать проблемы. Когда ей было двенадцать лет, родители даже заставили ее встретиться с адвокатом, потому что она выдумала историю о том, что учитель до нее домогался. Так она к нему и не пошла. Настоящая лгунья.

Не уверена, стоит ли верить его словам. Мне хочется, но я все же не доверяю ему. Я опять никому не доверяю.

– Думаю, я лучше пройдусь пешком.

– Джейд, нет. – Он берет меня за руку – на сей раз нежнее. – Уже темно. Ходить одной небезопасно. К тому же здесь нет тротуара. Тебя могут сбить, особенно в этой темной футболке.

Он ведет меня к машине и открывает дверцу.

– Пожалуйста. Просто сядь. Еще не совсем поздно. Мы можем куда-нибудь поехать. Хочешь десерт?

На минуту я задумываюсь. Я и в самом деле не хочу возвращаться и торчать в одиночестве у себя. И по какой-то необъяснимой причине мне действительно хочется провести побольше времени с Гарретом, хотя внутренний голос просто вопит о том, чтобы я держалась от него подальше.

Я соглашаюсь, и он везет меня в маленькую закусочную, которая располагается в отреставрированном железнодорожном вагоне. В ней находятся небольшие кабинки с высокими деревянными спинками, расположенные вдоль узкого прохода. Потолок и стены отделаны темными деревянными панелями. Пол покрыт мозаикой из черно-белой плитки, а на окнах висят короткие красные шторки.

Пока я изучаю раздел с десертами в меню, приходит официантка.

– Мы будем два «Boxcar Bonanza», – говорит ей Гаррет. – Два шарика.

Она уходит, даже не спросив, что буду я.

Я захлопываю меню.

– Ты только что сделал заказ для меня?

– Нет, я только что заказал для *нас*. – Он прислоняется к спинке кабинки. – В детстве мне нравилось это место. Тут отличные бургеры.

– Извини, но давай вернемся к тому, что только что произошло. Мне не нравится то, что ты сделал заказ, даже не поинтересовавшись, чего хочу я. Это грубо. Может, мне не понравится этот «Boxcar» или как там его.

– «Boxcar Bonanza». И тебе он понравится. Он всем нравится. Это их специальное предложение.

– И мы должны им делиться? Может, я хочу свой собственный десерт.

– Порция просто огромна. Тебе придется поделиться. – Он делает глоток воды. – Так расскажи мне о себе, Джейд. За все это время, что мы провели вместе, ты и словом не обмолвилась о

своем доме.

– Нечего рассказывать.

– Расскажи о своей семье. Этот парень, Райан. Какой он?

– Мне не хочется говорить о Райане. – Услышав имя Райана, я понимаю, что не слышала его целый день. Он должен был перезвонить мне и рассказать о Фрэнке. – Мы должны быстрее покончить с десертом. Я должна перезвонить ему, как только вернусь.

– Почему? Что-то случилось?

– Не знаю. Не бери в голову. Давай сменим тему.

– Джейд, я же вижу, что ты волнуешься о чем-то. Позвони ему прямо сейчас.

– У меня нет телефона. Все хорошо. Позвоню позже.

– У тебя нет мобильного?

– Неа. Он мне не нужен.

– Кажется я впервые вижу человека, у кого не нет мобильника. – Он достает свой телефон и кладет на стол передо мной. – Вот. Возьми мой.

– Это может подождать. Правда. – Я подталкиваю телефон обратно.

Приносят наш десерт: огромную оранжевую тарелку, где лежат восемь шариков мороженого с разным вкусом, покрытые крошкой из шоколадного печенья, шоколадным сиропом и взбитыми сливками. Это самый большой десерт, который я когда-либо видела.

– Что скажешь? – спрашивает Гаррет, зачерпывая ложкой мороженое.

– Думаю, он ничего. – Я пробую печенье. Оно невероятное. Определенно, домашнее. – Сдаюсь, он отличный. Просто замечательный.

На десерт у нас уходит полчаса. Во время еды Гаррет рассказывает мне больше о местности и о том, чем тут можно заняться. Когда приносят чек, он настаивает на оплате, заявляя, что это наказание за заказ без моего спроса.

Когда мы возвращаемся в кампус, он провожает меня до комнаты. Я достаю ключ и открываю дверь.

– Ну, спасибо за десерт, но мне все еще кажется, что я у тебя в долг.

– Ты ничего мне не должна. Неужели человек не может быть просто милым без ожидания получить что-то взамен?

– Люди всегда ждут услуги за услугу.

Не понимаю, почему он все еще стоит здесь. Я не планирую приглашать его зайти.

В комнате раздается телефонный звонок.

– Это Райан. Мне нужно идти. Увидимся позже.

Гаррет уходит, и я спешу в комнату, чтобы взять трубку.

– Райан?

– Привет, Джейд. Как колледж?

– Да какая разница. Как Фрэнк?

– Я только что говорил с ним, и он сказал, что ушибы болят, но ему лучше. Теперь расскажи, как ты провела день.

– Откуда ты звонишь?

– Я в какой-то забегаловке в Огайо. Мне нужно было передохнуть от вождения. Так чем ты занималась весь день?

– Сходила побегать, а потом пообедала в парке. О, столовые не откроются вплоть до вторника. Представляешь?

– Видишь? Хорошо, что я оставил тебе деньги. В каком парке ты была? Не помню, чтобы я приметил хоть один вблизи кампуса.

– Он находится не возле кампуса. Мы ездили туда на машине. Купили сэндвичи в магазине и съели их в парке.

– Так ты уже завела себе друзей? Отлично. Ты была с теми девчонками, с которыми познакомилась прошлым вечером?

– Хм, нет. Я была с тем парнем, Гарретом. Он помог нам с вещами, помнишь?

– Ха. Конечно, помню. Смазливый парнишка. Так ты села к нему в машину? – спрашивает Райан чрезмерно опекунским тоном.

– Да, не волнуйся. Мой куратор, Жасмин, знакома с ним, и она сказала, что он нормальный.

– И все же я хочу, чтобы ты была осмотрительнее. Ты только что с ним познакомилась. И

возможно Жасмин не знакома с ним достаточно близко. Так у вас был ланч, а что потом? Ты познакомилась с другими девочками на этаже?

– С несколькими. Еще не все въехали.

– Ты была на вечеринке?

– Ага. Я все же поехала с Гарретом. Мы поужинали, а потом поехали на вечеринку.

– Ты провела с ним весь день? Мне это не нравится, Джейд. Он слишком настойчив, увиваясь за тобой столько времени. Я ему не доверяю.

– Он просто друг. Вот и все. В любом случае, это единственный приятный человек из всех, с кем я здесь познакомилась.

– Парни в таком возрасте не дружат с девушками просто так. Черт, парни любых возрастов не дружат с девушками просто так.

– И тем не менее, мы просто друзья. Теперь скажи мне, что доктор рассказал про состояние Фрэнка.

Мы болтаем еще несколько минут, а затем Райан говорит, что ему нужно возвращаться в машину.

Я забираюсь в постель, чувствуя себя намного лучше, чем предыдущей ночью. Фрэнку становится лучше, и Райан уже не переживает так сильно. И мой первый день в Мурхерсте оказался не таким уж плохим. Может, мне здесь чуть-чуть и понравится.

Возможно, я смогу прожить здесь четыре года.

Следующим утром я сплю до десяти часов, потом принимаю душ и одеваюсь. На обратном пути в свою комнату я наблюдаю, как заселяется новенькая девушка. Она выглядит неплохо, явно проводит много времени на свежем воздухе. Ее длинные светлые волосы собраны в хвостик. У нее загорелое, подтянутое тело. На ней нет ни грамма макияжа. Да он ей и не нужен. У нее идеальная кожа.

— Привет, я Харпер, — говорит она, останавливая меня в коридоре.

Я ставлю корзинку с банными принадлежностями на пол и пожимаю ей руку.

— Меня зовут Джейд. Я живу в комнате в конце коридора.

— Ты первый человек, которого я встретила здесь, не считая куратора. Наверное, все еще спят. Откуда ты?

— Айова. А ты?

— Калифорния. Малибу.

— И ты решила поступить сюда? В Калифорнии получше, чем тут, в Коннектикуте. Во всяком случае, если судить по погоде.

— Я здесь из-за стипендии по теннису.

— Я тоже здесь на стипендии. Иначе подобное местечко было бы мне не по карману.

— О, я не нуждаюсь в деньгах. Просто хотела попасть в команду. Вдобавок, мне нравится оплачивать хоть какую-то часть своего обучения, понимаешь? Это не полная стипендия, но уже что-то. По крайней мере, я ее заслужила.

— Наверное, ты очень хороша в теннисе.

— Да, вполне. По крайней мере, достаточно хороша для местной команды. Слушай, хочешь пойти на ланч? Я только что занесла последние коробки и просто умираю от голода.

— Конечно, но мне нужно занести вещи в комнату.

— Приходи, как будешь готова. — Она улыбается и, помахав мне, уходит к себе.

Хотя мы только что познакомились, Харпер мне нравится. Она кажется гораздо более дружелюбной и с ней легко общаться. Намного проще, чем с Сиэррой и Аввой.

Я оставляю свои банные принадлежности и беру немного денег. Надеюсь, ей нравится фаст-фуд, потому что это все, что я могу себе позволить.

Когда я прихожу к ней в комнату, то застаю ее за раскладыванием одежды. Ее комната выглядит так, будто здесь взорвалась целая упаковка жвачки. Все розовое: покрывало, простыни, полотенца, подушки — абсолютно всё.

— А ты реально любишь розовый, — комментирую я.

— Ага, еще с детства. Это мой любимый цвет. У меня две сестры, и мы все его обожаем. У тебя есть сестры?

— Нет. Я одна.

— Мне нужно быстро принять душ. Посмотри телик, если хочешь. — Она вручает мне пульт.

На комоде у нее стоит огромная плазма. Я включаю ее, и картинка кажется почти что трехмерной, тогда как я привыкла к старенькому телевизору Фрэнка, у которого даже кабельного нет. Мне всегда приходилось настраивать антенну, если я хотела что-нибудь посмотреть.

Я принимаюсь переключать каналы. Сегодня воскресенье, так что ничего интересного не показывают, но при виде горизонта Де-Мойна на новостном канале, я останавливаюсь. Если они в Де-Мойне, значит это шоу скорее всего про политику.

Мой родной городок в этом году стал эпицентром политической вселенной. В следующем году проводятся выборы, и Айова станет первым штатом, где пройдет голосование за нового президента. Они называют само голосование закрытым собранием членов политической партии. Поскольку это первое крупное мероприятие, в процессе выборов сюда привлекается большое количество прессы за несколько месяцев до самих выборов, которые обычно проводятся в январе. Журналисты со всего мира осаждают Де-Майн и другие города Айовы, всячески преследуя богатых стариков или женщин (иногда), пока те толкают речи и пытаются убедить всех голосовать именно за них.

— Сегодня прекрасный день в центре города Де-Майн, — произносит ведущий шоу. — Чуть позже днем Фиск Каллавэй, действующий лидирующий кандидат, устроит барбекю в парке на юге

страны для трехсот его сторонников. Мероприятие состоится...

- Ты готова? – Харпер стоит возле двери, держа в руках ключи от машины.
- Я выключаю телевизор и следую за ней к машине, белому лексусу.
- Что скажешь, если мы перехватим фаст-фуд? – спрашиваю я. – К примеру, тако или бургер?
- Конечно, мне все равно, но ты будешь показывать дорогу.
- Здесь есть местечко с тако в нескольких милях.
- Вообще я обожаю тако, так что это отличный вариант.

Мы подъезжаем к кафе. Это обычная придорожная забегаловка, но к моему удивлению Харпер она нравится. Большинство людей сочли бы это место помойкой.

После ланча мы возвращаемся обратно в ее комнату, и я помогаю ей распаковаться. Она рассказывает мне о том, что ее отец какая-то важная шишка, директор киностудии в ЛА, а мама занимается благотворительностью. У нее две старшие сестры. Одна работает моделью, а вторая – актрисой и уже снялась в нескольких небольших ролях.

Харпер хочет изучать связи с общественностью и мечтает стать спортивным комментатором. Оказывается, она обожает спорт; не только теннис, а весь спорт в целом.

– У тебя есть парень? – спрашиваю я, пока распаковываю ее коробку со средствами по уходу за волосами. У нее их столько, что можно было бы открыть собственный салон, и все это дорогие бренды.

– Был, но мы расстались в прошлом году. Он играл в баскетбол за Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе, а потом его пригласили в НБА. Как только это произошло, он тут же бросил меня. Мне не очень нравится эта тема. Что насчет тебя?

– Ничего. Я свободна, и мне это нравится. Нужно сосредоточиться на учебе. Отношения можно завести и попозже. У меня на это вся жизнь впереди.

Мы сидим и болтаем до четырех. В четыре ей нужно встретиться со своей командой по теннису на приветственном ужине.

По дороге в свою комнату я в буквальном смысле сталкиваюсь с Гарретом. Врезаюсь в него, потому что шла по коридору с опущенной головой. Его накачанная грудь настолько твердая, что складывается впечатление, будто я ударила головой о кирпичную стену.

Я чувствую на спине его руку.

- Ух. Ты в порядке, Джейд?
- Извини. Просто... Не знаю, как это произошло. Случайно, наверное.
- Чем занималась весь день? Я приходил к тебе несколько раз, но тебя не было в комнате.
- Я познакомилась с одной девчонкой из Калифорнии, и мы провели весь день вместе.
- Я как раз собирался на пробежку. Не желаешь присоединиться?

Я окидываю его беглым взглядом. Он выглядит потрясающе даже в спортивной форме. Это раздражает, хоть и так привлекательно. Добавьте идеальную улыбку и прекрасные голубые глаза, и уже просто невозможно ему отказать.

– Ты имеешь в виду настоящую пробежку или те жалкие две мили, которые могут пробежать пловцы?

- Сделаю вид, что не слышал этого. А сколько хочешь пробежать ты?
- Дай-ка подумать. Если я сделаю тебе поблажку, тогда получится где-то пять миль.
- Пять миль? Я же говорил тебе, как ненавижу бегать, да?
- Пять миль – это не так уж и много. Боишься, что столько не выдержишь?

Его лицо озаряет дерзкая улыбка.

- Выдержу. Иди переодеваться. А я пока подберу маршрут.
- Дай угадаю. Никаких склонов?
- Очень смешно, Джейд. А теперь быстро иди переодеваться.

Я натягиваю спортивные шорты с топиком. Мы выходим на улицу и делаем петлю вокруг кампуса, после чего он сворачивает на тропинку, ведущую в лес.

- Подожди. – Я хватаю его за футболку. – Не думаю, что хочу идти туда.
- Там есть протоптанная дорожка. По ней многие бегают. – Он берет меня за руку. – Пошли.
- Я сомневаюсь. Тропа уходит в чащу, и на ней никого не видно. В обычной ситуации я бы не сочла ее безопасной и настояла бы на нормальной дорожке, но было что-то в том, как Гаррет смотрел

на меня. Я доверяла ему. Даже не знаю, что это было. Почти таким же взглядом меня награждал Райан, когда пытался защищать меня.

— Если тебе не нравится, то мы можем вернуться на дорожку, — говорит он, все еще держа меня за руку. — Или же можем поехать в город и побегать там.

— Все в порядке. Мы же недолго. Я тебя обгоню. — Я выдергиваю у него свою руку и, стартовав, максимально быстро набираю скорость.

— Черт! — доносится из-за спины. — Джейд, подожди!

Я не останавливаюсь. Бежать по мягкой земле, пока меня овеивает теплый ветерок, приятно. Намного приятнее, чем по твердой дорожке. Я слышу, как Гаррет пытается догнать меня, и после второй мили замедляю темп.

— Ну что, набегался? — Я сажусь на поваленное бревно сбоку от тропинки.

По его лицу струится пот.

— Так, все. — Он хватает ртом воздух. — В следующий раз будешь на моей территории.

— О чём ты?

— Бассейн, — говорит он, выравнивая дыхание. — Ты и я. В бассейне. Завтра вечером.

— Я не пловец.

— Ты не умеешь плавать?

— Конечно, умею. Просто я не пловец.

— Ну а я не бегун, но все же поучаствовал с тобой в двух забегах.

— Я не смогу одолеть у тебя в заплывах. Я плаваю ради удовольствия. Я не такая быстрая.

— Так ты боишься рискнуть? — Он стоит передо мной, скрестив руки на груди. — Боишься небольшого соревнования?

— Ладно. Твоя взяла. Завтра вечером. — Я соглашаюсь только потому, что мне хочется увидеть его в плавках, а не из-за самого состязания. — Постой. Не получится. У меня нет купальника.

— В женской раздевалке есть запасные. Еще отговорки будут? Типа, ты не хочешь намочить волосы или у тебя потечет тушь.

Я встаю и сильно шлепаю его по руке.

— Ты только что заработал себе очередную милю, болван. — Я пускаюсь бежать по тропе, потом, остановившись, замечаю, что он бежит трусцой, и поворачиваю обратно.

— Быстро ты сдался, — говорю, поравнявшись с ним. — Можем, если хочешь, вернуться. Думаю, с тебя хватит.

— Слава Богу. Дай мне минутку на растяжку. — Он опирается о дерево для растяжки голеней, затем разминает колени.

— Ну все? — спрашиваю я, прикидываясь раздраженной.

Он улыбается и подходит ко мне вплотную, так, что мы почти касаемся друг друга.

— Знаешь что, Джейд?

— Что? — Когда он стоит так близко, мое сердце бьется даже быстрей, чем во время пробежки.

— Ты мне нравишься. Ты правда мне очень нравишься.

Я молчу, потому что не нахожу подходящего ответа на это признание. В его словах нет никакого смысла. Я же только и делаю, что постоянно оскорбляю его.

— И тем не менее я все равно считаю тебя невежливой, саркастичной и слишком придирчивой.

— Оу. — Улыбаясь, я склоняю голову набок. — В жизни не слышала ничего приятнее. За это обратно мы побежим в твоем полуодхлом темпе.

Когда мы возвращаемся в общежитие, он провожает меня до комнаты.

— Есть планы на вечер?

— Ага, у меня такой плотный график, начиная с этого момента и до завтрашнего утра, — отвечаю я с сарказмом, о котором он упоминал ранее.

— Хочешь, поужинаем? Или сходим в кино?

— Ужин и фильм? Ты приглашаешь меня на свидание, что ли?

— Называй это как хочешь. Так ты идешь или как?

Мысленно делаю быстрые подсчеты. На ужин и кино уйдет как минимум двадцать баксов из моих денежных запасов.

— Нет, я не могу.

Он кажется разочарованным.

– Но мы можем взять еду на вынос и посмотреть кино здесь, – предлагаю я. – Внизу есть комната с телевизором.

– У меня в комнате есть сорокадвухдюймовая плазма. Это намного круче, чем то старые в холле.

– Хочешь остаться со мной наедине в твоей комнате? Ага, знаю я, к чему это ведет.

Он закатывает глаза.

– Джейд, ну я хоть что-нибудь предпринял за то время, пока мы знакомы?

– Нет, но... – Я умолкаю, вдруг понимая, что идея остаться с ним наедине звучит заманчиво.

– Хорошо. Заходи за мной через десять минут. И мы должны поесть дешево. Обычные бургеры и картошка фри. Все эти походы по кафе отбирают мои деньги на стирку.

– Может, ты просто позволишь заплатить мне? Такой спортсменке, как ты, нужно питаться получше, чем всякими бургерами и картошкой.

– О, даже не начинай. Я плачу за себя сама. – Мой взгляд падает на часы. – Ты только что потратил целую минуту впустую. Осталось всего девять.

Когда он уходит, я быстро принимаю душ, затем натягиваю джинсы и футболку. Я настоящий чемпион по быстрым сборам. В детстве невозможно было предугадать, когда моя мать снова напьется. Это могло случиться в любой момент, даже глубокой ночью, а значит мне нужно было одеться и свалить из дома до того, как она найдет меня.

Гаррет возвращается через двенадцать минут, а не через девять, за что я его, конечно, отчитываю, и уводит меня в местное заведение с бургерами. Это конечно не фаст-фуд, но все оказывается не слишком дорого. К тому же тут есть столики на улице, поэтому мы берем наш заказ и садимся за столик под желтым зонтиком, который укрывает нас от постепенно угасающего солнца. Стоит чудесный сентябрьский вечер. Не жарко, но и не холодно.

Все это время Гаррет смотрит на меня, не отрываясь, и ловит каждое мое слово, хотя ничего интересного я и не говорю. Или просто пялится на меня и совсем не слушает, отчего я смущаюсь и начинаю думать, что у меня на лице крошки или что-то застряло в зубах. Ему реально не стоит так пристально смотреть. Это неприлично. Но, откровенно говоря, я, вроде как, тоже пялюсь на него.

После ужина мы уходим к нему. Я впервые оказываюсь на втором этаже. В коридоре стоит стойкий запах пива и пота. К счастью, в комнате Гаррета такого нет, и она намного чище, чем я себе представляла. У него куча техники, включая упомянутую им плазму с домашним кинотеатром. А в большой картонной коробке на полу лежит, как минимум, сотня фильмов.

– Выбирай, что хочешь, – предлагает он, пока я просматриваю диски.

– Неплохой у тебя выбор. Прямо-таки личный кинотеатр. А у меня даже телевизора нет.

– Нет? Тебе нужен телевизор, Джейд.

– Нет, не нужен. Если я захочу что-то посмотреть, то спущусь в холл.

– Тот телек на ладан дышит. Если захочешь что-нибудь посмотреть, приходи ко мне.

– Не стоит. Я и так почти не смотрю телевизор. Вот. Давай посмотрим вот это. – Пытаясь сохранить серьезное выражение лица, я достаю диск с мультфильмом. – Он про собак, которые раскрывают преступления.

– Как он сюда попал? Это мультик моей сестры.

– Все в порядке, Гаррет. Если ты любишь мультики, я никак тебе не осуждаю.

– Это *не* мой диск. Наверное, она запихнула его в коробку, пока я не видел.

Я смеюсь.

– Конечно, именно так все и было.

– А ну дай сюда. – Он тянется за диском, но я не отдаю. Вскакиваю, спрятив диск за спиной, а свободной рукой пытаюсь оттолкнуть его.

Он молниеносно прижимает меня к стене, оттесняя своим твердым торсом мою вытянутую руку. Я опускаю ее вниз, в то время как Гаррет опирается рукой о стену возле моей головы. Затем он медленно тянется другой рукой за диском. Наши тела соприкасаются, а лица всего в нескольких дюймах друг от друга. Мое сердце бешено стучит, и я изо всех сил стараюсь сохранить ровное дыхание, когда ощущаю его тело, прижатое к моему.

– Джейд. – Он смотрит на меня сверху вниз с безумно сексуальной улыбкой. – Пожалуйста, дай сюда диск.

Я пытаюсь не смотреть на его губы, но они так близко и так меня манят.

Мультик все еще у меня в руке, зажатой между спиной и стенкой. Я слегка отталкиваюсь бедрами, чтобы высвободить ее, но лишь сильнее прижимаюсь к нему. Когда он тянется за диском, он случайно выскользывает из руки, но Гаррет подхватывает его прямо возле моей задницы. Я чувствую там его руку и замираю. Мои щеки горят. Он медленно отводит руку и опирается ей о стену над моей головой. И тут меня озаряет, что все это время я сдерживала дыхание и потому снова заставляю себя дышать.

Я поднимаю взгляд, и наши глаза встречаются.

– В последний раз говорю, это мультик моей сестры. Но если тебе так хочется посмотреть, как собаки борются с преступностью, тогда давай. Или, – он делает паузу, и соблазнительная улыбка вновь расплывается на его лице, – или если тебе хочется заняться чем-то другим, то я согласен.

По его тону прекрасно понятно, что именно он подразумевает под «чем-то другим». И мне действительно этого хочется, но я дала себе слово не связываться с парнями, пока буду в колледже. К моему великому сожалению я еще никогда не сдерживала своих обещаний.

8

– Давай поищем другой фильм, – говорю я. – Я не в настроении для мультфильмов.

Он отстраняется так медленно, словно надеется, что я поменяю свое решение на счет «чего-то еще», но я непоколебима.

Я копаюсь в коробке с дисками и нахожу первый попавшийся боевик. У Фрэнка с Райаном я пересмотрела кучу боевиков, и некоторые мне даже понравились.

Пока Гаррет вставляет диск, я пытаюсь определить, где же мне сесть. Кроме его кровати, можно устроиться на стуле или на голубом пуфике. Мой выбор падает на последний вариант.

– Не против, если я присоединюсь? – спрашивает Гаррет, возвышаясь надо мной.

– Нет, конечно. – Я подвигаюсь в сторону.

– От меня что, чем-то пахнет? – спрашивает он.

Я замечаю образовавшееся между нами приличное расстояние и понимаю, что отодвинулась так далеко, что вот-вот свалюсь на пол.

– О. Я просто хотела освободить тебе достаточно места.

– Тут хватает места, Джейд. Можешь сесть нормально.

Я перемещаюсь к центру. От Гаррета чертовски приятно пахнет. Даже не знаю, смогу ли находиться в такой близости от него, особенно после того, как он прижал меня к стенке. Мне все еще очень хочется поцеловать его, хоть это и неправильно, ведь мы просто друзья и все.

На середине фильма звонит телефон, и Гаррет встает, чтобы ответить.

– Чего тебе, Блейк? – Он отворачивается. – Нет, я туда не пойду. Ты мелешь чепуху. Насколько ты пьян? – Он слушает. – Ну и оставь их себе. Я должен идти.

– Тебе нужно где-то быть? – спрашиваю я, когда он заканчивает разговор.

– Нет. Просто Блейк напился и теперь приглашает всех на вечеринку у себя дома.

Гаррет возвращается и садится еще ближе ко мне, чем раньше. Пуфик прогибается под тяжестью его тела, и мы прижимаемся друг к другу теснее. Я не знаю, надо ли мне отодвинуться. Замираю на месте и пытаюсь вести себя естественно.

– Если хочешь пойти к Блейку, я могу уйти.

– Я не хочу никуда идти. Мы остановились на середине фильма. И у меня гость.

Он кладет руку на спинку сиденья позади меня, что походит на типичный неловкий жест парня из какого-нибудь кино. В любое другой момент это бы меня рассмешило. Но Гаррет выглядит абсолютно уверенным в своих действиях. Все выглядит именно так, как и должно быть. И это не может не казаться сексуальным.

Его жест вынуждает меня лишь сильнее погрузиться в сиденье, отчего мое бедро плотно прижимается к его ноге, и я замираю.

– Джейд, мне отодвинуться?

Обычный вопрос, но ответ скажет о многом. Если попросить его подвинуться, это будет значить, что я не заинтересована. Но если сказать, чтобы он остался на месте, это лишь подтвердит мою симпатию к нему. И я решают сделать так, как обычно поступаю с парнями и попытаться смутить его.

– Можешь сидеть и так, – притворяюсь я раздраженной. – Но если ты снова начнешь ерзать, то меня еще сильнее засосет в этот дурацкий пуфик, и потом я не смогу из него выбраться.

– Тебе не нравится мое кресло?

– Оно нормальное, но в нем тяжеловато устроиться.

– Ну тогда вперед, сядь так, чтобы тебе было удобно.

Я устраиваюсь рядом с ним, но не могу решить, куда прислонить голову, поскольку на спинке покоится его рука. Либо мне придется прислониться к его руке, либо к груди – оба варианта предполагают, что мы станем еще ближе. Еще можно сползти вниз, чтобы оказаться под его рукой и в то же время не прикасаться к нему, но так моя поза будет выглядеть глупо. Я обдумываю несколько вариантов и наконец-то решаю прислониться к его груди.

– Теперь тебе удобно? – спрашивает он, смеясь.

– Да. А теперь прекращай болтать, я смотрю фильм.

Он обнимает меня все время, пока мы глядим в телевизор.

Не знаю, почему я пытаюсь делать вид, что он мне не нравится. Мы оба в курсе, что наша

дружба начинает перерастать в нечто большее. Просто я не уверена, что это означает.

В понедельник утром, в День труда, я беру из подарочного набора карту кампуса и отправляюсь осматривать здания. Территория колледжа небольшая, но мне не хочется, когда начнутся занятия, перепутать аудитории.

Я выбрала совершенно разные предметы, потому что еще не определилась со специальностью. Я до сих пор не уверена, чем мне хочется заниматься после колледжа. У меня всегда было хорошо с математикой и научными дисциплинами, но я не знаю, как это применить в профессиональном плане. Сначала я вслед за Райаном подумывала пойти в медицинский, но пока еще не определилась и никому о том не рассказывала.

Вернувшись в общежитие, я стучусь к Харпер, но ее нет. Поднимаюсь к Гаррету. Он тоже отсутствует. Тогда я возвращаюсь к себе и звоню Райану. Он сразу берет трубку.

— Джейд, где ты была вчера вечером? Я звонил тебе несколько раз.

— Смотрела кино. Извини. Как Фрэнк?

— Нормально. Он вернулся домой и, кажется, потихоньку приходит в себя. Он сейчас спит, но я передам ему, чтобы он тебе перезвонил.

— Раз ему лучше, значит, ты можешь вернуться к учебе?

— Нет. Завтра я начинаю искать работу. Я еще не говорил папе. Он прибьет меня, если узнает, но нам нужны деньги.

— Я тоже найду работу. Наверняка в кампусе что-то найдется. Я буду присыпать тебе все, что смогу заработать.

— Нет, Джейд. Это не твоя забота. Твоя задача — учиться и все. Лучше расскажи, как у тебя дела. Ты говорила, что ходила в кино?

— Нет, смотрела фильм здесь, в кампусе.

— Со своими соседками по этажу?

— Ага. — Я не люблю врать Райану, но правда ему не понравится. — Познакомилась с одной новенькой из Калифорнии. Она из команды по теннису. Мы провели вместе весь день.

— Отлично. Я рад, что ты заводишь друзей. Слушай, мне нужно идти. Но на неделе я еще позвоню, чтобы узнать, как продвигается твоя учеба. А папа наберет тебя завтра, наверное, хорошо?

— Да. Пока, Райан.

После разговора я хватаю старое покрывало, книгу и чипсы с содовой и выхожу наружу, чтобы найти какое-нибудь большое дерево с тенью, повалиться под ним и почитать книжку. Через какое-то время меня начинает клонить в сон.

— Джейд. Проснись. — Меня кто-то толкает. Это Гаррет, и он сидит позади меня на покрывале. — Давно ты здесь?

— Без понятия. Который час?

— Шесть. Через час у нас встреча в бассейне. Тебе стоило бы размяться.

— Не-а, мне не нужна разминка. Я готова. — Я сажусь и нахожу свою книжку.

— Ты бы съела что-нибудь. Что у тебя было на ланч?

Я поднимаю пустую упаковку из-под чипсов и почти выпитую бутылочку содовой.

— Мой ланч.

— И все? Так, пойдем-ка по-быстрому перекусим.

— Не хочу. К тому же, говорят, что перед плаванием лучше не есть.

Он поднимается и протягивает мне руку.

— Глупости. Идем, моя машина припаркована рядом.

— Нет, я поем потом. — Я беру его за руку, позволяя помочь мне подняться. — Нам обязательно ждать до семи? Может, покончим с этим прямо сейчас?

— Думаю, так мы и поступим. — Он наблюдает за тем, как я допиваю содовую. — Знаешь, ты бы могла сделать вид, что хоть немного взбудоражена. Ведь, кроме всего прочего, ты сможешь увидеть меня практически обнаженным.

Я в изумлении смотрю на него.

— Стоп. Ты правда сказал это вслух? — Он молчит, и я качаю головой. — Кажется, кое-что чересчур много о себе возомнил. Теперь я точно буду смотреть в другую сторону. Эх, а так хотелось посмотреть на тебя голого.

Гаррет дерзко усмехается. Ему прекрасно известно, как мне хочется увидеть его полуголым. Да об этом мечтает любая девчонка из кампуса.

Подняв книжку, я выбрасываю мусор, в то время как Гаррет стряхивает с пледа травинки. Мы идем ко мне в комнату, и я понимаю, что он не был тут с тех пор, как помогал мне въехать.

– У тебя так мало вещей, – говорит Гаррет, осматриваясь.

– Мне они и не нужны. Думаю, у людей вообще слишком много вещей. И они все равно превращаются в хлам.

– У моих родителей есть лишний телек. Пылится в кладовке, поэтому, если что, могу дать его тебе.

– Не надо. – Я отхожу и жду его у двери. – Ладно, идем и покончим со всем этим. Он смеется.

– Можешь хотя бы сделать вид, что это будет весело? Он выходит в коридор и ждет, пока я закрою дверь.

– Не хочешь прихватить что-нибудь с собой?

– Например?

– Одежду на смену, шампунь. Не знаю.

– Но ты сам ничего не взял.

– Все мои вещи уже в шкафчике.

– Мы же вернемся сюда, когда поплаваем, так? Тогда и переоденемся.

Бассейн находится между беговой дорожкой и фитнес-центром. Мы идем к раздевалкам. В женской стоит пластиковая корзина, набитая черными слитными купальниками, и я, отыскав свой размер, переодеваюсь, а затем хватаю несколько полотенец и оборачиваю одно вокруг талии.

Когда я подхожу к бассейну, оказывается, что Гаррет уже плавает, плавно двигаясь на воде. Заметив меня, он останавливается, пока я плялюсь на его торс и пресс – сплошные мышцы, одним словом. Его руки тоже развиты идеально. Этот парень мог бы легко попасть на обложку мужского спортивного журнала. Мой взгляд переходит на воду, и я вижу, что на нем черные плавки. Они маленькие и облегающие, но все равно прикрывают намного больше, чем те, что носят парни на Олимпиадах.

– Залезай. – Его голос эхом разносится по огромному помещению. – Вода только поначалу кажется холодной, но к ней быстро привыкаешь, когда начинаешь двигаться.

Я сбрасываю полотенце, остро чувствуя свою наготу. Я не надевала купальник с выпускного класса.

Присев на краешек бассейна, я опускаю ноги в холодную воду.

Гаррет подплывает ко мне.

– Надо погрузиться сразу и целиком. Так будет легче.

– Знаешь, наверное, это плохая идея. Не очень люблю плавание.

– А я не очень люблю бег. Но все-таки уступил тебе.

Он тянется вверх и, обняв мою талию, приподнимает меня. Не успеваю я возразить, как он медленно опускает меня в воду до самых ключиц. Я хватаюсь за бортик, пытаясь удержаться на плаву.

– Ну как? – Он отпускает меня, о чем я слегка сожалею. Мне и впрямь понравилось быть в его объятиях.

– Все еще холодно.

Ногой я пытаюсь достать до дна. Не выходит. Здесь неглубоко, просто я сама по себе невысокая. Если убрать руки, то я погружусь, как минимум, по самые щеки.

Гаррет мочит ладони, а потом проводит ими по моим плечам.

– Тебе просто нужно привыкнуть. А теперь давай ныряй.

– Я еще не готова.

На самом деле это не так, просто я отвлеклась на его мягкое прикосновение, запустившее по всему моему телу покалывающую волну.

– Боишься намочить волосы?

Вместо ответа я бросаю на него раздраженный взгляд и окунуюсь в воду, а потом, запрокинув голову, начинаю плыть на спине.

– Так-то лучше, – комментирует он. – Хочешь немного разогреться перед настоящим

заплытом?

– Естественно. – Я занимаю позицию, затем отталкиваюсь от бортика и плыву вольным брасом под пристальным наблюдением Гаррета. Стараюсь плыть помедленнее, чтобы он подумал, будто я ужасная пловчиха.

– Ладно, я готова, – заявляю я после своего нарочито медлительного заплыва.

– Нам не обязательно соревноваться. Можно просто поплавать.

Я прямо-таки кожей чувствую, как ему неловко из-за моей неопытности. Настолько, что он готов отказаться от состязания.

– Ну уж нет Я преодолела столько преград, чтобы попасть сюда. И ты будешь со мной соревноваться. А теперь давай на старт.

– Хорошо, но только туда и обратно, ясно? На старт. Внимание. Марш! – выкрикивает он, а потом несколько секунд медлит, чтобы дать мне фору. Я срываюсь с места и плыву так быстро, как никогда раньше, позволяя своим способностям в плаванье полностью раскрыться. Когда-то я плавала наперегонки на физкультуре и побеждала, однако те ребята не состояли в команде по плаванию. Однако я все еще могу показать себя в этом деле. Я достигаю бортика раньше Гаррета, а затем поворачиваю назад и, проплывая мимо него, замечаю на его лице удивленное выражение. Он пытается обогнать меня, но я все равно его опережаю.

– Отличная актерская игра, – говорит он, задыхаясь.

– Не понимаю, о чем ты.

Он подплывает ближе.

– Теперь, когда я убедился в твоих способностях, устроим еще один заплыв? Только в этот раз никакой форы ты не получишь, и мы повторим заплыв трижды. У такой бегуны наверняка хорошая выносливость. Так что с парой лишних заплывов ты справишься без труда.

– Без проблем. – Я возвращаюсь на позицию.

Он делает обратный отсчет, и мы снова срываемся с места. На этот раз Гаррет не медлит. Я стараюсь изо всех сил, чтобы не отстать, но в конце отстаю от него на один круг, и он побеждает.

– Это было замечательно, Джейд. Очень хорошо.

Гаррет смахивает капли воды с лица.

– Ничего хорошего. Я сильно отсталла.

– Я плавал всю свою жизнь. Со мной занимались олимпийские тренеры. Так что такое расстояние для тебя – действительно хороший показатель. Плавать у тебя получилось намного лучше, чем у меня – бегать.

– Хочешь повторить?

Он смеется.

– Черт, а ты азартная. Дай тебе волю, и ты бы осталась здесь на всю ночь, лишь только победить меня, да?

– Не исключено. – Я держусь за край бортика, покачиваясь на воде вверх-вниз. – Ну ладно. Точно осталась бы. Так ты хочешь повторить или нет?

Гаррет обнимает меня за талию, и мое сердцебиение тут же ускоряется, как во время заплыва.

– Мне нравится эта твоя черта, Джейд. Твоя азартность. – Он придвигается ко мне еще ближе.

Я отцепляю пальцы от бортика, вынуждая его обнять меня крепче. Положив вторую руку мне на спину, он прижимает меня к себе. От участившегося дыхания моя грудь тяжело вздымается. Гаррет же, напротив, абсолютно спокоен, как и его дыхание.

– А что еще тебе во мне нравится? – Мне самой удивительно, с каким кокетством я произношу эти слова.

Он впивается в мое лицо взглядом, и мое сердце начинает колотиться еще быстрее.

– Мне нравится, как ты подкалываешь меня. Больше никто так не делает. И никогда не делал. – Он берет паузу. – То, как ты игнорируешь меня, вынуждая за собой погоняться. То, что тебе безразлично мнение окружающих, включая мое.

Он склоняется к моему лицу, нежно касается губами моего уха и, пока от его теплого дыхания у меня по коже бегут мурашки, говорит – очень тихо, почти шепотом:

– Мне нравится, что ты невероятно горяча, но даже не подозреваешь об этом. И что заводишь меня настолько сильно, что я и не подозревал, что такое возможно.

– Что-нибудь еще? – выдыхаю я.

Он смотрит на меня.

– Мне нравится, что у меня нет ни малейшего представления о том, что ты сделаешь после этого.

Он наклоняется и нежно целует меня, а после замирает в ожидании разрешения продолжать. Я медленно целую его в ответ, ощущая на его мягких, полных губах влагу. Обвиваю руками его шею, а ногами – талию. Он улыбается моей реакции, затем еще крепче обхватывает меня и прижимает к себе. Второй рукой он ведет по моей спине вверх, к волосам, и, взяв меня за затылок, придвигается ближе к моему рту. Я раскрываю губы и чувствую, как смешивается наше дыхание.

Он углубляет поцелуй, и я теряюсь в этом чувстве. В ощущении его. В том, как нам хорошо вместе, когда его торс прижимается к моей груди, а наши тела разделяет лишь тонкая ткань купальника. Всё это пробуждает во мне такие эмоции, на которые я, как мне казалось, была неспособна.

В каждой клеточке моего тела вспыхивает огонь, и я в погоне за ощущением близости прижимаюсь к нему еще крепче.

На прохладном воздухе капли воды на купальнике высыхают, и я вздрагиваю. Заметив мою дрожь, Гаррет погружает меня поглубже в воду и при этом не отрывается от меня взгляд, а затем окунает лицо в бассейн и касается губами моей шеи, оставляя влажный след. Снова окунается и увлажняет мой рот своими губами, а потом слизывает влагу языком. Мне нравится его вкус. И то, что я ощущаю при этом. Мне нравится всё.

Мое тело молит о продолжении. О большем. Раньше мне не хотелось подобных вещей. С другими парнями я нервничала, боясь их следующего шага. Я им не доверяла. Когда они притрагивались ко мне, мое тело сразу же напрягалось, будто приходя в боевую готовность на случай, что они зайдут слишком далеко. Но с Гарретом я чувствую себя в безопасности, я совершенно расслаблена, пока его сильные руки держат меня, а вокруг нас плещется вода.

Мужчины лжецы, Джейд. Они говорят лишь то, что ты хочешь услышать. Они добиваются своего, а затем уходят.

Голос матери, вспыхнув в голове точно молния, выдергивает меня из блаженной неги. Я стараюсь не обращать на него внимания, заклиная, чтобы он замолк.

«Позволь мне насладиться этим, – умоляю я голос. – Позволь мне почувствовать хоть что-то. Что-то свое. Что-то, что еще не разрушено тобой. Я не принадлежу тебе, мама. Я никогда не стану тобой».

Мои ноги, которыми я обнимаю Гаррета, расслабляются, и я погружаюсь в воду, а он подхватывает меня за бедра. Внутри меня растекается тепло, и я выгибаюсь, когда Гаррет целует мою грудь. Я снова обвиваю его ногами и чувствую, как его рука опять поднимается к моему затылку, а вторая двигается вниз по моей попе и приподнимает меня, будто спрашивая разрешения скользнуть под купальник.

В голове вновь всплывает голос матери:

«Ты закончиши, как я, Джейд. Достаточно одного раза. С одним мужчиной. И вся жизнь наスマрку».

Я почти чувствую запах спиртного.

«Я не ты, – кричу ей в ответ. – Что бы ни произошло, я никогда не буду на тебя похожа!»

Черт! Ну почему она так со мной? Почему сейчас? Когда всё кажется таким правильным и идеальным. Я не хочу, чтобы это заканчивалось. Почему, ну почему она отбирает у меня всё хорошее?

Меня, точно пушечный выстрел, пронзает гнев, и я мгновенно теряю контроль. Отстраняю Гаррета и отталкиваюсь от него ногами.

Он отпускает меня с пораженным и испуганным выражением на лице.

– Джейд? Ты чего? Что я сделал?

Во мне вспыхивает чувство вины. Гаррет думает, что сделал что-то не так, когда он совершенно ни в чем не виноват. Он делал ровно то, чего мне хотелось, хотя еще пару минут назад я и не подозревала об этом. У меня и в мыслях не было, что я когда-нибудь смогу испытать к кому-то нечто подобное. Хоть с кем-то ощутить себя в безопасности.

Но она все испортила. Из-за нее я почувствовала, будто совершила ошибку. Будто меня ждет та же судьба. Одиночество, алкоголизм и в неполные сорок лет.

Я подплываю к бортику.

– Мне нужно идти.

У меня слабый голос. Меня знобит от холода. Я с усилием подтягиваюсь и ложусь животом на бортик, а затем, подтянув ногу, выбираюсь из воды. Наверное со стороны я кажусь идиоткой, вылезая вот так, но лестница находится от меня чересчур далеко.

– Подожди! Я не понимаю. – Гаррет подплывает ко мне и, не прилагая никаких усилий, выбирается из бассейна. – Джейд, постой! – Он ловит меня за руку, когда я пытаюсь уйти. – Прости. Я думал, что ты не против. Наверное, я неправильно тебя понял.

Я поворачиваюсь к нему спиной, но моя рука остается в его крепкой хватке. По лицу текут слезы, но отказываюсь показывать их ему. От злости на себя мне хочется закричать. Но я сдерживаюсь и просто стою, пытаясь восстановить дыхание.

– Джейд, надо было сказать. Я бы остановился. Этого больше не повторится, хорошо?

От его слов все только хуже. Я *не хочу*, чтобы это не повторялось. Я хочу, чтобы он повторял это вновь и вновь. Я хочу вернуть эти чувства, эти эмоции, это желание – я хочу вернуть это все. Но она снова мне помешает.

9

Вырвав руку из хватки Гаррета, я убегаю в женскую раздевалку.

– Джейд, вернись! – раздается позади его голос.

Я включаю душ и сползаю на холодный кафельный пол, под струи горячей воды. Обнимаю согнутые в коленях ноги и кладу на них голову. Мои слезы смешиваются с омывающим меня потоком воды. Я наблюдаю за тем, как вода кружит в водовороте, прежде чем попасть в водосток. Как она медлит какое-то время, словно не хочет попадать в эту темную дыру. Я чувствую то же самое. Каждый раз, когда в моей жизни происходит что-то хорошее, я сомневаюсь, думая, что это невозможно. Зная, что это ненадолго. А потом мои опасения подтверждаются, и я вновь оказываюсь в той темной дыре, с которой все началось.

Почему я позволяю ей оказывать на меня такое влияние? Откуда у нее такая власть надо мной? Я не ее собственность. Я закончила чертову школу и на вручении дипломов произнесла прощальную речь. Я получила полную стипендию в престижном частном колледже и не собираюсь вылететь отсюда из-за одной безумной ночки, чтобы провести остаток жизни, накачиваясь наркотиками до тех пор, пока не умру на полу ванной.

Я помню день, когда к нам домой пришел один парень. Он учился со мной в одном классе и просто занес книгу, которую я забыла в школе. Но моя мать решила, что он пришел ради секса. Она была настолько одержима мыслью о нежелательной беременности, что посадила меня на противозачаточные уже со вторых моих месячных. А мне было всего тринадцать, черт побери! Я еще даже ни разу не целовалась!

Даже если бы я и забеременела, чему я никогда не позволила бы случиться, то все равно не стала бы такой, как она. Каким человеком надо быть, чтобы накачивать себя спиртным и таблетками, когда у тебя на руках ребенок, а потом продолжать усугублять свою зависимость с каждым годом? Больным, эгоистичным, ужасным человеком, не имеющим сострадания к маленькому и беззащитному ребенку, который не хотел рождаться в таких условиях. Вот каким.

Я сижу на полу в клубах горячего пара. Слезы иссякли, но во мне по-прежнему кипит гнев. Ненавижу ее. Ненавижу. Но я не могу позволить ее словам продолжать контролировать меня. Она и так слишком многое лишила меня. Я не дам ей отнять еще и остаток моей жизни.

Медленно поднявшись, я выключаю воду. Вытираюсь и, дрожа от прохладного воздуха кондиционера, надеваю шорты и топик. Из-за мокрых волос мне еще холоднее, но я слишком вымотана, чтобы сушить их.

Когда я выхожу, то слышу за спиной голос.

– Эй, – мягко и тихо произносит Гаррет. Я останавливаюсь и чувствую, как мои руки нежно касаются его пальцы. Каждая клеточка моего тела хочет сбежать, но по какой-то необъяснимой причине я с опущенной головой поворачиваюсь к нему, а он отпускает мою руку и без лишних слов обнимает меня.

Я закрываю глаза и делаю глубокий вдох. На его коже еще чувствуется запах хлорки. Я прячу лицо у него на груди и прислушиваюсь к биению его сердца. Оно бьется так быстро. Наверное от того, что он теперь до чертиков боится прикасаться ко мне. Но потом сердцебиение замедляется, и нас окружает полная тишина. Пока это возможно, я наслаждаюсь ощущением близости, поскольку не уверена, позволю ли ему или кому-либо еще приблизиться ко мне.

Наконец, я отстраняюсь, но его руки все еще остаются на моей талии. Я не поднимаю голову, стесняясь смотреть ему в лицо.

– Прости, что я так отреагировала.

– Все нормально. Это мне не следовало быть таким настойчивым. Я не планировал этого, Джейд. Когда я приглашал тебя поплавать, то даже не думал об этом.

– Я не могу. Прости, но я не могу.

– Из-за того, что случилось?

– Нет. Просто ничего не выйдет.

– Я тебе не нравлюсь в этом плане, да?

Что? Он это серьезно? Если б он только знал, как сильно мне нравится. Похоже, мой срыв испугал его, раз он так думает.

– Я просто не могу сейчас завязывать отношения. Мне нужно сосредоточиться на учебе.

Он отпускает меня и берет за мои бевольно повисшие руки.

– Тогда я просто буду твоим другом. Всем нужны друзья, ведь так?

Я пристально смотрю на него.

– Не знаю. Я не очень хороший друг. Тебе стоит выбрать кого-то получше.

Он улыбается.

– Не-а. Я выбираю тебя. Только ты способна помочь мне прикончить тот «Boxcar Bonanza».

Другим девчонкам под силу лишь один укус. И только ты знаешь, что я тайно обожаю мультики. Кстати, не вздумай об этом болтать.

Его слова вызывают у меня улыбку, что после моего недавнего состояния кажется нереальным.

– Однажды, даже если мы и будем лучшими друзьями, я надеру тебя задницу на той дорожке.

– Тебе никогда не одолеть меня. Ты всегда будешь, как минимум, на шаг позади.

– Тогда я просто буду следовать за тобой, пока не догоню. – Он ждет, когда я подниму взгляд. – Что скажешь? Можем мы стать друзьями?

Мне так хочется от него чего-то большего, чем простая дружба – если моя израненная душа окажется в состоянии с этим справиться. Я не хочу, чтобы он исчез из моей жизни.

– Пожалуй. Но я не собираюсь относиться к тебе как-то иначе. Я не буду ни с того ни с сего милой с тобой.

– Нет, конечно же.

– Нам нужно идти. У нас утром первая вводная лекция.

Он отпускает одну мою руку, но вторую продолжает держать всю обратную дорогу к холму.

Кампус выглядит намного оживленней. Почти все заселились. Задний двор у главного здания заполонили машины и люди. Я подпрыгиваю, когда кто-то врубает радио в машине в момент, когда мы проходим мимо, а Гаррет поглядывает на меня – возможно, переосмысливая соглашение о дружбе с такой ненормальной, как я.

– Не люблю громкие звуки, – поясняю я. – Особенно, когда они появляются из ниоткуда.

– В студенческом общежитии от шума никуда не денешься, Джейд.

– Знаю. Но это не значит, что такой расклад дел мне по душе.

Не доходя до входной двери, он останавливается.

– Чуть не забыл. Ты же весь день не ела. Суши волосы, а потом мы куда-нибудь сходим.

– Все нормально. Поздновато для еды.

– Еще и восьми нет. Тебе нужно питаться. Чипсов и содовой недостаточно.

Особенного аппетита у меня нет, но желудок кажется пустым.

– Тут есть неподалеку одно местечко с тако. Идем туда.

– В ту обшарпанную дыру?

– Ага. Я заходила туда однажды. Было неплохо.

– Ни за что. Там все травятся. Мы называем это место «Адский тако».

– Я же не отравилась.

– Я не поведу тебя в «Адский тако». Куда угодно, но не туда. – Он задумчиво замолкает. – Как насчет «Бургер Хат»? Быстро и дешево.

– Звучит неплохо. – Когда мы заходим в здание, я замечаю выходящую из ванной Харпер.

Одетая в розовый халат, она идет с опущенной головой.

– Привет, Харпер. Это...

Мельком взглянув на меня, она делает предупреждающий жест.

– Извини, Джейд. Не могу сейчас говорить. Меня тошнит. Наверное, отравилась чем-то.

– Тако? – осторожно спрашиваю я.

– О господи. Не произноси это слово. – Она разворачивается и бежит обратно в ванную.

Гаррет бросает на меня выразительный взгляд.

– Ладно, – бормочу я. – Больше туда ни ногой.

– Я поднимусь и быстро переоденусь. Скоро вернусь.

Пока его нет, я захожу к себе и натягиваю джинсы и кофту с длинными рукавами. Потом начинаю сушить волосы, гадая, вернется Гаррет за мной или нет. Сейчас он, наверное, думает, что я совсем ненормальная. Наверняка в бассейне он был милым со мной лишь затем, чтобы я снова его не отшила.

Спустя десять минут его все еще нет. Сколько можно переодеваться? Ему же известно, как быстро я собираюсь. Проходит еще пять минут. Я сижу на кровати и жду. Никогда еще мне не доводилось ждать парней. Я не из тех девушек, которые позволяют парням контролировать себя. Так зачем я его жду? Он больше не вернется. Скорее всего, он прямо сейчас рассказывает всему верхнему этажу о сумасшедшей с первого.

— Забудь, — произношу я вслух. Открываю дверь, чтобы уйти, и натыкаюсь на Гаррета.

— Куда-то собралась?

— Где ты застрял?

Он отступает в сторону, и я замечаю Блейка в ярко-зеленых спортивных шортах, темно-синей футболке и тапках. Его лохматые светлые волосы похожи на мочалку.

— Привет, Огайо. — Он проталкивается мимо меня в комнату и, с ногами плюхнувшись на кровать, закладывает руки под голову с таким видом, будто решил зависнуть тут надолго.

Гаррет произносит одними губами «извини», а затем подходит к Блейку и сбрасывает его ноги с кровати.

— Вставай, Блейк. И проваливай из ее комнаты.

— Мне нужно отдохнуть минутку. — Он зевает и кладет ноги обратно.

— Я серьезно. Вставай. Сейчас же. — Гаррет стоит над ним, ожидая, когда тот сдвинется с места.

— Когда буду готов, тогда и встану. И вообще, это даже не твоя комната, так что заткнись нахрен. Огайо меня не прогоняет.

— Меня зовут Джейд. И я из Айовы. Не из Огайо.

— Да какая разница, — бормочет он.

— Э, нет. Это два разных штата. Они даже не рядом. Ладно, неважно. Просто уди отсюда. Он приподнимается на локтях.

— Ты не очень-то дружелюбна, Огайо. Я думал, люди из центральных штатов приветливы и все такое.

— Свали с ее кровати, — приказывает Гаррет, теряя терпение.

— Что ты тут вообще делаешь? — спрашиваю я Блейка. — Я думала, ты живешь вне кампуса.

Блейк встает и приобнимает Гаррета за плечи.

— Да вот, пришел навестить приятеля. С тех пор, как ты здесь, я его почти не вижу. Мы должны были провести последние деньги перед занятиями вместе, но вместо этого он зависает с какой-то телкой из Огайо.

Блейк пьян. Сначала я не заметила этого из-за отвратительного одеколона, в котором он, наверное, искупался. Но теперь, когда он стоит передо мной, я чувствую исходящий от него запах спиртного.

— Меня зовут *Джейд*, — яростно повторяю я. — И я *не* из Огайо.

— Да как скажешь, стерва.

Гаррет сбрасывает с себя руку Блейка, затем делает захват и заводит ее ему за спину.

— Как ты ее только что назвал?

Блейк вырывается из захвата и толкает его в плечо.

— Какого хрена с тобой творится?

— Ты больше никогда не назовешь ее так. Понял?

На лице Блейка появляется отвратительная усмешка.

— Так ты с ней спишь? Поэтому тебя не видно в последнее время?

Я прямо-таки чувствую напряжение в комнате, когда гнев Гаррета закипает еще сильнее.

— Я сделаю тебе очень больно, если ты не уберешься отсюда прямо сейчас.

— Отлично. Уже ушел. — Блейк спотыкается в коридоре. — Мне все равно пора. Дома меня ждет текила.

— Он сядет за руль? — шепчу я Гаррету. — Нельзя водить машину в таком состоянии.

Гаррет вздыхает.

— Я отвезу его, а потом вернусь, ладно?

— Я поеду с тобой. — Подхватив сумочку, я выхожу вслед за ним в холл.

— Мы везем тебя домой, Блейк, — заявляет Гаррет.

— Я и сам в состоянии отвезти себя. — Он зевает. — Просто устал.

— Ты слишком много выпил. Ты не сядешь за руль. — Гаррет и я проходим мимо него.

- Мне нужна машина, чтобы попасть на завтрашнюю вводную лекцию.
- Тогда Джейд поедет на ней, а тебя подвезу я. Отдай ей ключи.
- Черт, ну нет! Я не пущу Огайо за руль своей машины. Ни за что. Ни одна девчонка не поведет мою машину.

Гаррет становится перед ним.

- Тогда дай *мне* твои ключи, а она поедет на *моей* машине. Теперь пошли.
- Ты реально меня бесишь. – Блейк тянется в карман и отдает Гаррету ключи. – Надеюсь, Огайо того стоит.

Мы пересекаем холл и выходим на парковку. Гаррет передает мне свои ключи. Я пялюсь на них в неуверенности, что с ними делать. Я никогда не водила БМВ, и мне немного боязно. Вдруг я ее сломаю?

– Просто езжай за мной, Джейд, – произносит Гаррет. Он стоит рядом с красным порше. Блейк уже сидит внутри. – Его квартира в нескольких минутах езды.

Я забираюсь в машину Гаррета и регулирую сиденье. Затем ищу кнопки и пристегиваюсь ремнем. Не могу поверить, что он позволил мне ехать в своей машине. Он едва знаком со мной. Эта машина стоит больше, чем дом, в котором я выросла.

Порше двигается с места, так что я завожу машину и выезжаю вслед за ним. Мыдвигаемся по главной улице, затем сворачиваем на темную узкую уличку. Из-за деревьев по краям дороги здесь так темно, что надо бы включить дальний свет, но я не могу разобраться, как это сделать.

Мы останавливаемся перед воротами, и Гаррет что-то говорит охраннику. Когда я подъезжаю к воротам, охрана машет мне, пропуская внутрь. Гаррет паркуется перед двухэтажным жилым комплексом. Я представляла себе многоэтажку с маленькими, убогими квартирами, но богатенький мальчик Блейк вряд ли стал бы жить в таком месте.

Гаррет вылезает из порше и, захлопнув дверцу, передает ключи Блейку. Пьяный парень не успевает поймать их и роняет на землю.

Я выхожу из машины Гаррета и пересаживаюсь на пассажирское сидение.

Подняв ключи, Блейк выпрямляется и запихивает их в карман.

– Подожди, когда об этом узнает отец, – говорит он Гаррету. – Можешь начать прощаться со своим трастовым фондом.

Гаррет игнорирует его и присоединяется ко мне в машине. Сдвинул назад, затем набирает скорость и резко останавливается, ожидая, когда откроются ворота.

– Что-то не так?

– Ничего особенного, – отрезает он.

– Ты выглядишь очень злым. Если хочешь, можем пропустить ужин и просто вернуться в кампус.

– Мы не пропустим ужин. Просто Блейк меня бесит. Я приду в себя через пару минут.

– Если он тебя бесит, зачем же ты с ним общашься?

Гаррет регулирует зеркало заднего вида, которое я сдвинула, пока вела машину.

– Просто забудь об этом.

– Что он имел в виду, говоря о твоем отце?

– Джейд. Я попросил тебя оставить эту тему. Просто забудь.

Отвернувшись, я устремляю взгляд в темноту. Мы едем в кафе с бургерами и по настоянию Гаррета садимся есть там, а не берем ужин на вынос. За все время он не произносит ни слова. Уходит в себя и кажется отстраненным. Я не допытываюсь, почему. Лучше не знать причины. Надеюсь, это все из-за Блейка, и он скоро успокоится.

Люди правы насчет первого впечатления. С первой минуты знакомства с Блейком я сразу поняла, что он мне не нравится. И сегодня это только подтвердились. Даже Гаррету не нравится этот парень. Интересно, почему они вообще дружат.

10

Во вторник утром столовая наконец-то открывается. Я уже собираюсь отправиться завтракать, как вдруг раздается телефонный звонок.

– Джейд, это Фрэнк. Как дела? – Голос у него твердый – значит он поправляется.

– Привет, Фрэнк. Как самочувствие?

– Все хорошо, но я звоню узнать, как ты. Все в порядке в Коннектикуте?

– Да. Я в порядке. Все нормально.

– Мы очень скучаем по тебе. Здесь без тебя так непривычно.

Лучше бы он не говорил этого. Я тоже по нему скучаю, но все же не могу постоянно об этом думать.

– Уверена, Райан составляет тебе компанию.

– Да. – Фрэнк колеблется. – Но мы с ним сейчас не разговариваем, так что...

– Вы поссорились? Почему? – спрашиваю я, хотя знаю ответ заранее.

– Райан бросил колледж. Он тебе говорил?

– Ага, но всего на один семестр.

– Он представил все так, будто собирается отложить его на год. Райан губит свое будущее. Я пытался донести ему это, но он ко мне не прислушался. Он такой же упрямец, как я. Вот я и подумал, может быть, у тебя получится его вразумить.

– Я уже пыталась его отговорить. Райан и меня не послушал. Но я уверена, что к весеннему семестру он вернется.

– Так занятия начинаются сегодня? – В голосе Фрэнка слышны веселые нотки.

– Ага, сегодня вводная лекция. Я как раз собиралась по-быстрому позавтракать. Столовая наконец-то заработала.

– Райан упоминал, что она была закрыта. Сказал, тебя приглашал в кафе какой-то парень.

– Всего пару раз.

– Будь осторожна, Джейд. Я только за, чтобы ты хорошо проводила время, но просто будь осторожна, ладно?

– Хорошо, Фрэнк. Я буду осторожной. – Да что ж такое-то! Фрэнк с Райаном поучают меня, словно мне предстоит учиться с кучкой преступников. Словно все до единого парни, с которыми я познакомлюсь, каким-то образом навредят мне. Будто я какая-то беспомощная девушка, которая не в состоянии постоять за себя. Это реально начинает раздражать.

– Что ж, похоже, тебе предстоит занятое утро, так что не буду тебя задерживать. Позвоним тебе позже на неделе, чтобы узнать о твоих занятиях.

Он отключается, и я торопливо спускаюсь в столовую, где вопреки моим ожиданиям оказывается практически пусто. Наверное, я единственная радуюсь обедам на территории кампуса. Взяв поднос, я беру пару пончиков и – хоть для какой-то питательности – яйцо вкрутую. Затем наливаю себе содовой и устраиваюсь за свободным столиком.

– Джейд. – Это Харпер, и она выглядит намного лучше, чем накануне. – Можно к тебе присоединиться?

– Конечно. Как себя чувствуешь?

– Еще немного мутит, но я подумала, что можно рискнуть что-нибудь съесть.

– Мне так жаль по поводу тако... То есть, прости, что я заставила пойти тебя в ту забегаловку.

Она смеется.

– Все в порядке. Мне уже лучше, так что можешь теперь спокойно произносить слово на букву «Т». И ты ни в чем не виновата. Пойду, возьму себе что-нибудь. Сейчас вернусь.

Минутой позже она возвращается с полной тарелкой фруктов и парочкой тостов.

– Так кто тот горячий парень, с которым я тебя вчера видела?

– Гаррет. Я рассказывала тебе о нем.

– Ага, но ты не говорила о его внешности. – Она откусывает кусочек тоста. – Он чертовски сексуален, Джейд. И он в команде пловцов, да? Я видела его лишь мельком, но все же успела заценить его отличное тело.

Я чищу яйцо.

– У него действительно отличное тело.

Она тянется через стол, останавливая меня.

– Стоп. Ты что, видела его голым? Уже? Вы же только что познакомились. Я и не знала, что вы двое встречаетесь.

– Расслабься. Ничего не было. И мы не встречаемся. Я просто плавала с ним, заодно и рассмотрела его.

Я продолжаю очищать яйцо.

– И что скажешь? – Она смотрит на меня в ожидании подробностей.

– Он горяч, ясно? Весь в мышцах. Шесть кубиков. Накачанный.

Она улыбается так, будто представляет его голым.

– Когда вы снова пойдете плавать? Я была бы не прочь к вам присоединиться.

Меня бесит то, что она заинтересовалась Гарретом. Знаю, это не правильно, и все же.

– Так что между вами происходит? – спрашивает она, разрезая клубнику пополам. – Он приглашал тебя на свидание?

– Мы просто друзья. Я не хочу сейчас ни с кем встречаться. Сначала нужно разобраться с колледжем.

– А что с ним разбираешься? Ходишь на пары и учишься. Вот и все. Если он тебе нравится, ты просто обязана сходить с ним на свидание. Такой очаровашка останется одним ненадолго. – Она ест клубнику. – И если у него появится девушка, то вы больше не будете тусоваться вместе.

Об этом я не задумывалась, но она, безусловно, права. Если я не буду встречаться с Гарретом, то появится другая, и тогда нашей дружбе конец. Эта мысль расстраивает меня, что глупо, поскольку это вообще не должно меня волновать. Я едва его знаю.

Харпер встает из-за стола.

– Нам нужно идти. Уже почти десять.

Мы убираем подносы и направляемся в студенческий совет на лекцию.

Люди уже выстроились в очередь, чтобы зарегистрироваться и получить свой ознакомительный пакет. Харпер и я идем в конец очереди и ждем под ленивый шум окружающей нас болтовни.

В помещении жарко и душно, как будто нет кондиционера. Я сразу начинаю потеть.

– Ты запишешься в какие-нибудь кружки или клубы? – спрашивает Харпер, снимая с запястья резинку и собирая волосы в конский хвост.

– У меня нет на них времени. Нужно найти работу. А ты?

– Возможно. Это отличный способ завести новые знакомства. В школе я была в хоре, драмкружке, французском клубе, школьном совете и в комитете по выпускному.

Вместе с очередью мыдвигаемся вперед.

– И при этом ты успевала делать уроки?

– Они отнимают не так много времени, как тебе кажется. К тому же, мне нравится общаться с людьми. Терпеть не могу одиночество.

Я приподнимаю свои волосы и, пытаясь охладиться, держу их над шеей.

– У тебя нет запасной резинки? А то здесь жарко.

– Конечно. – Покопавшись в сумке, она передает мне резинку.

– У тебя красивые волосы, Джейд. Такие густые и вьющиеся от природы. Я бы за такие убила.

– Правда? А вот мне бы хотелось иметь прямые волосы.

Пока я убираю волосы в хвостик, она разворачивает меня.

– Зачеми того потрясающего блондина в конце очереди.

Парень, на которого она указывает, – Блейк. Лично мне он совершенно не кажется привлекательным, но хорошо хоть, что перед занятиями он догадался привести себя в порядок. Его волосы небрежно растрепаны, и вместо своих обычных спортивных шорт и шлепок он надел светлые шорты, темно-синее поло и форменные матерчатые лоферы.

– Этот парень полный придурок. Даже не думай с ним встречаться.

– Это почему? Откуда ты его знаешь?

– Он друг Гаррета. Живет не в кампусе, но зависал здесь вчера вечером и был настолько пьян, что нам пришлось отвезти его домой.

– Но тебе же нравится Гаррет. Неужели его друг может быть настолько плохим? – Она

продолжает пялиться на Блейка.

— Я не знаю, почему они дружат, но предупреждаю тебя, Харпер. Просто держись от него подальше.

Примерно через час наша очередь наконец-то подходит, и мы оказываемся перед четырьмя женщинами, сидящими за столом, на котором стоят таблички с буквами алфавита. Я подхожу к секции «С – Я» для Тейлор, а Харпер к «А – Е» – Дуглас.

Женщина спрашивает мое имя, вводит его на клавиатуре и протягивает мне папку с эмблемой колледжа.

— Это для твоего компьютера. — Она вручает мне ярко-зеленый листок с моим именем и номером студенческого ID. — Можешь получить его в книжном магазине в любое время, начиная с сегодняшнего дня.

Колледж предоставляет первокурсникам лэптопы, и это хорошо, поскольку у меня нет денег, чтобы купить себе свой.

Когда я уже собираюсь уходить, женщина окликает меня.

— Еще одно. Похоже, это тебе. — Мне передают красный конверт. — Джейд, верно? Победительница Кенсингтонской стипендии?

— Э-э, ага, — мялю я, забирая конверт, и подхожу к Харпер.

— Что это? — спрашивает она. — Мне такого не дали. А должны были?

— Не думаю. Пошли отсюда. Здесь слишком душно и жарко.

Выйдя на свежий воздух, мы видим во дворе собравшихся в большие группы студентов.

— Мы в одной группе, заметила? Нам нужно идти вон туда. — Харпер указывает на группу студентов, стоявших перед научным корпусом.

Когда мы подходим к месту встречи, у нее звонит телефон, и, пока она отвечает на звонок, я вскрываю таинственное послание. Внутри записка.

Джейд, мы с нетерпением ждем встречи с тобой. Сегодня в половине седьмого подъедет машина и отвезет тебя в наше поместье. Вернем тебя не позже десяти.

С уважением, мистер и миссис Кенсингтон.

О, черт! Ужин с ними напрочь вылетел у меня из головы. Заодно с известием о стипендии я получила и приглашение, но это было так давно, что с тех пор я о нем и не вспоминала. Что же надеть? Наверняка, футболка с джинсами будут выглядеть неуместно. Правда, у меня есть одно черное платье без рукавов и какие-то черные туфли на невысоком каблуке. Это платье я одевала на выпускной, так что для ужина оно тоже должно сгодиться.

Харпер все еще болтает по телефону. Наш гид пожимает всем руки и спрашивает наши имена. Впереди я замечаю еще одну большую группу студентов, а неподалеку от нее – Гаррета в компании нескольких парней. Я решаю подойти поздороваться, но когда оказываюсь совсем рядом, у него звонит телефон. Парни отходят в сторону, пока он разговаривает, а я – хоть и знаю, что это нехорошо – пытаюсь расслышать, не Блейк ли ему звонит. Наверняка он видел меня в очереди и теперь, наверное, пытается выспросить у Гаррета, что за симпатичная блондинка была вместе со мной. Если Харпер начнет встречаться с Блейком, наши с ней отношения придется пересмотреть.

— Я же сказал, что занят, — доносится до меня голос Гаррета. — У меня нет времени. — Он слушает. — Мне не нужно... — Он поворачивается в мою сторону, и я юркаю за дерево, чтобы спрятаться. — Это было всего один раз. Дай мне все уладить, и я обещаю... — Он снова замолкает и слушает. — Да. Хорошо.

Выглянув из-за дерева, я вижу, что он сидит на скамейке, крепко зажав телефон в руках. Его голова опущена вниз, локти уперлись в колени.

— Привет. — Я сажусь рядом с ним. — Как дела?

Он тотчас поднимает голову и улыбается, но какой-то вымученной улыбкой.

— Привет, Джейд. Получила свой приветственный пакет?

Я достаю огромную папку, которую он наверняка уже заметил.

— Ага. Вот она. Хочешь потом сходить на ланч?

На его лице мелькает странное выражение. Будто он хочет порвать со мной, хотя мы даже не встречаемся.

— Я не могу. Буду занят.

— О, ладно. Тогда днем можно вместе побегать. Я даже сбавлю свою скорость. — Я улыбаюсь в надежде стереть с его лица это серьезное выражение.

Он встает.

— Извини. Не могу. Может как-нибудь в другой раз. Мне нужно идти. Моя группа уходит.

Я кидаю взгляд на свою группу, которая тоже уходит.

— Пока, Гаррет, — говорю я, но он уже ушел.

Я не понимаю, что происходит. Вчера он предлагал мне дружбу, а теперь не хочет иметь со мной ничего общего. Это из-за Блейка? Вдруг он ляпнул что-то такое, что заставило Гаррета отказаться от нашей дружбы? Или же Гаррет нашел себе девчонку для развлечений? После своего неадекватного поведения в бассейне я бы не удивилась, если бы так оно и случилось.

Догнав свою группу, я уговариваю себя, что мне безразлично, нашел он себе другую или нет. Но в действительности мне далеко не все равно, потому что за последние пару дней Гаррет начал мне нравиться. Стал одним из тех немногих людей, с которыми мне комфортно общаться. Я начала с нетерпением ждать новой встречи с ним, что было особенно странно, учитывая тот факт, что раньше я ни к кому такого не чувствовала, помимо Фрэнка и Райана, но они не считаются.

Вводная лекция длится все утро, а затем мы с Харпер уходим обедать и заглядываем в книжный за нашими ноутбуками. Потом я иду на пробежку, чтобы сбросить стресс перед предстоящим ужином. Я без понятия, чего ожидать, и мне по-прежнему не хочется никуда идти. Я видела фотографию мистера и миссис Кенсингтон. На ней они выглядели напряженно и немного пугающе. Дружелюбными они не казались.

Ровно в половину седьмого за мной прибывает роскошный черный седан. Я надеваю черное платье и наношу более яркий макияж, чем обычно. Волосы я распустила и даже не поленилась их выпрямить.

Через полчаса машина подъезжает к огромным кованым воротам, прикрепленным к каменным колоннам, а за ними открывается вид на безупречную лужайку с большими раскидистыми деревьями и ухоженным кустарником. Длинная дорожка ведет к бесконечному на вид особняку. Наверное, именно поэтому в приглашении он был называн поместьем. Обычное слово «дом» к нему не подходит. Особняк отделан светлым камнем, на котором выделяются окна с белыми рамами и черными ставнями и массивная черная парадная дверь. На крыше выстроены в линию четыре дымохода.

Справа я замечаю еще один дом — небольшой. Хотя небольшой — понятие относительное. Он в разы больше, чем дом Фрэнка, но по сравнению с особняком рядом похож на маленький коттедж. Скорее всего там живет прислуга.

Водитель открывает мне дверцу и провожает меня до парадного входа. Дверь мгновенно распахивается, и передо мной появляется худая женщина с прямыми светлыми волосами и ярко-голубыми глазами. На ней короткое черное платье, которое выглядит намного красивее, чем то, что надето на мне. Мой взгляд останавливается на ее бриллиантовом колье и сережках. Никогда еще мне не доводилось находиться поблизости с таким количеством бриллиантов.

— Джейд, добро пожаловать в наш дом. Я миссис Кенсингтон. Проходи, пожалуйста.

Я ступаю в просторное помещение со сверкающими белой плиткой полами, белыми стенами и высоким потолком. Оно настолько большое, что походит на гостиничное лобби, но, думаю, теоретически его можно назвать фойе. По обе стороны фойе расположены комнаты, но двери в них закрыты, так что я не вижу, что за ними находится. Пространство впереди расходится на различные секции дома.

— Приятно познакомиться, миссис Кенсингтон. Спасибо за приглашение на ужин.

— Естественно. Мы всегда рады пригласить стипендиата к нам домой. Идем на террасу. Мой муж еще в офисе, так что ужин начнется где-то через полчаса.

Она уводит меня в комнату, где три стены заменяют окна. На улице пасмурно, так что в террасе нет особого смысла, но в солнечную погоду здесь наверняка хорошо. Я присаживаюсь на небольшой белый диван. Подушки такие твердые, что кажется, будто я села на каменную скамью. Миссис Кенсингтон занимает место напротив на белом стуле с высокой спинкой и сразу начинает походить на королеву, восседающую на троне.

За дальним окном я замечаю изумительный бассейн посреди черного патио. Он окружен мебелью с белыми подушками. Уверена, что только один шезлонг стоит больше, чем вся мебель в

моем старом доме. Еще рядом с бассейном есть сад, и он настолько идеален, что вполне мог бы попасть на страницы какого-нибудь журнала.

— Хочешь содовой или, быть может, воды? — спрашивает миссис Кенсингтон.

Я обращаю внимание на стоящую рядом женщину в форме горничной.

— О, да, было бы здорово. Можно содовую. Любую.

Горничная удаляется, и я не знаю, с чего начать разговор. Надо было составить список тем. К счастью, миссис Кенсингтон начинает рассказывать о том, как создавался колледж и какой он замечательный, и я, слушая ее, расслабляюсь.

Как только мне начинает казаться, что подошла моя очередь говорить, появляется мужчина в униформе дворецкого.

— Ужин готов, — оповещает нас он.

— Замечательно. Как раз вовремя. — Миссис Кенсингтон поднимается. Я тоже встаю со своей недопитой содовой. Даже не знаю, что с ней делать. Взять с собой? Оставить здесь? Чувствую, что существует определенный протокол, которому я должна следовать. Миссис Кенсингтон кивком предлагает мне оставить напиток на столике около ее стула и ждет, пока я это сделаю.

Пока мы идем по длинному коридору в столовую, я размышляю о том, каким бы кошмаром бы стало проживание здесь. Все выглядит таким дорогим, что страшно и прикоснуться. В доме безупречная чистота. Я тайком проверяю, пока мы идем — ни единого пятнышка. Не дай бог, с моей обуви на белые плиточные полы упадет кусочек грязи. Наверное, меня сразу отправят домой или отберут стипендию.

— Можешь сесть здесь, Джейд. — Миссис Кенсингтон указывает на стул посередине длинного обеденного стола. — Мой муж скоро приедет.

Она стоит в конце стола, но не садится, поэтому я тоже остаюсь стоять.

В присутствии миссис Кенсингтон я очень нервничаю. Разговаривает она монотонно, без единой эмоции. Даже когда она в сотый раз повторила, какой невероятный у них колледж. Никакого волнения. Ничего. Выражение ее лица тоже остается неизменным. Все время, пока я здесь, к ее лицу приклеена полуулыбка, которая будто бы скрывает. Злость? Депрессию? Кризис среднего возраста? Кто знает. Но счастливой — по крайней мере, искренне — она не выглядит.

Кажется, она анализирует меня. Мою прическу. Платье. Мою фигуру. Наверняка она весь этот ужасный ужин будет осуждать меня, и при мысли об этом у меня в животе образуется узел. На часах половина восьмого, а она сказала, что я буду дома около десяти. Значит, мне нужно вытерпеть еще два часа. Не так уж и долго. Я выдержу два часа. Частично это время можно будет занять едой.

Мой внутренний монолог не помогает. Заметив на столе разнообразие серебряных приборов, я ощущаю, как у меня потеют ладони. Я не вполне понимаю, как правильно пользоваться всеми этими вилками и ложками. Я точно облажаюсь.

— Джейд. Добро пожаловать. — Входит мистер Кенсингтон, одетый в темно-серый костюм и галстук. Для мужчины за сорок он довольно красив. У него густые темные волосы и темно-карие глаза. Он крупный мужчина. Не толстый, но высокий и широкоплечий. Не ниже шести с половиной футов, а может и выше. Возвышаясь надо мной, он пожимает мне руку. — Очень приятно наконец-то познакомиться с тобой.

— Благодарю. Мне тоже приятно познакомиться.

Он предлагает мне сесть, затем занимает место во главе стола, а его жена садится на противоположном конце. Я читала, что миссис Кенсингтон его третья жена. Она младше его. Наверное, ей около тридцати пяти. Возможно, у них есть ребенок, хотя никаких признаков того, что в доме есть дети, я не заметила.

— Начнем? — Дворецкий стоит возле миссис Кенсингтон.

— Нет, нам нужно еще пару минут, пожалуйста. — Миссис Кенсингтон бросает на мистера Кенсингтона злой взгляд. Очевидно, при желании она все-таки может выражать эмоции.

— Мы кого-то ждем? — спрашиваю я.

— Не знаю. Ждем ли? — колко перенаправляет она вопрос мистеру Кенсингтону.

Я слышу быстрые шаги в коридоре.

— Прошу прощение за опоздание. — Я поднимаю взгляд и вижу Гаррета.

11

— Сын, садись, пожалуйста, — произносит мистер Кенсингтон. — Мы как раз собирались приступить к ужину.

Избегая смотреть в мою сторону, Гаррет садится прямо напротив. Он одет в костюм с галстуком и гладко выбрит.

Я пытаюсь вести себя подобающе, пока мозг лихорадочно переваривает информацию. Гаррет Кенсингтон? Из тех Кенсингтонов, которые оплачивают мою учебу в колледже? Которые в курсе о моем прошлом, которое я надеялась скрыть от Гаррета и всех остальных в Мурхерсте?

— Джейд, это мой сын, Гаррет, — произносит мистер Кенсингтон. — Он тоже первокурсник в Мурхерсте. Гаррет, это Джейд.

— Привет, Гаррет, — говорю я, пристально на него глядя.

— Привет. — Мельком взглянув на меня, Гаррет упирается взглядом в стол.

Его отец откашливается.

— Можно быть и поприветливей, Гаррет. Наверняка вам предстоит часто видеться в колледже. Мы надеемся, ты познакомишь Джейд с кем-нибудь. Поможешь ей освоиться.

Он уже помог мне освоиться. Притворяясь моим другом. Пытаясь стать кем-то большим. Зачем ему это? Неужели он шпионил за мной для своих родителей? Хотел убедиться, что их деньги потрачены не зря? Удостовериться, что я не наркоманка, как моя мать? Они бы не захотели тратить свои драгоценные деньги на подобного человека.

— Вы уже знакомы? — спрашивает миссис Кенсингтон. — Вы пробыли в кампусе уже несколько дней. Полагаю, вы могли наткнуться друг на друга.

Гаррет не поднимает головы, но его взгляд приподнимается, встречаясь с моим.

— Нет, мы не знакомы.

Своим тоном он просит меня подыграть своей легенде. Не знаю, стоит ли. Я понятия не имею, почему ему вздумалось скрыть факт нашего знакомства. Мне кажется, его родители обрадовались бы. Наверное, он просто патологический лжец. Он врет своим родителям и врал мне с самого первого дня нашего знакомства. А я-то начала доверять этому парню! Невероятно.

Можно было и догадаться. Такой парень ни за что не заинтересуется кем-то вроде меня, но все же я позволила себе верить в лучшее. Черт, а он умеет врать. Я и правда поверила, что он хочет дружить со мной. Что он, приглашая меня поужинать и бегая вместе со мной, просто был милым. Но все это время им руководил скрытый мотив.

Чем больше я думаю об этом, тем сильнее во мне разгорается злость. Моя левая нога начинает нервно притоптывать под столом. Когда я злюсь, мне нужно что-то сделать, чтобы избавиться от этого чувства. Но сейчас я застряла здесь на этом неудобном стуле и с невозможностью двигаться на протяжении следующих двух часов.

Мистер Кенсингтон заводит беседу со своей женой. Я его даже не слушаю, и Гаррет, похоже, тоже. Чувствую, как его нога касается моей под столом. Он не убирает ее и пристально смотрит на меня, вынуждая прекратить беспрерывный стук. Моя нога замирает, и я прячу ее под стул.

Горничные заносят еду. Во время ужина отец Гаррета расспрашивает его о расписании занятий, а тот однозначно ему отвечает. Потом его отец начинает спрашивать меня о школе, о моем детстве в Де-Мойне и о впечатлениях от Коннектикута. С этими темами я с легкостью справляюсь, так что ужин проходит не так плохо, как я боялась сначала. На самом деле, если б не неожиданное появление Гаррета, я бы хорошо провела время.

В половину десятого мы заканчиваем десерт, и в столовую заходит шофер.

— Вы готовы, чтобы я отвез ее домой, сэр?

Мистер Кенсингтон поднимается из-за стола.

— Да. Мы обещали, что она будет дома к десяти.

Все тоже встают.

— Я чрезвычайно рад был познакомиться с тобой, Джейд. — Мистер Кенсингтон пожимает мне руку. Его жена делает то же самое. — Сообщи нам, если тебе что-то понадобится. Гаррет может дать тебе мой номер.

Гаррет молча встает.

– Благодарю. И спасибо за ужин. – Я подхожу к шоферу.

– Я могу ее отвезти, – произносит Гаррет.

Я замираю в надежде, что родители скажут ему не беспокоиться.

– Замечательная идея, – отвечает его отец. – Так вы получше узнаете друг друга. Я даже как-то и не подумал об этом. Спасибо за предложение, Гаррет.

– Без проблем. Сюда, Джейд. – Не глядя на меня, он проходит мимо, и мне волей-неволей приходится плестись за ним к машине. Я сажусь внутрь и, захлопнув дверцу, отворачиваюсь от него.

Не говоря ни слова, Гаррет трогается с места. Минут пятнадцать мы едем в полной тишине, затем он съезжает с дороги на смотровую площадку с видом на живописную местность. В темноте ничего не видно, поэтому на площадке никого нет. Не знаю, что тут красивого при дневном свете. Просто кучка деревьев и все.

– Джейд, мне так жаль по поводу всего, что только что произошло. Мне так жаль, что я не сказал тебе. И мне жаль, что...

– Отвези меня домой, Гаррет. Я сейчас очень стараюсь, чтобы не взорваться, и мне бы очень хотелось, чтобы ты просто отвез меня домой.

– Позволь мне объяснить.

– Я не хочу выслушивать твои оправдания. Ты солгал мне. И не надо говорить, будто недосказанность не считается ложью. Потому что это и ЕСТЬ ложь. Это ложь по умолчанию и считается враньем. – Я поворачиваюсь к нему лицом. – Я не понимаю. Ты шпионил за мной для них? Это они тебя попросили, или ты вызвался сам?

– Я не следил за тобой. Мне просто хотелось узнать тебя.

– Зачем? Чтобы переспать со мной? Ты подумал, что я легкодоступная, раз сирота из плохой семьи? Жасмин права. Ты *реально* придурок. Все, дальше я пойду пешком.

Я вылезаю из машины, не имея ни малейшего представления о том, где я. Так темно, хоть глаз выколи, но я упрямо продолжаю шагать вперед. Я так зла на него и не знаю, что делать с накопившейся негативной энергией. Можно было бы закричать, но этого явно не хватит, и потому я пытаюсь избавиться от этой энергии через прогулку в неудобных туфлях.

– Джейд, вернись. – Он бежит за мной. – Здесь лучше неходить в одиночку. Это опасно.

– Моя безопасность тебя не касается. А теперь отвали от меня нахрен.

Я продолжаю идти. Он остается позади, но я слышу его голос:

– Здесь куча всяких диких животных. Койоты, еноты, лисы. Ночью они все очень активны.

Черт! Я ненавижу диких животных. Даже мышей боюсь. Если наткнуться на енота или койота, меня точно хватит сердечный приступ.

Я слышу в кустах вдоль дороги какой-то шорох. Скорее всего, это ерунда, но после рассказа Гаррета о бешеных енотах, меня до смерти пугает малейший шум. Я разворачиваюсь и быстро возвращаюсь к машине. Гаррет ждет внутри.

– Поехали, – говорю я, захлопывая дверцу.

Он тянется ко мне, чтобы пристегнуть ремнем безопасности, и перед тем, как защелкнуть его, нарочно замирает на миг.

– Клянусь тебе, Джейд. Я не следил за тобой и не пытался с тобой переспать, или что там за коварный план ты нарисовала у себя в голове. Я просто хотел узнать тебя ближе. Конец истории.

Я смотрю ему в глаза. Черт, он кажется таким искренним, и я почти верю ему. Может, потому что мне хочется ему верить. Мне хочется, чтобы все, что между нами возникло, развивалось и дальше. Я не хочу, чтобы все закончилось. Но это должно случиться, потому что он обманул меня.

– Почему ты не рассказал мне? – Я выхватываю у него ремень и защелкиваю его.

Он откидывается на спинку сиденья

– Я стыжусь своей семьи, ясно?

– Ты стыдишься быть частью одной из богатейших семей в Америке? О, да, какое тяжкое бремя.

– Если у людей есть деньги, это еще не значит, что они счастливы или ладят друг с другом. Мы с отцом почти не общаемся и ссоримся, когда это все-таки происходит. И я ненавижу свою мачеху. И это взаимное чувство.

– Прекрасно. Значит, ты не уживаешься со своей семьей. И я знать не хочу, какое отношение все это имеет ко мне.

– Все сложно. Быть одним из Кенсингтонов означает ответственность. И последствия. – Он

вздыхает. – И правила. Много правил. Бессмысленных правил.

– Понятия не имею, о чем ты. Да мне и все равно. Теперь мы можем ехать?

– Нет, потому что я пытаюсь объяснить тебе, но ты не слушаешь.

– О чём ты? Ты ничего не объяснил! Почему ты соврал о том, кто ты на самом деле? Почему притворился за ужином, будто не знаешь меня? Ты ничего из этого не объяснил, Гаррет!

– Я же сказал, в моей семье все сложно. Я не хотел втягивать тебя в это.

– Я уже и так втянута. Они платят за мой колледж. Почему ты так взбесился из-за моего знакомства с твоей семьёй?

На секунду он затихает, а я гадаю, не пытается ли он выдумать очередную ложь.

– Как ты думаешь, каким образом мои родители зарабатывают деньги, чтобы содержать этот дом? И другие дома, которыми они владеют? У нас шесть особняков, Джейд. Еще есть есть частный самолёт. И яхта. И, по меньшей мере, десяток дорогих машин. А может больше. Я потерял счет.

– Не знаю. У твоего отца крупная химическая компания. Компании делают много денег.

– Здесь намного больше, чем это. С помощью одной компании так не разбогатеть. По крайней мере, с такой, как у нас. – Его рука напряженно сжимает руль, пока он смотрит прямо перед собой в темноту. – Они занимаются и другими вещами. И эти вещи выливаются в секреты, которые они должны хранить и защищать. Все запутано. И иногда это опасно. Вот почему я хотел держать тебя в стороне от всего этого. Вот почему я притворился, что не знаком с тобой.

– Бессмыслица какая-то. Твои родители только что сказали тебе познакомиться со мной поближе. И я бы все равно рано или поздно узнала твою фамилию. Это был лишь вопрос времени.

– Да, но мне хотелось узнать тебя до того, как это случится. Я знал, что ты станешь относиться ко мне по-другому, когда узнаешь, что я Кенсингтон. И был прав. Посмотри на свою реакцию.

– Не надо выворачивать все наизнанку! Я веду себя так только потому, что ты мне соврал! Если бы ты был искренен со мной, мне было бы наплевать на твою фамилию.

Он качает головой.

– Ага, конечно. Ты бы сразу начала меня сторониться.

– Ну, думаю, теперь мы этого уже не узнаем, потому что ты лишил меня такой возможности. Ты просто предположил финал, а потом взял на себя смелость сделать вывод, будто таким образом защищаешь меня от своих страшных богатых родителей. У-у-у, я так их боюсь. Их деньги могут прийти ночью и напасть на меня. И это лучшее оправдание, которое ты способен придумать, Гаррет? Ты такой же, как все остальные испорченные богатые детишки. Тебя поймали на лжи, а теперь ты ждешь, что тебе все простят. Но папочка не купит для тебя прощение.

Гаррет медленно кивает и смотрит вниз, затем заводит машину и возвращается на дорогу. Больше он не произносит ни слова. Не знаю, злится он или обиделся. Кажется, ему больно, но я отказываюсь признавать свою вину. Его отстойное объяснение привело мои мысли в еще больший хаос. Когда мы возвращаемся в кампус, Гаррет не делает и попытки проводить меня в комнату. Он просто уходит к себе на второй этаж.

Уже поздно, но сна у меня ни в одном глазу. Мне нужно выплеснуть гнев, который терроризировал меня весь вечер. Я зла на Гаррета, но еще больше злюсь на себя за то, что дала слабину и доверились ему. За то, что позволила себе испытать к нему недопустимые чувства.

Поеодевшись, я принимаюсь бегать по дорожкам около кампуса. Каждая из них где-то с полмили. Я бегаю до тех пор, пока у меня не начинают отваливаться ноги.

После долгого душа я пытаюсь заснуть, но сну мешают мысли о Гаррете. Я продолжаю вспоминать, как он выглядел, когда пытался все объяснить. Он почти паниковал, он будто отчаялся заставить меня себе поверить. Может, он и не врал. Может, его родители действительно имеют страшные секреты, с которыми он не хочет иметь ничего общего. И если так, то это лишний повод держаться от него подальше – даже если мне хочется совершенно другого.

12

Наступает утро среды, а с ним и мой первый официальный день в колледже. Первой парой стоит психология, что иронично, поскольку в последнее время психологии своего собственного поведения я объяснить не в силах. Например, почему я не могу перестать думать о парне, который лгал мне с первого дня нашей встречи. И почему я вообще о нем думаю, если поклялась себе до окончания колледжа не вступать в отношения.

В надежде найти хоть какое-то объяснение я читаю программу и понимаю, что весь семестр будет посвящен изучению базовых учений самых известных психологов. Это не очень-то поможет. Мне требуется глубокий психоанализ, чтобы понять происходящее в моей голове.

Следующей идет биология, которой не было в списке моих любимых школьных предметов, и я предчувствую, что и в колледже она мне не понравится. Сам по себе предмет не плох, но я ненавижу практические опыты. Опыты в биологии всегда дурно пахнут. Хуже того, партнер, к которому меня прикрепили, заявил, что на биологию ему наплевать, так что плохая оценка ему безразлична. Поэтому всю работу мне придется делать сама, а он получит высший балл за безделье.

За ланчем я встречаюсь с Харпер. Она улыбается и полна энергии, что, как я понимаю, является ее естественным состоянием. Сначала я думала, что на ее настроение влияет слишком много кофеина или какие-то рецептурные лекарства. Но нет, оказалось, что она такая сама по себе.

— Как занятия? — Сидя напротив меня, она уминает гигантскую порцию салата. Зелени там такое количество, сколько я, наверное, и за всю жизнь не съела, а она собирается прикончить его в один присест.

— Неплохо. Никаких глобальных катастроф.

Она смотрит на мой поднос с едой, где стоит тарелка с картошкой фри, сахарное печенье и стакан шоколадного молока.

— Не представляю, как можно вот так питаться и оставаться стройной.

— Я много бегаю. Но мне, наверное, и правда стоит питаться получше.

— В общем, утром по дороге в аудиторию я наткнулась на Блейка. Ты была права. Он тот еще придурок.

— Что, он воспользовался одним из своих пикаперских подкатов, чтобы затащить тебя в постель?

— Нет. Как раз наоборот. Я подошла, чтобы просто поздороваться и познакомиться, но прежде чем успела открыть рот, он ответил, цитирую: «Прости, детка. У меня уже была блондинка на прошлой неделе. Сейчас только брюнетки. Попробуй снова через месяц».

— Ага, очень похоже на Блейка.

— Почему Гаррет общается с таким типом?

— Они не близкие друзья. Ходили в одну школу и состояли в одной команде по плаванию.

— Кстати о парнях, я познакомилась с таким красавчиком на социологии, и он пригласил меня на свидание в субботу. Представляешь? И это только первый день!

В это не так уж и трудно поверить. Харпер сногшибательна.

— Наверняка парни постоянно выются вокруг тебя.

— Шутишь? Меня редко куда приглашают. — Она открывает бутылочку какого-то зеленого сока — вероятно, очень полезного. — В Лос-Анджелесе все суперсексуальны. С отличными фигурами. Прибавь сюда искусственный загар и белоснежные зубы, и парни даже не заметят такую девушку, как я.

— Бред какой-то. — Я макаю палочку фри в кетчуп. — Ты одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо знала.

— Спасибо, но видела бы ты мою сестру. Она намного красивее, потому и стала моделью. Но между нами говоря, она кое-что себе подправляла. Папа говорит, что в шоу-бизнес никогда не попасть, если не подправить нос или не сделать подтяжку век, чтобы убрать следы усталости.

— Серьезно? Это безумие.

Она пожимает плечами, нанизывая на вилку салат.

— Вот и я о том же. Люди должны получать работу благодаря таланту, а не внешности. Это так по-сексистски, согласна? Только представь, на телевидении столько страшных мужчин, особенно в спортивных передачах, куда я хочу попасть.

Надкусив печенье, я поднимаюсь со стула.

— Мне пора бежать на занятия, но может, поужинаем сегодня, если у тебя нет никаких планов?

— Я свободна. Возможно, к нам присоединится пара девчонок, если ты, конечно, не против.

— Без проблем. — На самом деле, это не так. Мне легче справится с одним человеком, чем с группой. Но мне, наверное, все равно придется знакомиться с людьми.

— Пригласи и Гаррета тоже. Я с ним еще не знакома. Видела его в коридоре в тот день, когда отравилась, но официально нас так и не представили.

— Я больше не общаюсь с Гарретом.

— Почему? Что случилось?

— Он забыл упомянуть свою фамилию при нашем знакомстве. Он — Кенсингтон. Из семьи тех людей, которые платят за мое пребывание здесь. Теперь слишком странно дружить с ним.

Она хрумкает своим латуком.

— Ну не знаю. Почему ты считаешь, что это странно?

— Дело не только в этом. Гаррет обманул меня. Он не рассказал о себе, а лжецы мне не нравятся.

— Все врут, Джейд. На самом деле, я недавно слышала, что среднестатистический человек врет семь раз в день. Прилично, правда? В общем, я бы на твоем месте не злилась на него. К тому же, после того пожара у фамилии Кенсингтон и так подпортилась репутация.

— Какого пожара?

— Пару лет назад в Техасе случился пожар на одном из их химических заводов. Я запомнила потому, что в новостях устроили настоящую шумиху. Погибло больше тридцати человек, а Кенсингтоны заявили, что не виноваты, и не выплатили семьям погибших никакой компенсации. Наверное, Гаррет стыдится ассоциации с тем событием. Так что лично я не удивляюсь, что он соврал.

Я допиваю остатки шоколадного молока.

— Мне правда пора идти, так что увидимся вечером, ладно?

— Ладно, только приводи с собой Гаррета. Он очень сексуальный. Нам не помешает за столом сладкий мальчик.

Я смеюсь.

— Сладкий мальчик? Серьезно? В Калифорнии это так называется? — И, не дожидаясь ответа, я ухожу.

Мне остается только история искусств, а потом до конца дня я свободна. Теперь мне понятно, почему люди хотят учиться в колледже пять или шесть лет вместо обычных четырех. Здесь так много свободного времени, что можно заниматься, чем хочешь. Но мне нужно заполнить свободное время работой.

После истории искусств я забегаю в здание студенческого совета, где размещена доска объявлений. Но она пуста. Где все объявления о работе? Ответ на свой вопрос я получаю в момент, когда мимо меня проходит девушка с дизайнерской сумочкой, которая стоит тысяч пять долларов. Такую сумку я видела прошлым летом в утреннем ток-шоу. Богатым студентам не нужна работа. Соответственно и на доске объявлений ничего нет, только библиотечная вакансия, да и та прошлогодняя.

— Ищешь работу?

Я оглядываюсь и вижу Деккера, приятеля Гаррета, который тоже смотрит на доску. На нем красные брюки, белая рубашка и галстук-бабочка в клетку. Одежда в сочетании с очками в черной оправе делает его похожим на преподавателя.

— Привет, Деккер. Я искала работу, но здесь ничего нет.

— Джейд, верно? — спрашивает он, поворачиваясь ко мне.

— Ага. Удивлена, что ты запомнил мое имя. Твой друг продолжает звать меня «Огайо».

— Огайо? Ты разве не из Айовы?

Я знала, что мне понравится этот парень. Он в тысячу раз лучше Блейка.

— Да. Но Блейк упорно называет меня Огайо.

— Просто он знает, что тебя это бесит. Не обращай на него внимание.

— Так ты тоже в поисках работы?

— Стажировки. Мне нужны не деньги, а опыт. Что-нибудь в области журналистики. Или любое другое место, где я смогу писать. Я надеялся на стажировку в местной газете и если не найду

места в самое ближайшее время, то отец запихнет меня в свою юридическую фирму.

– Разве в юридической фирме тебе не дадут писать?

– Контракты и письма. Слишком скучно. Я ни за что не возьмусь за это. К тому же, мой отец юрист-шакал. Тот тип, которого все ненавидят.

– Дальше по улице висит щит с рекламой какой-то юридической фирмы. Это твой отец? Он закатывает глаза.

– Ага. Такой позор. Почему нельзя было повесить ее в другом месте? Нет, ему обязательно нужно выставить ее в миле от моего колледжа.

– Если подумать, то ты очень похож на него. Сначала я как-то не заметила. Там говорится, что компания находится в Нью-Йорке. Ты оттуда?

– Нет, у нас дом в тридцати минутах езды от города. Но поскольку офис в Нью-Йорке, то у отца есть и квартира там. Его никогда не бывает дома. – Деккер снова осматривает доску объявлений.

– Ну здесь нет ничего оплачиваемого, так что увидимся позже, Деккер. – Я собираюсь уходить.

– Эй, пока ты не ушла, я хотел кое-что сказать тебе.

– Да, и что же?

– Утром я видел Гаррета, и он неважко выглядел.

– Наверное, заболел.

– Он не заболел. Гаррет расстроен. Очень расстроен. Сказал, что вы повздорили.

– У нас были разногласия, но я уверена, что он уже выкинул это из головы. Скорее всего, он расстроился по другой причине.

– Нет, я твердо уверен, что он расстроился из-за вашей ссоры. Ты ему очень нравишься, Джейд. Не знаю, чем он разозлил тебя, но, может, дашь ему еще один шанс?

– Это он подговорил тебя? Не могу поверить, что он заставляет своих друзей...

– Он ни о чем меня не просил. По правде говоря, если бы он узнал, что я сейчас разговариваю с тобой об этом, то прибил бы меня. Понимаю, ты еще не успела узнать его, но я много лет знаком с ним, и он хороший парень. Да, раньше Гаррет много тусовался и выпивал, что, как он сказал, тебе не нравится, но с момента вашего знакомства больше он этим не занимается. А это кое-что да и значит, Джейд.

Он ждет моей реакции, но я молчу. Мне нравится Деккер, но от всего этого разговора мне не по себе.

– Послушай, тебе не обязательно с ним встречаться, но может не стоит вот так отталкивать его? По крайней мере, пока. Это все, что я хочу сказать.

– Мне пора идти. Увидимся.

Я вылетаю оттуда, пока он не успел дать мне еще совет насчет Гаррета. Я не доверяю Деккеру. Легко может быть так, что он выполняет за Гаррета грязную работенку, хотя непонятно, откуда он мог узнать, что пересечется со мной в этом корпусе. Неважно. Я все равно ему не доверяю.

За ужином Харпер разочарована тем, что я пришла без заказанного ею «сладкого мальчика». Девочки, которых она пригласила, из команды по теннису и живут в другом общежитии. Хотелось бы мне, чтобы они жили на моем этаже. Они намного лучше тех, которых приходится терпеть нам с Харпер. У себя я уже перезнакомилась со всеми, и Харпер оказалась единственной, кто проявил ко мне интерес.

Позже этим вечером я болтаю по телефону с Райаном и Фрэнком. Кажется, они помирились. Я не знаю, что заставило их прекратить ссоры, но вопросов не задаю. Райан нашел временную подработку в больничной лаборатории. Там гибкий график, так что он может водить отца на приемы к врачам. Во время разговора Фрэнк немногословен. А когда говорит, то его голос звучит устало. Он уверяет меня, что все в порядке, но я знаю, что на самом деле это не так, а Фрэнк просто не рассказывает мне всего.

В четверг расписание еще легче, чем в среду – всего две пары. С утра у меня математика. Сложный предмет, но не для меня. Мне всегда хорошо давались цифры. Мне нравится порядок и упорядоченность математика. Нравится, что в ней все логично, и у каждой проблемы есть понятное решение.

Днем у меня английский. Я прихожу вовремя, но, тем не менее, почти все места уже заняты,

и мне приходится сесть в последнем ряду. Я не особо хотела на первый ряд, мне больше нравится середина.

Я наклоняюсь, чтобы достать из рюкзака лэптоп, и по полу рассыпаются ручки. Обычно я ношу с собой много ручек. Так, на всякий случай.

— Я соберу, — произносит голос. Я поднимаю взгляд и вижу Гаррета.

— Вот. — Собрав ручки, он протягивает их мне и занимает место слева, прямо рядом со мной.

— Так ты тоже записан на этот предмет? — Я заталкиваю ручки в передний кармашек рюкзака.

— Именно поэтому я и здесь, — отвечает он, глядя прямо перед собой.

Он ведет себя очень холодно. Если Гаррет хочет, чтобы я его простила, он мог бы быть и поприветливее.

— Добро пожаловать на английский для первокурсников. Я профессор Хокинс. — Перед аудиторией стоит крепкий седовласый мужчина в брюках цвета хаки, клетчатой рубашке и темно-синем галстуке. Его руки испачканы мелом после того, как он пишет на доске свое имя. — На своем предмете я жду от вас полного внимания, что означает никаких сообщений, переписок, передачи записок и болтовни, пока вам не дадут слово.

Пока профессор произносит речь, я, не выдержав, украдкой оглядываюсь на Гаррета. Харпер права. Он очень привлекательный. Настоящий сладкий мальчик, как она и сказала. Я вспоминаю, как мы были в бассейне. Его влажные губы. Полуобнаженное тело, крепко прижатое к моему. Его руку на моей...

Я чувствую, как кто-то легко задевает мою ногу под партой.

— Джейд? Джейд Тейлор? — Профессор произносит мое имя.

Я поднимаю руку.

— Да. Извините, я здесь. — Профессор продолжает перекличку. — Спасибо, — шепчу я Гаррету — тому, кто спустил меня с небес на землю.

Он усмехается, а потом снова сосредотачивает внимание на пространстве перед собой.

В конце пары преподаватель раздает каждому по блокноту.

— Это ваши журналы. Я хочу, чтобы вы записывали сюда что-нибудь как минимум трижды в неделю или, если хотите стать отличником, ежедневно. Можно писать что угодно, но объемом не менее половины страницы. Раньше некоторые студенты записывали свои впечатления о фильмах, музыке или каких-нибудь высказываниях. Это вольная форма письменного задания, так что пишите то, о чем вам захочется, но с соблюдением всех правил грамматики и пунктуации. В конце концов, наш предмет — это английский язык.

— А вы будете это оценивать? — спрашивает кто-то из группы.

— Баллы за выполнение этого задания повлияют на ваши итоговые оценки. Сдать работу я попрошу на последнем занятии семестра. Все читать я не буду, но периодически буду проверять, дабы убедиться, что вы выполняете домашнее задание.

Наконец он передает блокноты последнему ряду.

— Внутри вы найдете список своих одногруппников. Вам всем был выбран партнер. Этот человек будет читать ваш дневник каждую неделю и добавлять короткий комментарий, указывая какие-нибудь предложения или же просто высказывать свои мысли. То же самое вы будете делать и с его дневником. — Он поворачивается к доске. — Начинать писать нужно с этой недели. На сегодня все. Увидимся в следующий вторник.

Внутри блокнота лежит большой лист со списком имен. Я нахожу свое имя, и чье же стоит напротив? Гаррет Кенсингтон.

13

– Выходит, мы теперь партнеры, – говорит Гаррет, запихивая свой лэптоп в сумку.

– Это твоих рук дело? – Я держу перед ним список.

– Ты о чем?

– Это ты попросил его сделать нас партнерами.

Гаррет отрицательно качает головой.

– Нет, Джейд. Я бы никогда *не заставил* тебя читать мой дурацкий дневник по английскому.

– Он выходит.

– Постой. – Я выхожу вместе с ним. – Так какой план? Хочешь меняться блокнотами в определенный день или как?

Он останавливается на минуту.

– Как скажешь, так все и будет.

Ветерок доносит до меня аромат его одеколона. Он пахнет так же хорошо, как и выглядит.

– Может мы могли бы встретиться в субботу и прочитать их.

– Встретиться? Я думал, ты предпочесть просто обменяться ими.

Он выглядит сбитым с толку моим предложением. Да я и сама удивлена. Недавно я была так зла на него, но у меня плохо получается *продолжать* в том же духе. Не знаю, то ли причина в том, что прошло уже несколько дней после ссоры, то ли дело в словах Деккера или же из-за его привлекательности, которая так влияет на мое отношение. Каков бы ни был предлог, я снова хочу с ним общаться, даже если поводом служит только задание по английскому языку.

– Думаю, лучше встретиться, – отвечаю я. – Если у нас возникнут вопросы, то не придется писать или звонить друг другу. Ты свободен в субботу?

– Да, но лучше с утра. Мне нужно уехать днем, и я не вернусь до воскресенья.

– Тогда давай в девять. Приходи к моей комнате, и мы пойдем на улицу.

– Как-то рановато для субботы, но ладно. – Он уходит.

Если бы я не была такой упрямой, то остановила бы его и поговорила с ним прямо сейчас. Мне так хочется, чтобы все встало на свои места. Я хочу узнать, как проходят его занятия, и хочу, чтобы он расспросил о моих. Я хочу снова сходить с ним на пробежку, а потом на ужин. Я хочу быть его другом, как он и предлагал. Но я все еще не позволяю этому случиться. Я должна наказать его за ложь, но складывается впечатление, будто я наказываю саму себя.

В пятницу, возвращаясь с последней пары, я понимаю, насколько лучше чувствую себя по сравнению с предыдущей пятницей. С днем, когда я сюда приехала. Мне намного уютнее в кампусе, я наметила несколько разных маршрутов для пробежки, а также быстро выяснила, каких блюд в столовой стоит избегать.

Помимо Харпер других друзей у меня так и не появилось. Начинает казаться, что для этого уже слишком поздно. Люди уже разбиваются по группкам и создают компании, прямо как в школе.

Я не видела Гаррета с занятия по английскому. Он живет этажом выше, но мы так и не пересеклись друг с другом. Я отправила его родителям записку с благодарностью за ужин. Самой мне бы это и не пришло в голову, но Харпер сказала, что это моя обязанность, особенно с людьми, вроде Кенсингтонов, которые чтут этикет.

После ужина я остаюсь у себя и, чувствуя себя полной неудачницей, сажусь за домашнюю работу. На этаже тихо и пусто. Я всегда думала, что студенты ходят тусоваться по комнатам, но в Мурхерсте так не принято. Все, включая Харпер, выезжают куда-то за пределы кампуса.

В глубине души мне тоже хочется веселиться. Но я слишком боюсь последствий. Я боюсь того, что возьму один напиток, который потом превратится в еще один и еще. А потом не успею оглянуться, как стану своей же матерью.

Я ненавижу то, что мать до сих пор меня контролирует. Мне просто хочется быть нормальной. Ходить на вечеринки. На свидания. И не переживать так сильно из-за колледжа. Но я не могу. Я хочу – я должна – стать не такой, как она. А значит, мне нужно держаться подальше от всех тех соблазнов, что превратили ее в ненавистного мне человека. Человека, которого я ненавижу до сих пор, хотя она давно мертва.

Проснувшись в субботу утром, я так нервничаю перед встречей с Гарретом, что не могу нормально позавтракать. Понятия не имею, о чем с ним разговаривать. Мой гнев по отношению к нему сошел на нет, но Гаррет все же солгал мне, и я так и не получила вменяемого ответа, зачем.

Я быстро принимаю душ и надеваю топик с шортами. Вернулась летняя жара, и кажется, будто сейчас середина июля.

Ровно в девять Гаррет стучится в мою дверь. Он одет в шорты цвета хаки и белую футболку, которая подчеркивает его загар и мускулистые руки. Он еще не брился, и хотя обычно мне нравятся гладковыбранные парни, его легкая щетина кажется мне чрезвычайно привлекательной. И я вновь начинаю на него пялиться. Я и не собиралась, но, мамочки, какой же он сексуальный. Это очень отвлекает.

– Ты еще хочешь пойти на улицу? – спрашивает он. – Я не против жары, но если что, можем остаться здесь.

Он ждет моего ответа. Тишина вытаскивает меня из ступора.

– Эм, нет. Пошли на улицу. У меня есть старый плед, чтобы посидеть.

Мы находим местечко возле тропинки на окраине кампуса. Мне не хотелось садиться во дворе общежития, где вокруг постоянно ошивались бы люди. Не знаю, к чему приведет этот разговор, и не хочу, чтобы нам помешали.

Я расстилаю плед в тени большого раскидистого дерева. Здесь веет мягкий ветерок, отчего жара кажется терпимее.

– Значит, мы просто обмениваемся тетрадками и делаем пометки? – спрашивает он.

– Ага. Я пока сделала одну запись.

– Я тоже. – Он передает мне блокнот, а я протягиваю ему свой.

Как только я вижу свой блокнот у него в руках, то сразу же напрягаюсь и чувствую, как мое сердце начинает биться быстрее. Порываюсь отобрать у него блокнот, но он уже начал читать.

Мой взгляд падает на блокнот Гаррета, и я открываю его на первой странице. У него красивый почерк. Намного лучше моего. Я принимаюсь за чтение.

12 сент. На прошлой неделе я познакомился с девушкой, которая оказалась самым интересным человеком, которого я когда-либо встречал. Я помог ей въехать, и с тех пор она не выходит у меня из головы. На следующий день я встретил ее на пробежке. Она сразу же принялась меня задирать, и по какой-то причине я был не против. В тот же день я пригласил ее на ланч, а после ланча – на ужин, потому что мне было мало ее за ланчем. Позже мы пошли на вечеринку. Раньше я никогда не уходил с тусовок трезвым, но тем вечером случилось именно так. Благодаря ей. Было приятно уходить в трезвом уме и со способностью идти прямо. Я не был готов отпустить ее, поэтому угостил ее мороженым. Я провел целый день с этой девушкой, и той ночью я лежал и думал о ней, желая увидеть ее вновь.

Мне стоило сказать ей, кто я, в первый же день знакомства. Но я этого не сделал. Я должен был признаться на следующий день или же через день. Но я и тогда смолчал, потому что не хотел, чтобы это что-то изменило между нами. Каждый момент с ней был таким реальным и идеальным. Я не хотел, чтобы это закончилось. Но сейчас все кончено. И я скучаю по ней. Все, что я могу сказать, – мне жаль. Но я знаю, что иногда этого недостаточно.

Читая, я чувствую, как в уголках глаз собираются слезы, и поворачиваюсь к Гаррету спиной, чтобы он не заметил моей реакции на его задание по английскому языку. Я перечитываю его снова – в основном оттого, что не верю ему. Еще никто и никогда не выражал свои чувства ко мне таким вот образом. И мне не верится, что это все по-настоящему.

Гаррет молчит, и мне становится интересно, что он думает, прочитав мой блокнот. Вот, что написала я:

Я не всегда доверяю людям. Ну, положа руку на сердце, я не понимаю их, потому что не верю. Я всегда предполагаю, что люди врут, поскольку никто не хочет знать правду. Они говорят, что хотят, но на самом деле это не так. Но иногда людям нужно услышать правду, даже если она им не понравится.

Недавно я познакомилась кое с кем. И после непродолжительного знакомства мне показалось, будто я его понимаю. И что он понимает меня. Не могу объяснить это чувство. Нет

подходящих слов, чтобы его описать. Но мне оно нравилось, потому что впервые в жизни я почувствовала настоящую связь с кем-то. Я начала доверять человеку, что бессмысленно, поскольку за всю свою жизнь я доверяла всего лишь двум людям. Но потом я узнала, что он солгал мне, и неожиданно ощутила, что больше не смогу доверять ни ему, ни кому бы то ни было. Но мне хочется научиться доверять людям. А особенно ему. Поэтому мне бы хотелось, чтобы он объяснил причину своей лжи, чтобы я снова стала доверять ему. И чтобы я снова смогла понять его. И тогда мы, возможно, снова можем стать друзьями.

Я поворачиваюсь к Гаррету лицом, и он, подняв мой блокнот, заговаривает первым.

– Очень хорошо. Несколько повторяющихся предложений, но в целом – мне нравится.

Мое сердечный ритм возвращается в норму. Я полностью раскрылась на бумаге, и сделанного уже не отменишь.

– Твое мне тоже понравилось. Похоже, тебе действительно нравится эта девушка, кем бы она ни была. Но мне кажется, с ней много мороки. Тебе стоит забыть ее и двигаться дальше.

– Я не хочу забывать ее. Или двигаться дальше. – Он кладет блокнот на землю. – Мне хочется узнать ее.

Я откладываю в сторону его блокнот и опускаю взгляд на плед.

– Может, она не хочет узнавать тебя. – Не знаю, зачем я это сказала. Ведь это совсем неправда.

– Ну, возможно, ты могла бы поговорить с ней и убедить ее передумать. Уговорить ее снова начать со мной общаться. Сходить на пробежку или посмотреть фильм.

– Думаю, у меня бы получилось уговорить ее передумать. – Мой палец принимается кружить по пледу, что помогает мне взять свои эмоции под контроль. – Но мне кажется, ей нужно услышать, что на самом деле с тобой происходит. И почему ты соврал.

Гаррет перехватывает мое запястье в момент, когда я начинаю рисовать круги на другом конце покрывала. Я поднимаю взгляд, и он отпускает мое запястье и сплетается со мной пальцами.

– Джейд, прости. Повторяю еще раз, у меня нет и не было никаких скрытых мотивов. Я просто не хотел, чтобы ты судила меня до того, как узнаешь меня получше. Я решил, что, если ты услышишь мою фамилию, то примешь меня за очередного избалованного богатого ребенка и не захочешь иметь со мной ничего общего.

Моя рука напрягается. Я решаю убрать ее, но он усиливает хватку, и я вновь расслабляюсь. Мне не хочется, чтобы он отпускал меня, но все же я борюсь с ним. И каким-то образом он понимает это и удерживает меня. Как он меня понимает?

– Ты знаешь о моей маме, Гаррет. А я не хотела, чтобы хоть кто-то здесь узнал о ней. Я рассчитывала на новое начало, а оказалось, что человек, от которого я больше всего хочу скрыть свое прошлое, знает о нем все.

– Но в этом нет никакого смысла. Ты злишься потому, что я не сообщил тебе о своей семье, но сама не рассказала мне ничего о своей.

– Потому что вся моя семья – это мама. А она была сумасшедшей и покончила с собой. Так что, да, мне действительно очень не хочется рассказывать о своем прошлом. Но у тебя оправданий нет. У тебя нет причин скрывать, что ты Кенсингтон.

– Шутишь? Этих причин целый миллион. – Он легонько поглаживает пальцем тыльную сторону моей ладони, и от этого простого движения мое сердце начинает биться быстрее. – На самом деле, Джейд, я знаю о твоем прошлом совсем немного. Отец сказал только, что у твоей матери были проблемы с выпивкой и наркотиками. И все.

– Да больше особо и рассказывать нечего.

– А что твой отец? Ты когда-нибудь видела его?

– Я результат интрижки на одну ночь, после которой он ушел и больше не появлялся. – Едва договорив, я понимаю, что делюсь этим впервые. В школе я привыкла говорить, что мои родители развелись, а отец живет за границей. – Так что еще мне нужно знать о твоей семье? У них действительно много страшных секретов?

Он отпускает мою руку и садится в прежнее положение.

– Да. Но я не могу посвятить тебя в них. Я и сам знаю не больше половины.

– Ну а что ты имел в виду, когда сказал, что у них есть правила? Что за правила?

– В таких семьях, как моя, вся завязано на общении с правильными людьми. – Он ложится на

плед и, устремив взгляд на дерево, наблюдает, как сквозь его пышную крону пробиваются солнечные лучи. – Не верится, что рассказываю тебе все это, но у меня никогда не было настоящего друга.

– Что ты имеешь в виду? – Я растягиваюсь с ним рядом и подкладываю под голову локоть.

– Сколько я себя помню, отец всегда вам выбирал мне друзей. Типа Блейка. Я ненавижу этого парня, но его отец – генеральный прокурор в Коннектикуте с множеством полезных для моего отца или компании связей.

– Значит, твой отец вынуждает тебя дружить с этим придурком?

– Таков порядок вещей. Иногда, если повезет, человек оказывается нормальным. Мне нравится Деккер, хотя отец заставил нас подружиться еще в девятом классе.

– То есть ты утверждаешь, что всех твоих друзей выбрал тебе отец?

– Да, и именно поэтому мне не хочется, чтобы моя семья знала, что мы с тобой дружим. Вернее, предположительно дружим. Это решать тебе. И я не хотел, чтобы они вмешивались, если бы мы действительно подружились. Или же стали чем-то большим.

– О чём ты? Тебе и девушку нельзя самому выбрать?

Он перекатывается на бок, так что теперь мы смотрим друг другу в лицо.

– Нет. Тут все гораздо сложнее, чем с друзьями. Я посещаю большое количество мероприятий, и потом мои фото появляются на страницах светской хроники в газетах или на сайтах со сплетнями. А значит, мне нужно выходить на люди с правильной девушкой. Таких девушек мне и выбирают. У меня самого права голоса нет. Вот как сегодня: мне придется вести Кортни на вечеринку и притворяться, что она моя девушка. Кортни не нравится мне даже как подруга, но перед объективами фотокамер мы обязаны разыгрывать это представление.

– Получается, ты никогда не был на настоящем свидании с той, которую выбрал бы сам? У тебя никогда не было настоящей девушки?

– У меня были настоящие свидания и настоящие девушки. Фальшивки – только для публичных мероприятий, типа благотворительных приемов или больших общественных вечеров, как тот, на который я сегодня собираюсь пойти. Практически в любом месте могут появиться фотографы. Нормальные свидания я пытаюсь скрыть, особенно от отца.

– Только в твоей семье так или у остальных тоже?

– У всех в моей школе была фальшивая подружка или парень. Для состоятельных семей это обычная практика. Бред, я знаю. Но все дело в картинке – с кем тебя заметили, и какая в этом выгода для семьи. В общем, мы все к этому привыкли и пытаемся тайно встречаться с другими людьми на стороне.

– Твой папа когда-нибудь узнавал, что ты встречался с кем-то, кого бы он не одобрил?

– Да, но в школе я встречался с девушками из школы, поэтому отец не возражал, ведь все они были детьми из богатых и влиятельных семей. Если бы я облажался, и кто-нибудь заснял бы меня с одной из этих девушек, это не стало бы концом света. Но он не разрешал мне приглашать их на публичные мероприятия. Мне всегда приходилось появляться с девушкой по его выбору. Так тянется до сих пор, поэтому сегодня мне предстоит застрять с Кортни.

– Ты точно это все не придумываешь?

– Зачем? Мне вообще не стоило все это рассказывать тебе. Это один из тех секретов, которые не должны всплыть наружу. Кстати, никому не говори об этом. Я серьезно. Я открылся тебе лишь потому, что задолжал тебе правду.

Дует ветерок, и несколько прядок падают мне на лицо. Гаррет склоняется надо мной и заправляет их за ухо.

– Мне просто хочется, чтобы ты доверяла мне, Джейд. Знаю, это не произойдет за одну ночь, но если ты дашь мне шанс, то я постараюсь оправдать твое доверие.

– Так что мы решим в итоге?

– Давай общаться как раньше и узнавать друг друга. Надеюсь, ты увидишь, что помимо фамилии во мне есть что-то еще. И что, утаивая правду, я на самом деле не хотел тебя ранить.

Я молчу, делая вид, что обдумываю его предложение. Но мне это и не нужно, потому что это действительно то, чего я хочу. Я хочу оставить все это позади и снова проводить с ним время.

– Если я соглашусь, то ты начнешь заставлять меня смотреть свои любимые мультики? – улыбаюсь ему я.

Он улыбается в ответ.

— Я предупреждал, чтобы ты больше не поднимала эту тему. — Он игриво опрокидывает меня на спину.

Я борюсь с ним, хохоча.

— Да мне все равно, что тебе нравится кино с говорящими собаками. Просто любопытно, что в этом интересного. Я с удовольствием бы узнала, как собаки борются с преступностью. Они вынюхивают улики или...

Гаррет тоже смеется.

— Ладно, хватит. Никаких разговоров о том мультике. — Он прижимает мои руки к земле, и надо мной нависает его лицо. Он ловит мой взгляд, и я узнаю его значение. Точно так он смотрел на меня, когда мы были в бассейне. Он спрашивает разрешения, и мне очень-очень хочется дать его, но я не могу. Слишком рано.

Я отворачиваюсь. Он понимает намек и, отпустив меня, откатывается в сторону.

Мы лежим бок о бок, а сквозь листву над нашими головами светит теплое солнце. Я зажмуриваюсь и слушаю мягкий шелест листьев.

— Я тут поговорила с девушкой, которая тебе нравится, — говорю я, не открывая глаз. — Она сказала, что тебе можно снова начать с ней общаться. Хоть сейчас, если ты не очень занят. Но если тебе нужно вернуться к себе в комнату, то ничего страшного.

— Скажи ей, да. Я сейчас свободен. Или в любое другое время, когда она захочет. — Я бросаю на Гаррета взгляд. Его глаза закрыты, а на лице блуждает широкая улыбка. — Может, ты могла бы попросить ее сходить на ланч, пока я не занят?

Я снова закрываю глаза.

— Она говорит, ланч звучит неплохо.

Больше он ничего не отвечает. Но его рука скользит по покрывалу и переплетается с моей.

Наверное, я была неправа.

Наверное, еще не поздно завести друга.

14

Я бы могла остаться тут на весь день. Есть некое умиротворение – находиться рядом с Гарретом, держать его за руку и не произносить ни слова, наблюдая, как угасают последние летние деньки.

Спустя пару блаженных часов, во время которых я могла, скорее всего, и задремать, я чувствую, как плед немного сдвигается, и Гаррет встает.

– Готова идти на ланч?

– Не совсем. – Я бросаю него взгляд и вижу, что он снова садится рядом. – Мне здесь нравится.

– Мне тоже. Но к часу мне надо быть дома, так что, если мы хотим успеть на ланч, то нужно выдвигаться.

– Тебе действительно нужно быть там?

Он улыбается и ложится на бок.

– А что? Хочешь провести со мной побольше времени? – Он поглаживает мою руку, а потом нежно берет ее. Одно лишь прикосновение его пальцев к моей коже – и во мне что-то побуждается. Желание. Стремление находиться с ним рядом. Стать больше, чем просто друзьями. Интересно, чувствует ли и он это нечто похожее?

– Возможно, – отвечаю я. Высвобождаю руку из его ладони и кладу ее рядом с собой. – Или, может, мне просто любопытно, почему ты так рано уходишь.

Улыбка на его лице увядает, и он снова берет меня за руку и кладет ее между нами на плед.

– Все из-за этой дурацкой вечеринки, которую каждый год устраивают родители Кортни. Днем они приглашают людей на фуршет у бассейна, а вечером все возвращаются к официальному ужину и танцам.

– И ты пьешь на таких мероприятиях?

– Иначе мне там не выжить.

– И взрослым все равно?

– К ужину половина из них и сами пьяны.

На минуту мы замолкаем. Я могу думать только о Кортни и о том, как на прошлой неделе она лапала Гаррета на вечеринке. Через несколько часов она снова набросится на него, прикидываясь, будто они пара. И как он отреагирует? Смирится? Поцелует ее? Будет держать ее за руку так же, как сейчас держит меня? Если он там выпивает, то скорее всего сделает все вышеуперичисленное, а то и больше.

Я резко сажусь.

– Сделаешь для меня одну вещь?

– Возможно. Что именно?

– Можешь постараться на этот раз не пить?

Он вздыхает и перекатывается на спину.

– Да ладно тебе, Джейд. Чтобы выдержать Кортни, нужно выпить хотя бы пару бокалов.

– Нет, не нужно. Поверь мне. Я прошла через худшее, но не попробовала ни капельки алкоголя. И, как видишь, осталась жива.

Он садится и поворачивается ко мне лицом.

– Ты никогда не пила? Даже пиво? Или глоток вина? Ничего?

Я отрицательно качаю головой.

– Bay. Впечатляет. Но я не знаю. Не думаю, что смогу продержаться без выпивки.

– Но ты хотя бы попытаешься?

Секунду он думает.

– Постараюсь. – Поднявшись, Гаррет протягивает руку, чтобы помочь мне встать, а потом, пока я подбираю блокноты, складывает плед.

– Мне не хочется, чтобы профессор Хокинс увидел, что я написала, – говорю я. – Я вырву эту страницу и напишу что-нибудь другое, ладно?

– Может, нам стоит завести отдельные блокноты. Только для тебя и меня.

– Зачем?

– Иногда проще что-то написать, чем произносить это вслух. Возможно, нам это

потребуется.

– Ага. Хорошо.

Не знаю, что бы я могла написать после произошедшего, но излагать свои сокровенные мысли на бумаге и правда проще, чем произносить вслух. Я бы ни за какие коврижки не призналась Гаррету в том, что еле-еле смогла написать.

В столовой я замечаю Харпер, которая обедает в одиночестве и читает книгу.

– Можно к тебе присоединиться? – спрашиваю я, поставив напротив нее поднос.

– Конечно. – Она закрывает книжку и кладет ее рядом на стул. – Я как раз думала, куда ты...

– Увидев возле меня Гаррета, она замолкает. Он тоже ставит поднос на стол и одаривает Харпер той своей идеальной улыбкой, которая, кажется, вводит девушек в особый транс.

– Привет. Мы незнакомы, но Джейд много о тебе рассказывала. Кстати, я Гаррет, – он бросает взгляд в мою сторону, – на случай, если Джейд про меня не упоминала, что, зная ее, очень даже возможно.

– Эм, нет. Она упоминала о тебе, – произносит Харпер, поглощая Гаррета взглядом, будто бы не в силах насытиться им. – Приятно познакомиться.

– Харпер, верно?

Она не отвечает. Я пинаю ее ногой под столом.

– Ага. Харпер. Харпер Дуглас. Из Лос-Анджелеса.

– Твой отец Кифер Дуглас? Режиссер?

– Да. Откуда ты знаешь?

– Твой отец был в числе приглашенных гостей на какую-то благотворительную акцию у нас дома. Я и с твоей мамой там познакомился. Ты очень на нее похожа.

– Как и все девочки в нашей семье. У меня две сестры. – Харпер полностью потеряла интерес к ланчу. Она ловит каждое слово Гаррета.

– Как тебе Коннектикут?

– Нравится. Я хотела попробовать нечто совершенно отличное от того, к чему привыкла в Лос-Анджелесе. В общем-то, именно отец и предложил мне подать заявление в Мурхерст. У них тут отличная программа по коммуникациям, как раз то, чем я хочу заниматься. К тому же мне разрешили присоединиться к команде по теннису.

– Давно ты занимаешься теннисом?

– Десять лет. Правда, играю не слишком хорошо. В Мурхерсте не самая сильная команда, но я была готова попасть в любую. – Она подхватывает вилкой листок салата, но не ест его. – Вы сегодня идете на вечеринку на Бич-стрит?

– У Гаррета уже есть планы, – отвечаю я.

– Сходи на вечеринку с Харпер, – предлагает мне Гаррет.

– Нет, мне не хочется.

Харпер откладывает вилку и отодвигает поднос в сторону.

– Я уже сто раз приглашала ее на вечеринки, но она всегда отказывается.

– Мне нужно доделать домашнее задание, а потом я, наверное, посмотрю телик.

– У тебя даже телевизора-то нет, – напоминает мне Гаррет.

– Знаю, но я могу воспользоваться тем, что в холле.

– Мне нужно идти. – Харпер встает. – До встречи, ребята.

– Есть идея, – объявляет Гаррет, как только Харпер уходит. – Я дам тебе свой ключ, а ты приходи вечером ко мне в комнату. Смотри телик и фильмы сколько захочешь. В той коробке минимум, сотня дисков, и телевизор у меня новый. Высокое разрешение изображения. Объемный звук. Куча настроек. Что скажешь?

– Тебя не напрягает то, что я буду одна в твоей комнате?

Он смеется.

– С чего вдруг? Ты там устроишь бардак? Закатишь вечеринку?

– Нет, просто хотела убедиться, что ты не против.

– Ну, я же сам тебе предложил.

– Тогда да. Мне нравится эта идея. Спасибо за предложение.

Он бросает взгляд на часы.

– Мне пора собираться.

- Уже? Ты же только пришел. Сейчас всего без пятнадцати двенадцать.
- У меня есть пара еще кое-каких дел. Я зайду к тебе перед уходом и отдаю ключ.

Днем я делаю домашнее задание, потом ухожу побегать и ужинаю. К семи мне становится настолько скучно, что я решаю пойти наверх и посмотреть кино.

Выйдя из комнаты, я натыкаюсь на бегающих туда-сюда девушек в халатах, которые собираются на тусовки, а, поднявшись на второй этаж, наблюдаю аналогичную сцену, только вместо девушек здесь полуголые парни в полотенцах, обернутых вокруг талии. Неожиданно меня охватывает чувство, что мне здесь не место, хотя многие девчонки постоянно здесь зависают, а некоторые даже nocturne. Торопливым шагом я направляюсь в комнату Гаррета и открываю дверь ключом, который он мне занес.

Зайдя внутрь, я отмечаю, что его ноутбук и книги уbrane со стола, а на их месте лежит гора еды. Ну, не гора, но много-много разных закусок. Над столом к стене прикреплен листок с надписью «Бар с закусками» и нарисованными мультишными человечками, которые держат попкорн и содовую. Я осматриваю стол – пять больших пачек чипсов, несколько упаковок с попкорном, соленая соломка, высокий стакан с красной лакрицей и коробок восемь конфет, которые обычно продаются в кинотеатрах – и рядом с лакрицей замечаю записку, которая гласит:

«Содовая в холодильнике. Наслаждайся просмотром! – Г.»

Я не верю своим глазам. Наверное именно поэтому Гаррет так быстро ушел во время ланча – чтобы устроить мне этот бар. Я подхожу к мини-холодильнику и нахожу внутри бутылки с разнообразной содовой вместе с очередным посланием:

«Не знал, какая именно тебе нравится, поэтому взял по одной каждого вида».

Доставая из холодильника бутылку, я мельком ловлю в зеркале свое отражение и замечаю у себя на лице широченную улыбку. Я и так была счастлива от того, что он позволил мне посмотреть его телевизор, но этот самодельный бар с закусками стал для меня настоящим сюрпризом.

Возможно, мне бы следовало повзрослеть и начать развлекаться, как мои ровесники, но для меня это идеальный субботний вечер. Кино и вредная еда. Намного лучше толкотни на чьей-то вечеринке в окружении отвратительных пьяных людей, которые проливают на меня пиво и блюют на ковер.

Коробка с фильмами, как и в прошлый раз, стоит на полу. Пока я выбираю, что посмотреть, раздается звонок телефон. Ответить или нет? Наверное, ошиблись номером. Гаррет не пользуется этим телефоном. На самом деле, я почти уверена, что в кампусе никто, кроме меня, стационарным телефоном не пользуется. У всех есть мобильники. Трезвон начинает действовать мне на нервы, и я поднимаю трубку.

– Алло?

– Итак, ты все-таки там, – говорит Гаррет. – С чего это вдруг ты отвечаешь по моему телефону?

– Ой, извини. Не нужно было, но он продолжал...

– Да я шучу, Джейд. Я совсем не против, хотя он вряд ли еще раз зазвонит. Никто не пользуется этим номером.

– Слушай, спасибо тебе за все. Я так обрадовалась, когда открыла дверь и увидела то, что ты для меня подготовил.

– Правда? Это всего лишь легкие закуски.

– Да, но ты не поленился купить их и разложить.

– Джейд, это было совсем не сложно. Я просто сбежал после ланча и закупился. Кстати, я заметил твою зависимость от чипсов.

Похоже, он совсем не понимает, как много для меня значит подобный жест. Люди не совершают ради меня подобных поступков. Не устраивают сюрпризов и не дарят подарков. Моя мама пропустила все мои дни рождения. То же самое было и с Рождеством, и с прочими праздниками. Я не сильно переживала по этому поводу, поскольку знала, что для нее праздники могут стать лишним поводом выпить.

– Ну, для меня это имеет значение, так что спасибо за старания.

– Всегда пожалуйста. Кстати, ключ, который я дал, теперь твой. Я сделал дубликат, так что теперь ты в любое время можешь смотреть кино или телевизор или фильмы.

– Гаррет, на надо было этого делать.

– Нет, надо. У тебя нет телевизора. К тому же, если я вдруг потеряю свой ключ, то всегда смогу спуститься вниз и получить запасной.

– Так вот она, настоящая причина, почему ты сделал мне ключ, – шучу я. – Как вечеринка?

– Как обычно. Здесь Блейк, но он скоро уедет на какую-то другую вечеринку рядом с кампусом. Сиерра и Ава тоже здесь. Ты же знакома с ними, верно?

– Да, мы живем на одном этаже. Там половина колледжа что ли?

– Ну, не половина, но многие. Это масштабное мероприятие. Народу полным-полно. Через пару минут начинается ужин, но я хотел быстро позвонить и узнать, не нужно ли тебе что-нибудь.

– Мне ничего не нужно. Еще раз спасибо, что разрешил попользоваться своими вещами.

– Ты не обязана благодарить меня, Джейд. Все мое – твое. Бери все, что захочешь. Ну, мне пора. Моя младшая сестренка тащит меня ужинать. Увидимся завтра.

Я возвращаюсь к коробке с фильмами и выбираю два на тот случай, если не успею заснуть, а потом, посчитав пухик не слишком удобным, забираюсь к Гарету на кровать. Она пахнет им, источая легкий аромат его одеколона. К одиннадцати у меня уже слипаются глаза, но я все равно включаю следующий фильм. Это какой-то экшн, и потому я думаю, что уж под него-то мне заснуть не грозит.

– Джейд, я вернулся, – слышу я голос Гаррет и немедленно подскакиваю. Он сидит рядом со мной на кровати.

– Который час?

– Половина девятого.

– Утра? Вот черт! Я не собиралась оставаться здесь на ночь. Я задремала.

– Все в порядке. Я не против. Но ты оставила телевизор включенным на всю ночь.

Ты оставила телевизор включенным! Думаешь, у меня есть деньги, чтобы оплачивать этот проклятый ящик для такого неблагодарного, испорченного ребенка, как ты? В голове у меня звучит ее крик, и я вздрагиваю, зная, что она собирается запустить в меня пультом. Я практически слышу, как он с громким стуком врезается в стену.

– Прости! Этого больше не повторится! Обещаю! Я больше не буду! – До меня вдруг доходит, что я кричу, пытаясь увернуться от его рук.

– Джейд, прекрати. – Гаррет держит меня за плечи и заглядывает мне в глаза. – Я просто пошутил. Ничего страшного не случилось.

Голос в моей голове замолкает, и я краснею.

– Нет. Я разговаривала не с тобой. Я... – мой голос затихает.

– С кем ты говорила?

– Ни с кем. Мне нужно идти. – Я пытаюсь слезть с кровати, но он не отпускает меня.

– Постой. Что случилось? Почему ты кричала на меня?

– Я не хотела. Извини. Дай мне уйти.

– Здесь что-то не так. Тебя будто подменили. Сначала ты была веселой и улыбалась, а в другую секунду неожиданно изменилась. Что с тобой? Я сказал что-то не то?

– К тебе это не имеет никакого отношения.

Он отпускает меня.

– Тогда расскажи, в чем дело.

– Не могу. Не хочу говорить об этом.

Когда я делаю шаг в сторону двери, Гаррет встает у меня на пути. Подходит ко мне и притягивает к себе в объятия, а я остаюсь стоять с руками, опущенными по швам.

Он смеется.

– Джейд, ты ведешь себя совсем как тогда в бассейне. Разве ты не знаешь, как это делается?

– Делается что?

– Как обнять человека.

– Это не мое.

– Ну, тебе это определенно нужно, так что не стой столбом. Просто обними меня своими чертовыми руками.

Я слабо его обнимаю.

– Какого черта? Давай покрепче. Я не сломаюсь.

Я прижимаюсь к нему крепче.

– Так-то лучше.

Через нескольких секунд я порываюсь отстраниться, но Гаррет не отпускает меня.

– Неа. Ты еще не готова. Тебе нужно больше времени.

– Что? Нет. С меня хватит.

– Тебе это не нравится?

– Нравится, но для меня достаточно. – Быть так близко к нему, когда мы целуемся, совсем нетрудно, но это объятие иное. Слишком интимное.

– Тебе нужна по меньшей мере минута.

– Откуда ты знаешь, что мне нужно?

– Чувствую. До этого ты была вся на взводе. Напряжение спадает, но полностью ты не расслабилась, поэтому останешься стоять там, где стоишь.

– Ты сумасшедший.

– Как скажешь, только я не отпушу тебя, пока не успокоишься.

Я вздыхаю и продолжаю обнимать его. Моя мать не приветствовала всякие там нежности. Как и Фрэнк с Райаном. Прощальное объятие Райана, когда он со мной прощался, было вторым нашим объятием вообще, а первое случилось на выпускном. Я не очень-то умею делать подобные вещи.

– Теперь мы закончили?

– Да. – Он отстраняется. – Вот видишь? Ты успокоилась. Хотя раньше мне не приходилось прикладывать столько усилий, чтобы девушка обняла меня.

Я обращаю внимание на конфетные обертки и несколько пустых бутылок из-под содовой, которые разбросаны вокруг, и поднимаю их.

– Почему ты так рано вернулся?

– Проснулся в семь и ушел. Обычно после таких вечеринок я сплю до полудня, но не сегодня. – Он ловит меня за руку, когда я выбрасываю фантик в корзину. – Я встал рано, потому что не пил. Я не выпивал прошлым вечером, Джейд. Я не пил весь день.

– Не пил? Правда? – Я снова его обнимаю. Не знаю, почему. Наверное, все эти объятия – вещь заразительная.

– О, теперь ты меня обнимаешь? – Он обнимает меня в ответ. – В общем, Блейк издевался надо мной по этому поводу. Все время таскался за мной, пытаясь затолкнуть мне в глотку шоты.

– Серьезно? – Я отпускаю его.

– Ну, не буквально, конечно. Но он весь вечер подсовывал мне алкоголь. Так взбесился. Он не любит пить в одиночестве.

– Что ж, спасибо тебе за это. Знаю, кажется глупым, но для меня это важно из-за того, как я росла.

– Знаю. И не считаю, что это глупо. Так что насчет завтрака? Давай сходим куда-нибудь. Я бы сейчас съел целую гору блинчиков.

– В столовой есть блинчики.

Он закатывает глаза.

– Я хочу вкусных блинчиков. Легких, воздушных блинчиков. А не тех, что прилипают к стене, если их бросить. Я пробовал, кстати. Они действительно прилипают к стене.

– Они не такие плохие.

– Просто ты никогда не пробовала по-настоящему вкусных блинчиков. Позволь мне отвести тебя в «Блинный дом Эла». Там лучшие блинчики в Коннектикуте.

– Ну не знаю. Думаю, я могу просто поесть в столовой.

– Потому, что там уже все оплачено, да?

Я не отвечаю, но это и не нужно.

– Ладно, давай поступим так. Мне жутко хочется блинчиков из «Блинного дома Эла», но я терпеть не могу есть в ресторане в одиночестве, так что если составишь мне компанию, то ты сделаешь для меня огромное одолжение. А чтобы показать свою искреннюю благодарность, я оплачу твой завтрак.

Я склоняю голову набок, обдумывая предложение.

– Значит, я окажу тебе помощь?

– Еще какую.

– Отлично. Только дай мне принять душ. Я спущусь через десять минут.

Уходя, я слышу его слова:

– Все еще не могу поверить, что ты умеешь так быстро собираться

– Окей, ты был абсолютно прав, – произношу я, прожевав мягчайший блинчик, который когда-либо пробовала. – Здесь *действительно* лучшие блинчики. Думаю, не только в Коннектикуте, но и во всей стране. А может даже и в мире.

– Говорил же. – Гаррет заказал черничные блинчики, которые тоже выглядят аппетитно. – Знаешь, пусть это станет нашей воскресной традицией.

– Ты о чем?

– Давай приходить сюда каждое воскресенье. Будет нашей маленькой традицией.

– У меня нет денег, чтобы ходить сюда каждую неделю. И поскольку я вряд ли найду работу в кампусе, то и «Блинного дома Эла» в моем будущем не предвидится. Хотя это было бы замечательно. Я могла бы есть эти блинчики хоть каждый день.

Он вздыхает и откладывает вилку.

– Ну почему ты просто не позволишь мне заплатить за тебя? Ты же знаешь, у моей семьи денег больше, чем она способна потратить. Я же не пытаюсь купить тебе машину. Это всего лишь блинчики.

– Я тебе уже объясняла. Когда люди что-то мне покупают, то я чувствую себя в долгу перед ними. А я не хочу быть тебе должницей.

– А что, если бы мы встречались? – ненароком спрашивает он. – Если бы мы были на свидании, ты бы позволила мне заплатить, так ведь?

– Не знаю. Когда я раньше позволяла парням платить на свиданиях, то взамен они ожидали секса. Поэтому мы снова возвращаемся к проблеме долга.

Он улыбается.

– Ты не будешь должна мне секса. Мы внесем это в наше соглашение.

– Значит, у нас будет соглашение?

– Устное. Можешь сама назвать подходящие для тебя условия.

– Мы же договаривались быть просто друзьями, помнишь? О том, что будем проводить время вместе и узнавать друг друга?

– Тогда забудь об идее со свиданием и просто прими тот факт, что ты делаешь мне огромное одолжение, поскольку знаешь, что я не могу есть в одиночестве.

Моя тарелка наконец опустела, и я больше не голодна.

– Хмм. Мне бы хотелось вернуться сюда еще раз.

– И мне тоже. Но я не смогу без компании.

– И то правда. Хорошо. Думаю, можем попробовать.

Он тянется за кошельком и кладет кредитку на счет, который лежит на столе.

– Неделя первая из воскресений в «Блинном доме у Эла». Наша первая традиция.

15

– Наша первая? Думаешь, будут и другие?

– У нас впереди четыре года, Джейд. Уверен, мы придумаем что-нибудь еще.

Меня удивляет то, что Гаррет задумывается над тем, как мы проведем эти четыре года.

Четыре года – это немало. Вряд ли он станет дружить со мной так долго. Но мысль об этом мне нравится. И мне нравится идея с традициями; такого в моей жизни еще никогда не было.

К нам подходит официантка, убирает посуду и забирает кредитку.

– Так какие у нас планы на сегодня? – интересуюсь я у Гаррета.

– Днем я играю в футбол. Я в команде по флагболу¹, и мы играем каждое воскресенье. После мы собираемся у одного парня дома посмотреть какую-нибудь игру. У него восьмидесятидюймовая пластина.

– Не знала, что ты играешь в футбол.

– Один из моих скрытых талантов. – Он одаривает меня той самоуверенной улыбкой, которую я видела множество раз. Я нахожу ее очень сексуальной. Люблю уверенность в парнях и то, что у Гаррета этой самой уверенности хоть отбавляй. И, тем не менее, он никогда не пересекает черту, граничащую с наглостью. К тому же, его самоуверенная улыбочка просто сообщает, что он всего лишь шутит.

– А какие у тебя сегодня планы? – спрашивает он.

– Схожу на пробежку, наверное. Позвоню Фрэнку и Райану.

– Ты никогда о них не рассказываешь. Фрэнк приходится тебе родственником? Он твой дядя?

– Думала, ты знаешь о моей жизни все. Разве отец не говорил тебе о Фрэнке?

– Он и о тебе-то почти ничего не рассказывал. Клянусь.

– Фрэнк мой официальный опекун. Точнее, был им до моего восемнадцатилетия. Они с Райаном переехали в мой район, когда мне было двенадцать.

– Выходит, твой сосед предложил тебе опекунство?

– Он больше, чем просто сосед. Когда я познакомилась с Фрэнком, он заменил мне отца. И он знал мою маму, еще с колледжа.

– Твоя мама училась в колледже?

– Да. Почему ты так удивлен? В двадцать лет ее исключили. Она отучилась два года. В общем, после ее смерти Фрэнк забрал меня к себе. У него рассеянный склероз, и сейчас он прикован к инвалидному креслу. Правда, он нечасто им пользуется, хотя должен.

– Фигово. Он поправится?

– Не знаю. В день моего приезда сюда его срочно увезли на скорой в больницу, и я думала, что он умрет.

– Джейд, почему ты молчала? Я бы не таскал тебя по всему городу, если бы знал, что у тебя случилось.

– Нет, хорошо, что ты меня куда-то вывез. Было бы невыносимо сидеть у себя в комнате и думать обо всем этом. Но сейчас Фрэнку намного лучше.

– Он разведен?

– Нет, его жена умерла много лет назад. У нее нашли рак, когда Райан был совсем маленьким. Фрэнк тогда работал в газете и одновременно учился в аспирантуре, так что он нанял мою мать нянчиться с Райаном, пока он возит жену по врачам. Так он и познакомился с моей матерью. Она была тогда на первом курсе. Потом Фрэнк переехал с семьей в Сан-Диего, поближе к родителям жены. Она умерла несколько месяцев спустя, но Фрэнк остался там, чтобы родственники помогли ему с воспитанием Райана. А после их смерти он вернулся обратно в Де-Мойн.

– Значит, твоя мама заботилась о Райане. – По его интонации я понимаю, какие мысли у него в голове.

– Да, знаю. Похоже, тогда она еще была адекватна. До моего рождения мама была в своем уме. – Официантка возвращается с чеком. Я вылезаю из-за стола. – Давай уйдем отсюда, пока я не заказала новую порцию блинчиков.

¹ Прим. ред.: «Флагбол» – разновидность американского футбола.

По дороге в кампус Гаррет то и дело посматривает на меня.

– Можешь брать ее, если тебе понадобится куда-нибудь съездить.

– Что именно? Твою машину?

– Да. Если тебе захочется выбраться из кампуса, можешь ее одолживать.

– Шутишь? Эта машина стоит целое состояние. Я и так перепугалась до чертиков, когда тем вечером была за рулем.

– Она застрахована, Джейд. И я уверен, ты аккуратный водитель. Сколько у тебя штрафов?

– Ни одного. И ни одной аварии.

– Тогда ты точно водишь лучше меня. У тебя есть ключ от моей комнаты, так что, если понадобится машина, то запасные ключи от нее лежат в верхнем ящике.

– Я не стану брать твой автомобиль, Гаррет. Но спасибо за предложение.

– Слушай, когда мы вернемся, поднимайся ко мне и забери оставшуюся еду. А то едок из тебя никудышный.

– Она твоя. Оставь себе.

– Я не буду есть. Просто выброшу.

– Черт, если так, то уж лучше я ее заберу.

– Как вариант, если ты в ближайшем будущем планируешь снова смотреть кино, то часть можно просто оставить там.

– Даже не знаю. Я снова приглашена?

– Джейд, я уже говорил, ты можешь приходить ко мне когда захочешь и пользоваться теликом и всеми другими вещами.

– Ну ладно, на этот раз я уступлю тебе. Может, посмотрю что-нибудь днем, пока тебя там не будет.

Он улыбается и качает головой.

– Вообще, я надеялся, что ты заглянешь, пока я там буду, ну да ладно.

Остаток дня я провожу с Харпер. Она продолжает расспрашивать о том, что происходит между мной и Гарретом. Я заверяю ее, что мы просто друзья, но она отказывается мне верить.

– Значит, вы провели вместе столько времени и даже не поцеловались? – Она спрашивает это уже в третий раз. Я продолжаю врать и говорить, что ничего не было, но она не ведется, и я принимаю решение сдаться.

– Ну ладно! Хорошо. Мы целовались. Один раз. Теперь ты довольна?

– Я так и знала! Невозможно находиться рядом с таким сексуальным парнем и не поцеловать его.

Мы сидим у нее в комнате на кровати, накрытой розовым пледом. Харпер, прислонившись к спинке, прижимает к себе розовую подушку и теребит бахрому по краям, а я сижу, прислонившись к стене, и рассматриваю висящую под потолком небольшую люстру.

– И как это было? Мне кажется, Гаррет из тех парней, кто хорошо целуется.

– Как можно делать выводы только по внешности?

– Ну, во-первых, у него красивые губы. А во-вторых, я уверена, что у него большой опыт. – Она притягивает подушку к груди. – Так как это было? Мне нужны подробности, Джейд.

– Было хорошо. Это все, что я могу сказать.

– И что, это привело к чему-то большему? Если да, и ты мне не рассказала, я тебя прикончу.

– Это был просто поцелуй. И все. И ничего большего не произойдет, потому что теперь мы с Гарретом просто друзья.

– Не понимаю я эту штуку с дружбой. Ты приняла целибат, что ли?

Она говорит на полном серьезе, и я смеюсь.

– Нет. Просто мне не хочется торопиться, и сначала я хочу побывать друзьями.

– И Гаррет согласен? Потому что, судя по моему собственному опыту, парни хотят секс уже на третьем или четвертом свидании.

– Он не давил на меня в этом смысле. Наверное, из-за того, что мы не встречаемся.

– А ты уверена, что он не встречается с кем-то еще? – Она морщится, будто ей было страшно задать сам вопрос.

– Нет, но это, в общем-то, не мое дело. Он может встречаться с кем пожелает. – Я стараюсь сделать безразличное выражение лица, но на самом деле даже представлять не хочу, что он может

быть с другой.

Ступней в розовом носке она толкает мою ногу.

– Джейд, я знаю, что тебе будет больно, если Гаррет так поступит. Он тебе сильно нравится. Я же вижу.

– Он просто друг, Харпер. Ни больше, ни меньше. – Я меняю тему на ее личную жизнь и на парня из группы по социологии, с которым она уже дважды встречалась.

В начале вечера Харпер уходит играть в теннис, а я решаю посмотреть фильм в комнате Гаррета. Думаю, раз он смотрит футбол с друзьями, то вернется достаточно поздно. Райан и Фрэнк большие фанаты футбола и иногда не спят до полуночи, лишь бы досмотреть матч до конца.

Как только я включаю фильм, открывается дверь. Я быстро вскакиваю с кровати.

– Похоже, ты все-таки решила вернуться и навестить свой бар с закусками. – У Гаррета улыбка до ушей, будто он надеялся застать меня в своей комнате.

– Не ожидала, что ты вернешься так рано. – Я хватаю пульт и выключаю плазму. – Еще только семь часов.

– Игра была отстойной, так что я ушел. Чуть позже начнется другая, но у меня уже нет настроения.

– Тогда я оставлю тебя одного. – Я торопливо прохожу мимо него, но он обхватывает меня за талию.

– Тебе необязательно уходить. – Он удерживает меня. Я не отворачиваюсь, потому что мне приятно. Очень. – Давай посмотрим кино.

Моя радость от того, что он хочет, чтобы я осталась, улетучивается, когда я улавливаю запах пива.

Я отталкиваю его.

– Ты пил.

– Да? И что?

Я пристально смотрю на него.

– Джейд, я выпил всего пару бутылок. Этим и занимаются парни, когда смотрят футбол. Пьют пиво. И я остановился на двух. Другие вообще выпили не меньше шести бутылок и все еще пьют.

– Меня не волнует, чем они занимаются. Но мне не все равно, что делаешь ты.

Он отступает и вскидывает руки.

– Это чертов колледж, Джейд. Я не собираюсь давать зарок, что четыре года не стану притрагиваться к спиртному. С твоей стороны нечестно о таком просить. Ты хоть знаешь, чего мне стоило оставаться трезвым на той вечеринке? Все вели себя так, словно со мной что-то не так. Даже отец спросил, почему я не прикоснулся к вину за ужином.

– Это неправильно. Тебе даже не исполнилось двадцать один.

– Мне жаль, что тебе это неприятно, но я не собираюсь врать тебе. Иногда я буду пить. И сегодня мне хотелось выпить больше, но я сдержался. Ради тебя. Но ты все равно злишься!

– Я понимаю, почему ты так поступил. Все дело в обществе. Люди ожидают, что ты станешь пить. Понимаю. Но я не обязана мириться с этим. И я не могу находиться рядом с тобой, когда чувствую запах алкоголя. Увидимся позже.

Он не произносит ни слова, когда я ухожу. Нам обоим нужно подумать. Мне предельно ясно, что алкоголь – часть колледжа. И мне известно, что с кем бы я ни общалась, все они будут пить. Так что, наверное, я слишком давлю на Гаррета. Но быть с ним после того, как он выпил, слишком тяжело для меня. И что теперь? Конец дружбе? Общение только по будням? Не уверена и не думаю, что ему это подойдет.

Всю следующую неделю я не слышала от Гаррета ни слова, за исключением короткого приветствия на английском во вторник и в четверг. Это первая неделя полноценных занятий, поэтому я убеждаю себя, что он просто занят. Но мне ясно, что мы перестали общаться совсем по другой причине.

Можно было бы подняться к нему и поговорить, но я ничего не предпринимаю. Я ведь не изменила своим принципам, да и что мне ему сказать? Извини, что разозлилась из-за того, что ты выпил? Я не чувствую себя виноватой. Не хочу, чтобы он прикасался к алкоголю. Все просто. Это серьезная просьба, и я знаю, что он не хочет отказываться от выпивки, так что мы в тупике.

Но это не значит, что я не скучаю по нему до безумия. Теперь я провожу больше времени с Харпер и ее друзьями из теннисной команды, но это совсем не одно и то же. Гаррет знает меня. Он знает о моем прошлом и видел меня в тяжелые моменты, которые я бы хотела пережить в одиночестве. Он может не понимать их причину, но все же он был рядом со мной, и это нас сблизило.

В пятницу после ужина я делаю домашнее задание по биологии – одна, потому что мой бесполезный партнер отказывается принимать в этом участие. Из-за криков в коридоре и беготни девчонок, которые собираются на вечеринки, мне сложно сосредоточиться. У Харпер свидание, и она ушла час назад.

Я роюсь в рюкзаке в поиске наушников, чтобы хоть как-то приглушить весь этот гам.

– Джейд? – За голосом следует стук в дверь. – Джейд? Это Гаррет.

Что ему нужно? Сообщить мне, что он направляется на вечеринку и собирается напиться там до потери пульса?

– Чего тебе? – спрашиваю я, открывая дверь.

– Какое милое приветствие. – Он улыбается и сверкает своими прекрасными глазами цвета морской волны.

При виде него мое сердце сладко екает, а в животе появляется легкий трепет. Неужели это бабочки? Так вот оно какое, настоящее чувство? Какого черта?

– Знаю, уже поздно, но я хотел предложить тебе посмотреть кино. – Он опирается о дверной косяк и по непонятной причине начинает выглядеть в моих глазах еще сексуальней, чем если бы он просто стоял.

Я не понимаю, что вообще происходит, поэтому просто молчу. Мы всю неделю не разговаривали, а тут на тебе, он вдруг приглашает меня к себе?

– У меня есть еда, если это может как-то повлиять на твое решение. Я пополнил бар с закусками. – Гаррет все еще улыбается, и я понимаю, что расплываюсь в ответной улыбке. Почему я улыбаюсь? Мне следует злиться на него. Как это у него получается?

Как только я прогоняю чары, которыми он меня опутал, моя улыбка гаснет.

– Сейчас вечер пятницы. Разве тебе не нужно развлекаться?

Он пожимает плечом.

– Как-то не хочется. Так ты придешь или нет?

– Не знаю. Я...

– Приветик, Гаррет. – Его руку обхватывает девичья ручка с красным маникюром. Я выглядываю в коридор и вижу Аву, одетую в облегающее красное платье и черные туфли на шпильках. – Пошли со мной на сегодняшнюю вечеринку. – Окинув взглядом меня, она придвигается к нему ближе и громко шепчет на ухо. – Ты не пожалеешь о потраченном времени.

Во мне поднимается волна ревности, хотя ревновать я не имею права. Гаррет не принадлежит мне. Он волен делать все, что захочет.

– У меня уже есть планы, – отвечает Гаррет, высвобождаясь из ее хватки.

– И какие же? – Ава выглядит раздраженной.

– Мы идем в кино, – выпаливаю я без малейшего представления о том, как и почему именно эти слова пришли мне на ум.

Гаррет выглядит удивленным, но довольным.

– Да. Мы с Джейд идем в кино. Но ты повеселись там на вечеринке.

Ава буравит меня взглядом. Затем с фырканьем разворачивается на шпильках и уносится по коридору.

Гаррет даже не обращает на это внимание.

– Какой фильм хочешь посмотреть? Я проверю сеансы. – Он достает из кармана телефон и начинает поиск.

– Что? Нет. Я просто хотела избавиться от нее.

Он не отрывается взгляда от экрана.

– Поздно. Ты сказала ей, и теперь это стало общественным достоянием. Не идти просто нельзя. Если она нас здесь заметит, то поймет, что мы ее обманули.

– Мне все равно.

– Итак, на сеанс в половину восьмого мы не успели, но есть четыре фильма, которые начинаются в девять и позже. Тебе прочитать их названия?

– Притормози. – Я накрываю его телефон рукой. – Я не говорила, что собираюсь с тобой в кино.

Он убирает мою руку с телефона.

– Говорила. Всего минуту назад.

– Да, но...

– Ладно, ты слишком долго думаешь. Я выберу сам. Ты пойдешь прямо так?

Я окидываю взглядом свою футболку и спортивные шорты, и мне становится стыдно за свой внешний вид.

– Хмм, нет. Думаю, нет.

Неужели я только что согласилась пойти с ним? Как это произошло?

Он убирает телефон.

– Можно зайти? В коридоре я слишком легкая мишень.

– Мишень для чего? – спрашиваю я, делая шаг назад и давая ему зайти внутрь.

– Девушки обожают меня. – Его лицо, пока он ждет моей реакции, озаряет ухмылка.

– Пожалуйста, скажи, что это шутка. Иначе мне снова придется осыпать тебя градом оскорблений, дабы спустить с небес на землю.

Он пытается придать лицу серьезное выражение.

– Ты же видела Аву. Девушки просто не могут устоять передо мной. Что тут еще можно добавить?

Я качаю головой и начинаю копаться в ящике в поисках футболки.

– Лично я устоять очень даже могу. У меня иммунитет ко всем твоим выдуманным достоинствам.

– Да знаю я, – бормочет он. – Помощь нужна?

– Зачем? Думаешь, я не могу одеться самостоятельно?

Он становится рядом и заглядывает в открытый ящик.

– Здесь все черное.

– Ага. – Я закрываю ящик и открываю нижний. – А здесь все белое.

– Где твои остальные кофточки?

– Это все. Ну, у меня есть еще парочка в шкафу.

Он подходит, чтобы посмотреть.

– Ты носишь только черное или белое?

– Ну, да. До тебя только что дошло? Ты столько раз меня видел и никогда не замечал?

– Ха. Похоже, нет.

– Так намного проще. Черное и белое подходят ко всему. – Я достаю из комода черную футболку.

– Тебе стоит попробовать фиолетовый цвет.

Я чуть ли не задыхаюсь от смеха.

– Фиолетовый? Ты шутишь?

– А что не так с фиолетовым?

– Я никогда не носила ничего фиолетового. Даже и не думала об этом. Это один из тех странных цветов, которые носят старушки.

– Не только. И к твоим зеленым глазам фиолетовый здорово подойдет.

– Ненавижу свои зеленые глаза. Последнее, чего я хочу, так это подчеркивать их.

Он приближается и приподнимает мое лицо за подбородок.

– Как ты можешь ненавидеть собственные глаза? Они самое прекрасное, что я когда-либо видел. Как думаешь, почему я всегда ими любуюсь?

– Это просто смешно. – Я отталкиваю его. – А теперь кыш отсюда. Мне надо переодеться.

Подожди в коридоре. Буду через пару секунд.

– Джейд, ты же прекрасно знаешь, что я там не в безопасности. – Он произносит это так, словно ему действительно грозит опасность. – Неужели ты не заметила всех этих девушек, рассекающих по коридору в полотенцах и халатиках?

Я закатываю глаза.

– Клянусь. Оскорблений уже на подходе, мой друг. Так что прикажи своему эго приготовиться.

Он стоит на месте.

– Ты и вправду не выйдешь? Ну хорошо. Тогда отвернись.

Я переодеваюсь в джинсы и черную футболку.

– Все, я готова.

Он изучает меня.

– Да. Тебе определенно нужно сменить цветовую гамму. Черно-белая тема давно устарела.

– Ну, я не собираюсь покупать новые вещи, так что тебе придется смириться с этим. – Я ищу в столе деньги. – Сколько стоят билеты? А то я не была в кино уже лет сто. Шесть баксов? Семь?

– Не переживай из-за этого. Пошли.

– Гаррет, ты не станешь платить.

– Ты только что спасла меня от загребущих ручек Авы. Самое меньшее, что я могу сделать – это купить билеты в кино. Возможно, даже попкорн.

Я принимаю его предложение, подумав, что это всего лишь пара долларов и они не стоят того, чтобы спорить. Когда мы приходим в кинотеатр, оказывается, что билеты стоят двенадцать долларов! И когда это фильмы успели стать такими дорогими? Я прошу его не переплачивать за дорогущий попкорн, но после того, как мы находим наши места, он убегает и приносит огромное ведерко попкорна и две содовые.

– В кино нельзя без попкорна, – поясняет он, когда я начинаю ворчать. – Это как подарок на Рождество. Традиция.

Я умалчиваю о том, что у меня дома не было традиции дарить подарки на Рождество.

– Не могу поверить, что ты выбрал романтическую комедию, – говорю я. – Неужели я похожа на человека, которому нравятся подобные фильмы?

– Нет. Именно потому я его и выбрал. Подумал, что это тебя немного смягчит. – Он целует меня в щеку. Я игнорирую комментарий. И поцелуй. – Так на какой фильм ты ходила в последний раз?

– Не помню. Мне было лет пятнадцать, так что это было давненько.

– Почему? Тебе не нравятся кинотеатры?

– Нравятся, просто это слишком дорогое удовольствие. И мне не с кем… – Я решаю не заканчивать предложение. Правда в том, что после суицида моей матери-наркоманки и по совместительству алкоголички родители некоторых моих друзей решили, что их детям лучше со мной не общаться. Наверное, они посчитали, что я пошла в мать и толкну их детишек на кривую дорожку. Поэтому социальные развлечения типа кино закончилось в пятнадцать лет. Фрэнк с Райаном тоже не ходили в кино. Они просто брали фильмы в прокате.

Начинается фильм, что спасает меня от продолжения неловкого разговора. Спустя час я все-таки прихожу к выводу, что картина в целом довольно-таки неплохая. Здесь больше комедии с небольшой примесью романтики. Рука Гаррета продолжает сталкиваться с моей в ведерке с попкорном, что объясняет его выбор гигантской упаковки.

– Нам следует это повторить, – заявляет Гаррет, когда мы возвращаемся ко мне в комнату. – Заведем еще одну новую традицию, как с блинчиками. Можем ходить по пятничным вечерам.

– Это было весело, но тебе стоит развлекаться как все. Ходить на вечеринки. Я не хочу, чтобы ты что-то упускал из-за меня.

– Ничего я не упускаю. Если бы я хотел пойти на вечеринку, то пошел бы. – Он садится на кровать и тянет меня к себе. – Я собирался пойти на вечеринку, о которой говорила Ава, но потом представил, как там все будет, и решил провести время с тобой. Вот почему я пришел к тебе сегодня.

– А если бы я отказалась?

Он тыкает в себя пальцем, и на его лице вновь появляется эта его самоуверенная улыбочка.

– Да ладно. Кто откажется от такого?

Я указываю ему на дверь.

– Спокойной ночи, Гаррет!

– Я шучу! Боже, неужели ты действительно подумала, что я серьезно?

Еще бы. Ему и впрямь тяжело отказать.

– Если в следующий раз захочешь чем-нибудь заняться, то предложи это заранее. Тебе просто повезло, что я была сегодня не занята. – Явное преувеличение. Я никогда не занята. Мне нечего делать, кроме домашнего задания.

– Чем ты занята завтра вечером? – спрашивает он.

– Стиркой. – И это правда, но как только слова слетают с моего языка, то я понимаю,

насколько жалко это звучит.

– Очень жаль, потому что я собрался пригласить тебя к себе на пиццу и киномарафон.

– Хмм. Я люблю пиццу. И фильмы. Но ты говоришь, что тоже там будешь? Потому что это как-то все портит, так что...

Он пихает меня в бок.

– Ладно, думаю, я заслужил это. Так что?

– Да. Звучит весело, даже если ты настаиваешь на своем присутствии.

16

В субботу вечером перед киномарафоном с Гарретом в кино я долго привожу себя в порядок. Принимаю душ, брею ноги, выпрямляю волосы, чищу зубы с зубной нитью, наношу макияж.

Понятия не имею, зачем я всем этим занимаюсь перед тем, как просто посмотреть кино с «другом». Стараюсь придумать рациональное объяснение, однако в голову лезет лишь одна мысль: жизнь рядом с таким количеством девушек словно впрыснуло в меня дозу эстрогена. Мое внутреннее женственное «я» просто не может не проявить себя рядом с такими же особями на этаже. И частые визиты в кричаще-розовую комнату Харпер ситуацию не улучшают.

Ровно в семь я стучусь в комнату Гаррета. Когда он распахивает дверь, меня приветствует море мигающих голубых огоньков, свисающих с потолка. Будучи единственным источником света, они озаряют комнату мягким сиянием.

— Что это? — спрашиваю я, заходя внутрь.

— Хотел добавить атмосферности. Круто, правда? Теперь не надо включать верхний свет или яркую настольную лампу.

— Даже не знаю, — отвечаю я с недоверием. — Как-то чересчур романтично. — Я поворачиваюсь к нему. — Говорю тебе сразу: никакогоекса сегодня ты не получишь.

Он хочет и кладет руку мне на плечо.

— Сегодня? Выходит, ты запланировала его на другой вечер? Ладно. Меня устраивает.

— Я не это имела в виду. Я говорила о том, что тебе не перепадет ни сегодня, ни в любой другой день. Во всяком случае, не со мной.

Ну зачем меня угораздило это ляпнуть? Слишком самоуверенное заявление. Сама того не желая, я практически исключила всякую возможностьекса с ним. Но теперь уже поздно. Сказанного не воротишь.

— Ну, раз сегодня мы не будем заниматьсяексом, можешь уйти прямо сейчас.

От шока я замираю, и во мне закипает гнев. Мне следовало знать, что он потребует его от меня. Я пытаюсь протиснуться мимо него к двери, но не успеваю сделать и пары шагов, как он ловит меня в объятья.

— Я пошутил, Джейд. Боже, нельзя принимать все настолько всерьез.

— Отпусти.

— Только если ты пообещаешь остаться.

Я пытаюсь вывернуться, но он лишь крепче прижимает к себе. Можно было бы использовать на нем свои приемчики самообороны, но это причинит ему боль, а мне не очень хочется этого делать. К тому же мне нравится его объятья. Он очень сильный. Держит меня так, будто это не стоит ему никаких усилий.

— Хорошо. Я останусь.

Он хочет отпустить меня, но вдруг останавливается.

— Еще одно. Ты должна сделать мне комплимент. После всех оскорблений в мой адрес не думаю, что прошу о многом.

— Просто отпусти меня.

— Всего один комплимент, Джейд. И все.

Я вздыхаю.

— Ладно. Мне нравятся твои дурацкие огоньки.

Гаррет так громко смеется, что больше не может удерживать меня. Он усаживает меня на свой гигантский пуфик.

Раздается рингтон его телефона.

— Это пицца. Сейчас вернусь.

Пока его нет, я любуюсь мерцанием голубых огоньков. Они действительно классные.

— Выбрала фильм? — Гаррет возвращается с огромной пиццией в руке.

— Ага. Мультфильм с собаками-борцами против преступности.

— Мы не будем это смотреть, Джейд.

— О, еще как будем. — Я подползаю к коробке с дисками и достаю нужный.

Гаррет даже не сопротивляется, потому что прекрасно знает, что мы все равно станем

смотреть именно это. После мультика, который оказывается на удивление неплохим, он встает выбросить коробку, которая неприятно пахла, а когда возвращается, я уже роюсь в коробке в поисках нового фильма.

— Следующий выбираю я, — заявляет он. — А то после последнего сомневаюсь, есть ли у тебя вкус.

— Это же был твой фильм! — Я ухожу к холодильнику за новой содовой.

— Вот. Этот хороший. — Он указывает на какую-то комедию.

— Сгодится, только если это не тупая слезовыжималка. — Я возвращаюсь обратно к своему месту на пуфикае, предполагая, что Гаррет устроится на кровати, но вместо этого он садится рядом со мной. Перемена мест вынуждает меня задуматься о том, что с ним происходит. Наше соглашение о дружбе все еще в силе, но все же иногда он пытается раздвинуть границы — когда берет меня за руку, целует в щеку или придвигается так близко, как сейчас. И как бы ни было заманчиво сделать следующий шаг, у меня есть чувство, будто делать этого не стоит. Но черт, как же это заманчиво.

На середине фильма меня начинает клонить в сон. Час спустя я просыпаюсь, лежа на Гаррете. Он спит, положив на меня руку, а на телевизоре теперь голубой экран.

— Гаррет, проснись. — Я слезаю с него и встаю, чтобы вытащить диск.

— Фильм уже закончился? — Он зевает. — Что случилось?

— Мы заснули. Хочешь посмотреть что-нибудь еще или пойти спать?

— Сейчас всего половина одиннадцатого. Слишком рано для сна. Давай просто посмотрим телевизор.

Взяв пульт, я возвращаюсь к пуфику и переключаю телек на старый фильм восьмидесятых.

— Моя мама обожала его, — произносит Гаррет. — Он о двух девчонках, которые...

— Ты никогда не рассказывал о своей маме. Она живет где-то рядом?

Он смотрит на меня со странным выражением на лице.

— Моя мама умерла. Я думал, ты знаешь. Не смотришь новости?

Меня немного задевает его комментарий, но, кажется, он не нарочно сказал это таким снисходительным тоном. Я убавляю звук.

— Мне жаль. Я не знала. — Я чувствую, как горят мои щеки.

— Ничего. Это было давно. Мне было десять, когда это случилось.

— Почему об этом рассказывали в новостях? — Мне почти не хочется этого знать. Если это попало в новости, значит, произошло действительно нечто ужасное. Телевидение вещает лишь о жестоких смертях, вроде убийств.

— Она погибла в авиакатастрофе. Это был частный рейс.

Нечто подобное я и предполагала. Несчастный случай. Но я не понимаю, почему он думает, что я должна была услышать это в новостях в Айове.

— Это произошло неподалеку отсюда? — Я кладу руку ему на плечо. — Мне жаль, Гаррет. Мне не следовало ворошить прошлое. Ты наверняка не хочешь поднимать эту тему.

— Нет, все нормально. Я могу об этом говорить. Это произошло в Вирджинии. Мои родители были в Вашингтоне, занимались поисками финансирования политической кампании. В то утро отцу пришлось рано уехать на встречу, а мама осталась, чтобы вечером посетить еще одно мероприятие. Она ненавидела всю эту политическую ерунду, однако ее появления ожидали, потому что отец был известным сторонником кампании одного парня, который переизбирался. Тому парню и стоит сказать спасибо: он предложил маме лететь домой на его личном самолете. Он собирался произнести речь в Хартфорде, поэтому самолет и должен был прилететь туда, а мы с отцом — встретить маму.

Гаррет делает паузу. Похоже, для него это все-таки тяжелая тема.

— Моей маме не нравились частные рейсы. Она считала их небезопасными. Вот почему у нас тогда не было своего самолета. В общем, вскоре после взлета самолет потерпел крушение. Выживших не было. А на национальное телевидение это попало, потому что тот парень был сенатором. По интернету до сих пор гуляют слухи о том, что якобы это был никакой не несчастный случай, а покушение на сенатора. Безумный заговорщицкий бред. В прошлом году даже выпустили часовой документальный фильм на эту тему. Кажется, об этом никогда не забудут.

У меня просто нет слов. Я понятия не имела, что Гаррету пришлось пережить столь огромную жизненную потерю. У меня такое чувство, что он рассказывал об этом совсем немногим. Возможно, эта тема не поднималась уже многие годы. Наверное, он пытается об этом забыть. А тут появляюсь я и сую свой нос в чужие дела.

Мне явно нужно что-то сказать или сделать, но я не знаю, как реагировать. Что еще раз доказывает, что я абсолютно не умею сопереживать людям. Гаррет совсем притих. Наверное, заново прокручивает в голове то происшествие – и все из-за мне. Выражение его лица, обычно жизнерадостное, стало грустным. Даже глаза потускнели. Я чувствую себя мерзко, глядя на то, в каком он состоянии.

– Подъем, – говорю я ему.

– Зачем?

– Просто встань.

Он подчиняется.

Я встаю напротив.

– Давай повторим то, чему ты меня научил.

– Ты о чем?

– О той штуке с руками.

Он бросает на меня недоумевающий взгляд.

– Помнишь день, когда ты застал меня в комнате после того, как я случайно заснула? И ту штуку, которую ты проделал после бассейна?

На его лице расцветает улыбка.

– Ты имеешь в виду объятия?

– Ага. Именно их. Мне нужно больше практики. Можешь показать мне, как надо?

Его улыбка становится шире. Он обнимает меня, а я повторяю его движения.

– Крепче, – указывает он.

Я прижимаюсь крепче и кладу голову ему на грудь. Несколько минут мы стоим в мерцании голубых огоньков. Когда он начинает отстраняться, то быстро целует меня в лоб и шепчет мне на ухо:

– Спасибо.

Да! Наконец-то я сделала это! Я кого-то утешила. И это невероятное чувство.

Наутро мы встречаемся, чтобы позавтракать и во второй раз поддержать традицию в «Блинном доме Эла». На сей раз я заказываю черничные блинчики.

– Уж не знаю, что Эл туда кладет, но они просто божественны, – заявляю я, медленно пережевывая, чтобы растянуть удовольствие от каждого кусочка.

– Это точно. – Сегодня Гаррет заказал блинчики на ряженке – тоже замечательный выбор. – Ты снова напишешь об этом в дневнике по английскому?

Я смеюсь.

– Ага. А что? Тебе не нравится читать о блинчиках?

– К концу семестра может и надоест. Причем и тебе тоже.

– Никогда. – Я жмурюсь, наслаждаясь вкусом. – Они настолько потрясающие, что на этой неделе я, возможно, напишу о них поэму.

– Что ж, буду ждать с нетерпением, – шутит он. – А ты действительно обожаешь блинчики.

При упоминании его матери еда застревает у меня в горле. Не ожидала, что после вчерашнего он снова захочет о ней поговорить.

– А Кэтрин, моя мачеха, ненавидит их. Говорит, что блинчики это еда бедняков. Она даже Лили не разрешает их есть.

– Лили – твоя сестра? – Странным, но я до сих пор ничего не знаю о ней. Мы оба избегаем разговоров о своих семьях.

– Ага. Она дочь Кэтрин. И моего отца. Так что она приходится мне сводной сестрой. Очень милый ребенок. Не то, что ее мать.

– Так Кэтрин вторая жена твоего отца? – Мне прекрасно известно, что она уже третья, но лучше пусть он поправит меня, чем я буду угадывать в какой последовательности женился его отец.

– Третья. Второй была моя мама. С первой женой у него был брак по расчету, так что он не считается.

– Брак по расчету?

— Моему папе было всего двадцать два, и родители заставили его жениться на одной девушке из супербогатой семьи с хорошими связями. Возмутительно, согласись? Они поженились, но их брак продлился недолго. Та женщина тоже не хотела выходить замуж, поэтому все было обречено с самого начала.

— А затем он встретил твою маму?

— Пару лет спустя. У ее семьи не было ни денег, ни связей, так что мои бабушка с дедушкой очень разозлились, когда отец взял ее в жены. Даже вычеркнули его из завещания, а потом дедушка уволил его из компании. Но после того, как родился я, они смягчились. Знаешь, первый внук и все такое. Бабушка с дедушкой хотели участвовать в моей жизни, поэтому помирились с папой, хотя маму по-прежнему недолюбливали.

— Какой она была? Твоя мама. — Не уверена, стоит ли задавать такие вопросы, но слова сами слетают у меня с языка.

— Она была веселой. Много смеялась. Любила громко включать музыку и бесить этим отца. — Он улыбается. — Она любила обниматься.

— Так вот у кого ты этому научился.

— Да. Мне очень ее не хватает. — Сидя от него через стол, я почти физически ощущаю горечь его потери. — Знаешь, будь она жива, отец не был бы таким, как сейчас. Он резко изменился после ее смерти. Стал совершенно другим человеком. А после женитьбы на Кэтрин стал еще хуже.

Официантка приносит чек. Я бросаю на нее раздраженный взгляд за то, что она прервала нас, хотя она всего лишь выполняет свою работу.

— Готова? — спрашивает Гаррет, возвращая свое прежнее веселое настроение.

— Да. — Я сверлю взглядом пустую тарелку. — Но все-таки грустно оттого, что придется ждать следующей недели, чтобы снова их отведать.

Он смеется, поднимаясь, и кладет на стол несколько банкнот.

— Если станет невозможным, всегда можно устроить внеплановый поход.

Когда мы возвращаемся в кампус, то видим на парковке у входа в кампус мистера Кенсингтона.

— Пап, что ты здесь делаешь? — Похоже, Гаррет нервничает.

Мистер Кенсингтон коротко улыбается в мою сторону.

— Джейд, приятно снова с тобой встретиться. Надеюсь, твои занятия проходят хорошо. Я улыбаюсь в ответ.

— Да. Все отлично. Мне здесь очень нравится.

— Хорошо. Очень хорошо. — Он кивает, явно намекая на то, чтобы я ушла, и когда я не подчиняюсь, становится раздраженным. — А теперь, если ты не против, я хотел бы поговорить с сыном.

— Конечно. До свидания, мистер Кенсингтон. Увидимся позже, Гаррет.

Не знаю, в чем причина, но, похоже, отец Гаррета в ярости. Вернувшись в комнату, я выглядываю в окно. Гаррет с отцом стоят на газоне возле парковки. Мистер Кенсингтон ругается и размахивает руками, в то время как Гаррет стоит с поникшей головой.

Когда Гаррет наконец включается в разговор, то вид у него становится такой, будто он вот-вот взорвется. Отец перебивает его, заглядывает ему в лицо. Гаррет, кажется, собирается что-то ответить, однако, словно признав поражение, вновь опускает голову. Его отец разворачивается и уходит к машине, а потом уезжает.

Гаррет подходит к скамейке и садится, ссутулив плечи. Наверное, мне стоит пойти и выяснить, что случилось. Неизбежно было присутствовать при разговоре, чтобы понять: что-то определенно не в порядке.

Когда я выхожу на улицу, то Гаррета там не нахожу. Я мчусь в его комнату, но и там его нет. До вечера воскресенья я не вижу его. Предполагаю, что он играл во флагбол, а потом снова смотрел игру или даже несколько игр с парнями.

Мне не удается поговорить с Гарретом до самого вторника, когда у нас английский. Он опаздывает, так что до конца занятия я не могу с ним заговорить, а после он вылетает из аудитории, так что мне приходится догонять его.

— Что с тобой? Ты будто избегаешь меня.

— Я не могу проводить каждую минуту с тобой, Джейд, — говорит он резко. Он никогда не

разговаривал со мной в таком тоне, и мне это не нравится. — Я отстал по учебе. Недостаточно занимаюсь плаванием. Блейк злится, потому что я больше с ним не тусуюсь.

— Но Блейк тебе даже не нравится. — Чтобы поспеть за ним, я практически срываюсь на бег. — Гаррет, подожди. Почему ты так себя ведешь? Это из-за меня? Что я сделала не так?

Внезапно он останавливается и берет меня за плечи.

— Нет, Джейд. Ты не сделала ничего плохого. — Его голос такой же, как и раньше — теплый и добрый — как у того Гаррета, к которому я привыкла. — Даже не думай об этом, ладно? Дело не в тебе.

— А в чем? Почему ты стал меня сторониться?

Гаррет что-то не договаривает. Это читается в его взгляде и в том отчаянном выражении, с которым он на меня смотрит. Будто он хочет сказать правду, но не может.

— Просто... Просто мы больше не можем общаться. Мне жаль, Джейд.

— Но почему? Мы же друзья. Ты больше не можешь со мной дружить? — Услышав собственные слова, я понимаю, что говорю, как маленький ребенок на детской площадке. Вторая попытка. — Хочешь сказать, что мы больше не друзья?

— Мне нужно идти. Мне жаль. Действительно очень жаль.

Он сбегает, а я остаюсь стоять в полнейшем недоумении.

17

Я медленно бреду по кампусу в свою комнату. Вновь и вновь проигрываю в голове слова Гаррета, но так и не нахожу в них никакого смысла. Почему он оттолкнул меня, когда между нами все так хорошо складывалось?

Вернувшись к себе, я переодеваюсь в спортивную форму. Бег – единственный эффективный способ справиться с обуревающими меня эмоциями. Я мчусь к тропинке, по которой мы с Гарретом бегали несколько недель назад. Заходить в лес одной страшновато, но я все-таки пересиливаю себя. Спустя час я остаюсь совершенно без сил. Возвращаюсь к сеюе, принимаю душ, а затем ложусь в кровать и сплю до утра.

На следующий день я иду на занятия, бегаю, ужинаю с Харпер, выполняя домашнее задание и иду спать. Будто на автопилоте, я следую этому же расписанию и назавтра, и днем позже, затем еще и еще. Втянувшись в рутину, я теряю счет дням, которые постепенно превращаются в недели. Выходные же посвящены уборке и стирке.

Харпер продолжает расспрашивать меня о случившемся между мной и Гарретом, а я отвечаю, что мы просто прекратили общаться. Я не рассказываю ей подробности: не люблю обсуждать с кем-то свои проблемы. Я всегда была такой, даже с друзьями. Просто в какой-то момент поняла, что никому до моих проблем нет дела. У всех свои заботы.

Несмотря на мое молчание, Харпер замечает, что я в депрессии и всячески старается развеселить меня. Зовет пробежаться по магазинам или сходить куда-то поужинать, но у меня нет денег ни на первое, ни на второе. Потом она предлагает мне сыграть в теннис, и я соглашаюсь, но получается у меня, в отличие от нее, из рук вон плохо, поэтому у нас ничего толком не выходит. Боюсь, если в скором времени не выйти из этого грустного и мрачного состояния, то Харпер перестанет со мной общаться, и я потеряю друга.

Вдобавок ко всему, меня все чаще преследует моя мать. Близится годовщина со дня ее смерти, и хотя я не собираюсь сидеть и оплакивать ее, это все же не самый счастливый день в году.

Голос матери у меня в голове продолжает повторять одни и те же слова – «я же тебе говорила». Возможно она была права, когда утверждала, что от парней одни неприятности. Но мне отчаянно хочется, чтобы она ошиблась. В глубине души я знаю, что у нас с Гарретом было нечто настоящее и прекрасное. Я чувствовала себя такой счастливой в тот короткий промежуток времени, что провела с ним. Счастливее, чем когда бы то ни было. Даже если я не смогу быть с ним, то должен быть кто-то, кто сможет подарить мне такое же счастье, какое дарил мне он. Не могут же все мужчины быть плохими. Фрэнк, например, вовсе не плохой. Да и Райан тоже.

Я вижу Гаррета только на занятиях по английскому, но он меня игнорирует. Мы перестали обмениваться дневниками. Дошло до того, что я и сама больше не обращаю на него внимания. Он тоже не смотрит на меня. После случившегося он просто сидит, уткнувшись в свой ноутбук.

После третьего уик-энда хандры, который я провела за уборкой в комнате, я решаю, что наступило время двигаться дальше. Я отказываюсь превращаться в одну из тех девчонок, которые после расставания с парнем на несколько месяцев впадают в депрессию.

Невзирая на произошедшее, мне есть чему радоваться. Стоит ранний октябрь, и листья приобрели невероятные оттенки желтого и оранжевого. Воздух стал прохладным и свежим – то что надо для долгих пробежек. Я отлично успеваю по всем предметам, да и у Фрэнка с Райаном дела тоже идут хорошо. Так что я настроена не тратить время на хандру из-за какого-то дурацкого парня.

Заметив во вторник на английском Гаррета, я, как обычно, не обращаю на него внимания. После занятия, когда я собираюсь уйти, он кладет на мою парту два блокнота – два маленьких зеленых блокнотика, не похожих на те большие голубые тетради, которые дали нам для занятий – а потом быстро встает и выходит до того, как я успеваю его о чем-то спросить. Я запихиваю блокноты в сумку и ухожу домой.

В комнате я плюхаюсь на кровать и открываю один из блокнотов. Внутри я нахожу слова:

«Помнишь, как мы собирались завести дневники, чтобы записывать в них все те мысли, которые не можем произнести вслух? Не знаю, хочешь ли ты этого сейчас, но если да, то он твой. Второй – мой».

Я откладывают блокнот и открываю второй. На первой странице находится запись, которую мы делали для наших дневников по английскому, но вырвали, чтобы профессор Хокинс их не прочел. Я пролистываю ее и читаю вторую страницу.

«Теперь мы с той девушкой часто общаемся. Она продолжает меня удивлять, и мне хочется видеться с ней все чаще и чаще. Сегодня мы ели блинчики в «Блинном доме у Эла». Никогда не видел, чтобы кто-то так радовался блинам. Кто бы мог подумать, что нечто настолько простое может принести столько счастья. Мне захотелось ее порадовать, и потому я сказал, что мы будем ходить туда каждое воскресенье. Ее глаза загорелись так, словно я пообещал отвезти ее в Париж. Но это был не Париж, а всего лишь обещание о еженедельных блинчиках».

Я читаю третью страницу.

«Сегодня я пригласил ту девушку к себе в комнату. Думал, мы просто съедим пиццу, посмотрим кино и все. Но наша встреча переросла в нечто большее. Она спросила меня о маме, и я рассказал ей свою историю. Говорить маме оказалось сложней, чем я думал. Наверное потому, что я никогда не заговаривал о ней или о том, что произошло. Но, когда я закончил, на душе у меня стало легче, потому что та девушка слушала так, словно ей было действительно не все равно. Никто и никогда не слушал меня так внимательно. Никто, кроме мамы».

Текст на четвертой странице гласит:

«Сегодня был один из самых худших дней за последнее время. Мне было сказано, что я больше не могу встречаться с той девушкой, которая мне небезразлична и которая становится самым близким моим другом. В моей жизни полно правил, и хотя они кажутся мне бессмысленными, по какой-то причине я продолжаю их соблюдать. Я сказал ей держаться от меня подальше. Эти слова были одними из сложнейших, что мне доводилось произносить. Я тут же сбежал от нее. Я трус, и потому не мог смотреть, насколько ей из-за меня больно. Но теперь я ощущаю себя самым ужасным человеком на свете».

Я попадаю на пятую страницу с последней записью:

«Я не разговаривал с той девушкой много недель. Мне мучительно ее не хватает. Я скучаю по ее улыбке, по смеху и даже по ее подколкам. Я вспоминаю, как мы вместе ели блинчики, смотрели кино или просто сидели в тишине, и мне всего этого не хватает. Отныне мне плевать на чужие правила. Это моя жизнь, и я установлю свои собственные правила. Я хочу поговорить с той девушкой – если она позволит. Если она возненавидит меня, я пойму. Но мы не закончим так, как в последний раз. Это была чья-то чужая концовка. Нам нужен наш собственный финал.

Джейд, я скучаю по тебе. Я совершил огромную ошибку. Я просто хочу поговорить.

Гаррет».

Я захлопываю блокнот и бросаю его на пол. Только этого мне сейчас не хватало. Наконец-то я стала чувствовать себя лучше, а тут Гаррет подбрасывает мне эту хрень? Почему он продолжает так поступать? Он сделал мне больно, а теперь ждет, чтобы я простила его. Все ровно так же, как с ложью о том, что он Кенсингтон.

Раздается телефонный звонок. Я не решаюсь взять трубку. Вдруг это Гаррет? Звонок не умолкает.

– Алло. Что? – отвечаю я.

– Джейд? Это Фрэнк.

– Извини, Фрэнк. Не хотела отвечать таким тоном.

– Как дела? Ты в порядке?

Сегодня годовщина со дня маминого самоубийства, и я весь день пыталась выкинуть это из головы, но, похоже, Фрэнк мне этого не позволит.

– Все нормально. Правда. Прошло уже четыре года. Я двигаюсь дальше.

– Дорогая, я просто...

– Не надо переживать из-за меня, ладно? Я просто хочу обо всем забыть. Мы можем сменить тему?

Он вздыхает, и я знаю, что расстраиваю его, но сказать мне действительно больше нечего.

– Что нового у вас с Райаном? – спрашиваю я.

– Ничего особенного, но я хотел сказать, что мы отправили тебе посылку, так что теперь ты в курсе.

– Посылку? Что в ней?

– Сюрприз. На твой день рождения.

– Не надо было. Ты же знаешь, я не праздную дни рождения.

– Все должны отмечать свой день рождения. – Голос Фрэнка смягчается. Он радуется моему дню рождения гораздо больше меня самой. Так было всегда. Наверное он пытался компенсировать

то, что моя мать постоянно забывала о моих днях рождения. – А теперь послушай, Джейд. Я хочу, чтобы в четверг ты сходила куда-нибудь со своими друзьями и хорошо провела время. Не ужинай в столовой и не сиди весь вечер над домашней работой.

– Но я...

– Нет, Джейд. Никаких отговорок. Ты выйдешь из комнаты и повеселишься. На деньги, которые обнаружишь в посылке. Только не трати их на стирку или что-то практическое. Для этого там предусмотрен отдельный конверт.

– Фрэнк, я не могу принять твои...

– Это подарок. А теперь расскажи, какие у тебя новости. Как занятия?

– Хорошо. У меня одни пятерки, если ты это имел в виду.

– Замечательно, но я нисколько не удивлен. – Даже по телефону слышно, что он улыбается. Повисает неловкое молчание, поскольку тем для разговора у нас мало.

Наконец Фрэнк говорит:

– Ну, мы с Райаном позвоним тебе в четверг, ладно?

– Хорошо.

– Джейд. – В голосе Фрэнка появляются серьезные нотки. – В посылке будет нечто, что тебе захочется отложить на потом.

– И что же?

– Увидишь. Оно было предназначено для твоего девятнадцатого дня рождения, но ты сама решишь, как с этим поступить.

– Теперь я просто обязана узнать, что там. Расскажи мне.

– Подожди посылку, и тогда мы поговорим, ладно?

– Хорошо. Пока.

Странно. Что такого Фрэнк положил в посылку, и в чем причина его загадочного поведения?

В среду вечером я сижу и читаю параграф учебника по психологии, как вдруг слышу стук в дверь. Предполагая, что это Харпер зовет меня посмотреть телевизор в ее комнате, я вскакиваю, чтобы открыть.

Но за дверью оказывается не Харпер, а Гаррет. Он небрит. На его щеках – дневная щетина, а глаза кажутся уставшими. Если он решил, что своим потрепанным видом вызовет у меня жалость, то он заблуждается.

– Что тебе нужно, Гаррет? – Я оставляю дверь открытой всего на щелку.

– Ты прочитала мой дневник?

– Да.

– Так мы можем поговорить?

– Мне нечего сказать. Я наконец-то оставила это в прошлом. Просто уходи и никогда больше сюда не спускайся.

Я хочу закрыть дверь, но он дает мне, придерживая ее рукой.

– Это все мой отец, Джейд. Не я. Это он заставил меня так сделать. Ты не понимаешь. – В его тоне вновь проскальзывает отчаяние. Как тогда, после ужина в доме его родителей. – Но с меня хватит его указаний. Особенно, касающихся тебя и меня. У него нет никакого права вмешиваться. Ни у кого из них.

– О чём ты?

– Впусти меня, и я расскажу тебе. Я не могу разговаривать в коридоре.

Меня одолевает нерешительность, а потом я направляюсь к столику за ключами.

– Давай выйдем.

Я вся как на иголках. Первая энергия бьет ключом, так что мне нужно двигаться. Мыходим в коридор, и я перехожу на быстрый шаг, обгоняя Гаррета.

– Ты остановишься или нет? – спрашивает он.

– Нет. Поэтому начинай.

Догоняя меня, он перепрыгивает через ступеньки.

– Существуют правила, Джейд. В моей семье и в подобных ей семьях есть негласные правила, и если ты их не придерживаешься, то они становятся гласными. Если дело доходит до того, что эти правила произносят вслух, значит ты вляпался по полной программе.

– Ты несешь бессмыслицу, Гаррет.

— Несколько недель назад отец приехал сюда как раз затем, чтобы напомнить мне о правилах. Ну, в частности об одном. — Он колеблется, будто не хочет этого говорить, однако пересиливает себя. — Которое запрещает мне иметь с тобой что-либо общее.

— Почему? Потому что я бедная и из плохой семьи? Богатым нельзя связываться с такими, как я?

Молчание.

— Будто я этого и сама не знаю. Я не тупая, Гаррет. Мне прекрасно известно, как устроен мир. Я вовсе не ожидала, что ты наденешь кольцо мне на палец и станешь жить со мной в одном из ваших особняков. Мы просто дружили. И все.

— Знаю. Но я же говорил, что друзей мне выбирает отец. По меньшей мере, он должен одобрить тех, с кем я общаюсь. И тебя он не одобрил.

— Вот так сюрприз. — Я придерживаюсь быстрого темпа. Вечер прохладный, и я замечаю облачко пара от своего дыхания. По рукам пробегают мурашки. — Как он вообще узнал о нас?

— Ава и Блейк рассказали ему. Или разболтали своим родителям, а те — моему отцу. Точно не знаю, но уверен, что они в этом замешаны. — Он расстегивает толстовку и снимает ее. — Держи.

На секунду я замираю, позволяя ему набросить ее мне на плечи, а потом продолжаю ходить кругами по пустынному двору.

— Почему ты вообще слушаешься своего отца? Тебе же восемнадцать, верно?

— Девятнадцать. Исполнилось в августе. И не знаю, что меня заставляет его слушаться. Я не уважаю ни его, ни то, что он делает. Мне он даже не нравится.

— Он твой отец. Значит должен хотя бы чуточку тебе нравиться. — Нелепое заявление от человека, который ненавидит собственную мать, но Гаррет не в курсе наших с ней отношений.

— Пока мама была жива, я любил его. Но теперь он совершенно другой человек. И я ему тоже не нравлюсь. Все было бы иначе, если бы он разрешил мне принимать свои собственные решения и перестал бы отбирать все хорошее в моей жизни. — Гаррет встает передо мной, вынуждая меня остановиться. — Я не собираюсь ему подчиняться. Между тобой и мной что-то есть. И я не дам ему отнять это у нас.

— А может, я хочу, чтобы оно исчезло. Тебе когда-нибудь приходила в голову такая мысль?

— Конечно, приходила. И я пойму, если ты не захочешь иметь со мной ничего общего. — Его голос смягчается, а глаза наполняются стыдом и грустью. — Если хочешь, я оставлю тебя в покое. Я спрошу, можно ли нам поменяться партнерами на английском. И больше тебя не побеспокою.

Не знаю, может, я мазохистка или умалишенная, но я не готова выбросить этого парня из своей жизни.

— Скажи, чего ты хочешь, Джейд? — Гаррет берет меня за руку и нежно держит ее в своей, словно боится, что я вырвусь, если он сожмет мою ладонь чуть сильнее.

Я отвожу глаза в сторону, надеясь, что у меня получится взять себя в руки и сказать, чтобы он от меня отстал. Упираюсь взглядом в сухую поблекшую листву на земле. Вокруг нас кружатся, опадая с деревьев, красные и рыжие листья. Я весь год ждала момента, когда они поменяют цвет, но прошла всего пару недель — и все кончилось. Почему всему хорошему так быстро приходит конец?

Когда я перевожу внимание на Гаррета, то вижу, что выражение его лица изменилось. Надежда покинула его. Похоже, он принял мое длительное молчание за ответ. Отпустив мою ладонь, Гаррет начинает уходить.

— Я хочу блинчики по воскресеньям, — срывается у меня с языка.

Он медленно поворачивается ко мне.

— Что?

— Ты спросил, чего я хочу. Так вот, я хочу блинчики по воскресеньям. Ты обещал, что это станет традицией. У меня никогда их не было. Ты начал ее, но потом все закончилось, и теперь я хочу ее обратно.

Его лицо озаряет осторожная улыбка, но он продолжает молчать.

— Я хочу посмотреть и другие фильмы из коробки у тебя комнате. И, возможно, съесть на двоих еще одну пиццу.

Он делает несколько шагов вперед.

— Это можно устроить.

— Но больше всего я хочу, чтобы ты пообещал никогда больше не поступать так со мной. Потому что я больше не прощу тебя, Гаррет. Я серьезно.

— Я знаю, что не простишь. — Он протягивает руку. — Друзья?

— Возможно. Посмотрим, как все сложится.

Он опускает руку.

Я сильнее кутаюсь в толстовку, прячась от порыва ветра.

— Так что случится, когда твой отец узнает о нас?

— Он перестанет перечислять на мой счет деньги и, наверное, отберет машину. Но мне плевать. Я должен отстоять свою позицию. Иначе он продолжит контролировать мою жизнь.

— Это так глупо. Не могу поверить, что он запретил нам дружить. За ужином у вас он сказал, чтобы ты со мной познакомился.

— Ага, но он не подумал, что это к чему-нибудь приведет. Вряд ли он предполагал, что мы подружимся. Или станем чем-то большим, чем просто друзьями.

— Но он выбрал меня для стипендии. Он не может ненавидеть меня.

— Он не ненавидит тебя, Джейд. На самом деле, могу сказать, что ты ему даже нравишься. Но он так зациклен на «фасаде» семьи Кенсингтонов и на общественном мнении, что дальше этого ничего не видит. А Кэтрин только все усугубляет. К тому же ситуацию не улучшает то, что Ава и Блейк распускают о нас сплетни.

— Наверное, тебе стоит чаще посещать благотворительные мероприятия или полуденные чаепития, или чем вы там, богачи, занимаетесь. Тогда, возможно, все поймут, что в дружбе со мной нет ничего плохого.

— Сомневаюсь, что это что-то изменит, но могу попытаться. — Он улыбается. — Правда, я не хожу на полуденные чаепития, Джейд.

Снова поднимается ветер.

— Нам лучше зайти внутрь.

— Через минуту. Сначала мне нужно, чтобы ты продемонстрировала мне ту штуку, которой я тебя научил. — Он вытягивает руки. — За столько времени ты наверняка уже подзабыла, как это делается.

Я драматично вздыхаю.

— Это обязательно?

— Да. Тебе нужно почаше практиковаться.

Я вяло обнимаю его. Но Гаррет стискивает меня в объятьях, его теплая грудь прижимается к моей, а сильные руки защищают от холода.

Приятно находиться к нему так близко. Это так естественно. Я закрываю глаза, вдыхая его аромат, и прислушиваюсь к биению его сердца.

— О да, тебе определенно нужно чаще практиковаться, — произносит он. — Нам придется частенько проделывать это, пока ты не научишься обниматься как надо.

Не могу с ним не согласиться.

18

После занятий в четверг я возвращаюсь к себе и обнаруживаю на двери записку, сообщающую мне, что я должна встретиться со своим куратором Жасмин. Когда я захожу к ней, она вручает мне огромную коробку.

– Посылка? – спрашивает она.

– Хм, да. Возможно. – Я хватаю коробку и поспешно ухожу. Не хочется, чтобы она или кто-то другой был в курсе насчет моего дня рождения. Никогда его не любила. В детстве мне часто приходилось наблюдать за тем, как другие дети приглашали друг друга на праздничные вечеринки и приносили в школу пироги, в то время как моя мать делала вид, что моего дня рождения не существует.

Оказавшись у себя, я открываю посылку. Внутри лежат несколько небольших пачек картофельных чипсов, жевательная резинка, коробка пирожных, украшенных свечками, разноцветные ручки, пара упакованных свертков и три письма. Я бросаю в рот пластинку жвачки, затем открываю подарки в обертке. В первом я нахожу две спортивные кофты с длинными рукавами: одна черная, а другая – белая. В следующем свертке лежит пара черных спортивных штанов. Именно то, что нужно для прохладной погоды. Даже по размеру как раз.

Два конверта неразборчиво подписаны почерком Фрэнка, и при виде него внутри меня все немеет. Я так по нему соскучилась. И мысль о том, через что ему пришлось пройти, чтобы сделать для меня этот подарок, вызывает у меня слезы, которые я не в состоянии побороть.

В первом конверте лежит поздравительная открытка от Фрэнка и Райана. Забавная открытка о старении, на которой изображена морщинистая собака, в которую вложены пятьдесят долларов и записка, призывающая потратить их на развлечения. По моими щекам текут слезы. Это слишком много. Я ожидала десять или пятнадцать долларов, но никак не пятьдесят. Эти деньги нужны Фрэнку для оплаты медицинских счетов, а не на мой день рождения. Во втором конверте лежит сотня долларов на бытовые расходы.

Едва я собираюсь набрать Фрэнка, звонит телефон.

– С днем рождения! – хором произносят Фрэнк и Райан.

– Спасибо вам, ребята. – Я смахиваю слезы с лица. – И огромное спасибо за все подарки, но вы переборщили.

– Девятнадцать лет – это большое событие, – говорит Райан. – Твой последний год в качестве подростка, так что мы не стали на тебе экономить.

– Как тебе подарки? – спрашивает Фрэнк. – Ты же знаешь, мы с Райаном неважко разбираемся в женской одежде. Все подошло?

– Я еще не мерила, но размеры вы подобрали мои. Не могу поверить, что вы ходили на шопинг.

– Мне помогала Хлоя, – признается Райан. – Она тоже занимается бегом. Сказала, что тебе понадобятся подобные вещи, если ты станешь бегать зимой. Что-то о том, что материал дышит и все такое. Но цвета выбрал я. Она настаивала на розовом.

– Слава богу, что ты отговорил ее.

– Какие у тебя планы на вечер? – интересуется Фрэнк.

– Пока никаких.

– Джейд, я же просил не торчать у себя в комнате.

– Знаю, но у Харпер сегодня вечерние пары. Я найду, чем заняться. Может, придумаем что-нибудь с Гарретом. – Не успевают слова слететь у меня с языка, как я в ту же секунду начинаю о них жалеть. Фрэнк и Райан не знают всей истории с Гарретом, но они в курсе, почему в последние недели я была в подавленном настроении.

– Ты снова с ним встречаешься? – В голосе Фрэнка преобладают сердитые, нежели тревожные нотки.

– Нет. Мы просто друзья.

– Не суть. Мне не нравится этот парень.

– Ты его даже не знаешь.

– Он обидел тебя, – говорит Райан. – Ты столько времени из-за него грустила. Если он поступил так однажды, то сделает это снова.

– Давайте сменим тему? Спасибо за деньги, но вам не стоило присыпать так много.

– Часть денег предназначена только для развлечений, – напоминает Фрэнк.

– Да, я поняла.

– Мне нужно идти на работу, – говорит Райан. – Еще раз с днем рождения, Джейд. Я позвоню тебе на неделе, когда появится побольше времени, чтобы поболтать с тобой.

– Пока, Райан.

Я слышу щелчок, когда Райан вешает трубку.

– Джейд, ты открыла третий конверт? – спрашивает Фрэнк.

– Нет, я как-то о нем позабыла. Подожди, сейчас открою. – Я тянусь к кровати и хватаю длинный белый конверт. – Итак. Он у меня. Открывать?

– Не уверен. Я хотел обсудить… – Голос Фрэнка отходит на второй план, пока я изучаю надпись на конверте.

Телефонная трубка почти вываливается у меня из рук, когда я узнаю мамин почерк. А когда я читаю надпись на конверте, то она действительно падает на пол.

«Моей дорогой дочери, Джейд. От твоей матери».

Я переворачиваю конверт обратной стороной, где написано: *«Я всегда буду любить тебя, Джейд. Мама»*

– Джейд? Ты еще здесь? – Услышав голос Фрэнка, я подношу трубку к уху.

– Что это? Какая-то злая шутка? Это не смешно, Фрэнк.

– Оно настоящее, Джейд. Это письмо от твоей матери.

– Да, я заметила. Но она умерла, как такое возможно?

– Она написала его, когда тебе было всего несколько недель. К тому времени я уже переехал из Айовы, так что она переслала его мне и попросила отдать тебе в девятнадцать лет в случае, если с ней что-то случится. Когда я перебрался на вашу улицу, то спросил, хочет ли она, чтобы я и дальше хранил ее письмо, но она уже не могла вспомнить, писала ли его вообще. Да ей тогда и не до того было.

– Почему же ты не отдал мне его раньше? Она уже давно умерла.

– Когда она отдавала мне его, то просила подождать, и я отнесся к ее желанию с уважением.

– Все это время оно было у тебя, а ты и словом не обмолвился? Черт возьми, Фрэнк. Я сейчас ужасно зла. А ведь я ненавижу на тебя злиться.

– Я все понимаю, но у твоей матери были свои причины, и я был не вправе сомневаться в ее решении.

– Ты знаешь, о чем там написано?

– Она вскользь упомянула, что это письмо о ее надеждах и мечтах, связанных с твоим будущим. Как я уже сказал, она написала его вскоре после твоего рождения. Оно должно было стать памятным подарком на выпускной, но в тот день ее не было рядом, чтобы вручить его.

– У нее были мечты и надежды на мой счет? Так я и поверила. Ты, наверное, о чьей-то чужой матери.

– Можешь не открывать его, если не хочешь. – Он ждет моего ответа, но я молчу. – Отложи его в сторону, и если не хочется, то никогда и не открывай. Тебе решать.

– Хорошо.

– Если захочешь поговорить об этом, то позвони мне. Я всегда готов тебя выслушать.

– Знаю. И я не хотела кричать на тебя. Еще раз спасибо вам за подарки. И за то, что помните о моем дне рождения.

– Я всегда помню. Хотел бы я быть рядом, чтобы его отпраздновать вместе с тобой, но раз такой возможности нет, то сходи куда-нибудь и разлейся, ладно? Пообещай мне.

– Обещаю. Пока, Фрэнк.

Мы кладем трубки, и я буравлю взглядом письмо, которое по-прежнему сжимаю в руке. С чего это вдруг моей матери вздумалось написать мне? Когда она успела улучить момент трезвости? Разве что в то время она еще не пила. Это лишь предположение, но, возможно, она начала прикладываться к бутылке позже. Слова на конверте совсем на нее не похожи. *Моей дорогой дочери?* Она никогда не называла меня дорогой. А надпись на обороте о том, что она меня любит? Мама ни разу не произносила этих слов, по крайней мере, я ничего такого не помню. Я встаю и засовываю письмо в ящик стола. Сейчас я не могу с этим разбираться. Даже не уверена, что стану его читать.

Раздается короткий стук в дверь.

— Джейд? Ты там?

Это Гаррет. Я еще не разговаривала с ним после нашего решения попытаться возобновить дружбу.

Я открываю дверь.

— Привет, Гаррет. Что такое?

— Просто хотел поздороваться. Можно войти?

— Хм, да, наверное. — Я не ожидала компанию и уж точно не ожидала увидеть Гаррета. Мы еще не обсудили условия нашей дружбы и в том числе правила, когда можно заявляться без приглашения.

— Что это? — спрашивает он, обозревая лежащие на кровати вещи и оберточную бумагу на полу.

— Подарки на мой день рождения.

— Твой день рождения? И когда он?

— Сегодня. — Я собираю с пола бумагу.

Гаррет встает передо мной.

— У тебя сегодня день рождения? Почему ты мне не сказала?

— Зачем? — Я обхожу его и выбрасываю бумагу в мусорное ведро. — Это самый обычный день.

Он снова встает у меня на пути.

— Не обычный день, а твой чертов день рождения! Вы с Харпер что-нибудь запланировали на сегодня?

— Нет. У нее занятия. Я не говорила, что у меня день рождения.

— Почему?

Я вздыхаю.

— Потому что мне на него плевать. Неважно.

— Это важно для меня. И мы отпразднуем его, нравится тебе это или нет.

— Гаррет, мне действительно не хочется. — Я сажусь за стол и открываю учебник по биологии. — Я просто сделаю домашнее задание и пойду спать.

Он захлопывает мою книжку.

— Ты *не будешь* делать уроки в свой день рождения. — Он поднимает меня со стула. — Я вытащу тебя отсюда. Сейчас только шесть. Впереди весь вечер. Я свожу тебя на ужин, в кино, да куда захочешь. — Он задумчиво смолкает. — Я отведу тебя в «Блинную у Эла». Они подают их весь день, а мы как раз пропустили многое воскресений. Что скажешь?

— Скажу, что ты не в своем уме. Ты слишком возбужден по этому поводу.

— Потому что у тебя день рождения. Это праздник. И ты не проведешь его в своей комнате за уроками.

Я вспоминаю свое обещание Фрэнку.

— Ладно, наверное, я могу пойти поесть блинчиков. Но я сама заплачу за себя. Фрэнк подарил мне деньги.

— Эл подарит тебе бесплатный заказ в твой день рождения. Тебе лишь нужно показать свое водительское удостоверение.

— Правда? Круто! Мог бы сказать об этом раньше. Тогда я сразу бы согласилась.

Он смеется.

— Я знаю еще одно местечко, которое предоставляет бесплатные услуги в дни рождения. Мы сходим туда попозже.

— Что за место?

— Это сюрприз. Ты готова?

— Дай мне пару минут, чтобы переодеться?

— Хорошо. Спушусь к тебе через десять минут.

Я провожаю его до двери.

— Ты сказал, что просто зашел поздороваться, а не пойти куда-то на весь вечер. У тебя разве нет других дел?

— Это намного важнее. — Он наклоняется и целует меня в щеку. — Это же твой чертов день рождения, Джейд!

Меня забавляет его возбуждение из-за моего дня рождения. Даже настроение поднялось. Я

решаю выбросить из головы мысли о мамином письме. Я не дам ей испортить мне еще один праздник.

Гаррет ведет меня к Элу, где я заказываю самую большую порцию блинчиков в меню, а затем мы отправляемся в кино. Я выбираю подростковый ужастик. Гаррет терпеть этот жанр не может, но на дворе октябрь, сезон фильмов ужасов. К тому же он ведь заставил меня смотреть романтическую комедию.

После кино мы отправляемся ужинать в заведение, где побывали в мой первый день пребывания в кампусе.

– Угадай, что ты получишь бесплатно на свой день рождения? – спрашивает он, пока мы выходим из машины.

– Десерт «Boxcar Bonanza»?

– Джейд! Ты испортила сюрприз.

– Ты сам спросил! И это единственная вещь, которую я знаю в меню, поскольку ты так и не дал мне его полностью рассмотреть.

Пока я наслаждаюсь сливочным мороженым с фруктами, сиропом, орехами и взбитыми сливками и великолюдно даю попробовать и ему, у него звонит телефон.

– Давай, ответь, – говорю я, жадно поедая раскрошенное печенье.

– Чего тебе, Блейк? – Гаррет откидывается на спинку дивана. – Да, я приду. Но только если ты заткнешься. – Он бросает взгляд в мою сторону. – У нее день рождения. Я сейчас с ней. Тебя что-то не устраивает? – Он слушает. – Ага. Увидимся в пятницу. – Он кладет телефон на стол.

– В чем дело? – любопытствую я.

– У меня договор с Блейком. Если я буду ходить с ним на некоторые вечеринки, он перестанет доносить о нас моему отцу.

– Я думала, ты перестал переживать из-за отца.

– Я не переживаю из-за него. Я пытаюсь облегчить нам жизнь. И все действительно станет проще, когда Блейк прекратит болтать.

– А что насчет Авы?

– У нее новый парень. Она потеряла ко мне интерес. Она ничего не скажет. – Подаввшись вперед, он берет ложку и зачерпывает из тарелки мороженое. – Раз ты умолчала о своем дне рождении, то подарок я вручу тебе позже. Есть какие-нибудь конкретные пожелания, или мне сделать сюрприз?

– Нет, не дари мне ничего. Правда. Этого достаточно.

– Ты весь вечер бесплатно питалась. Я лишь заплатил за кино. И сегодня четверг со скидкой, так что я почти ничего не потратил.

– Подарки не обязательно должны быть дорогими, Гаррет.

– Знаю. Но мне нравится делать подарки, и кино не в счет. Я хочу подарить тебе что-нибудь.

– Тогда я разрешаю тебе потратить на подарок пять долларов. Не больше.

– За пять долларов ничего не купишь. Это смешная сумма.

– Таков твой лимит. Не сможешь, значит не сможешь.

Он толкает меня ногой под столом.

– Ты невозможна. Ты ведь об этом знаешь, да?

– Мне больше нравится считать себя вызовом. – Отложив ложку, я отодвигаю тарелку. – Я все. Можешь доесть.

Он зачерпывает оставшееся на дне мороженое.

– Ты съела все печенье.

– Потому что это самое вкусное. И сегодня у меня день рождения.

– Знаю. Я просто пошутил. Тебе исполнилось девятнадцать?

– Ага. Старовата для первокурсницы.

– Я тоже. Мой день рождения был в августе. По-моему, я тебе уже говорил.

– Чем ты занимался в *свой* день рождения?

– Поехал в Кабо на две недели и учился серфингу у одного профи. А когда вернулся, то мы закатили огромную вечеринку, и мне подарили машину.

– Все твои дни рождения такие?

– Они всегда устраиваются с размахом. Но так не только у меня, а у всех в округе. В прошлом году, когда у Сиерры был день рождения, ее родители заплатили триста тысяч долларов,

чтобы ее любимая группа спела несколько песен, а вся вечеринка в целом стоила не менее миллиона.

– Он бросает ложку в тарелку. – Я наелся.

– Уже поздно. Нам пора идти.

В кампусе Гаррет провожает меня до комнаты и заходит внутрь.

– Знаю, этого было недостаточно, но ты хоть хорошо провела время?

– Да, отлично. Спасибо, что пригласил меня.

– Поверить не могу, что ты собирались торчать здесь и делать домашку. Слава богу, что я зашел и взял ситуацию в свои руки.

Я шлепаю его по плечу.

– Ничего ты не взял. Я сама решила пойти. И отказалась бы, если бы ты не соблазнил меня бесплатной едой.

– Ну, я надеялся убедить тебя обещанием своего присутствия. Ну, а когда это не сработало, пришлось применить праздничную халяву. – Он самоуверенно улыбается. – Я знаю, чем тебя заманить.

Я закатываю глаза.

– Как скажешь.

– Хочешь, посмотрим наверху фильм?

– Нет, думаю, я пойду спать. У меня занятия рано утром.

– Ладно. До скорого. – Он целует меня в щеку и разворачивается, чтобы уйти.

– Это было как-то отстойно, – выдаю я.

Он поворачивается.

– Что было отстойно.

– Твой поцелуй.

Он выглядит обиженно.

– В смысле? Мы же друзья, верно? И ничего больше.

– Да, но у меня день рождения. Праздничный поцелуй мог бы быть и получше. А то ты словно свою бабушку поцеловал.

Я бросаю ему вызов, зная, как сильно он это любит. Наверняка мои запросы сбивают его с толку, но мне правда хочется, чтобы он поцеловал меня. По-настоящему, а не по-дружески. Я все еще придерживаюсь соглашения о дружбе, но иногда девушке нужен чертов поцелуй. Разве нет?

Гаррет стоит, не зная, как делать.

– Значит, я могу поцеловать тебя, и ты не рассердишься? Даже после...

– Ты поцелуешь меня наконец или нет?

Он колеблется, затем берет мое лицо в руки и целует меня. Все начинается с нежного, сладкого прикосновения губ, но постепенно поцелуй становится глубже, и это настолько эротично, что неожиданно для себя я хватаю его за рубашку и притягиваю к себе. Все еще бережно держа мое лицо в своих ладонях, он заканчивает поцелуй двумя мягкими, короткими касаниями губ и отстраняется.

– С днем рождения, Джейд.

Он уходит до того, как я успеваю прокомментировать поцелуй, но это было поистине замечательно. Больше, чем просто замечательно. Идеально. Идеальный поцелуй в день рождения.

Гаррет наверняка гадает сейчас, что, черт возьми, только что произошло. Но пусть помучается. Он ведь заставил меня мучиться, размышая о тем, из-за чего несколько недель назад он прекратил со мной общаться.

Я убираю подарки с кровати. Подхожу к столу, чтобы убрать конверты с деньгами, и, открыв ящик, натыкаюсь взглядом на мамину письмо. В глубине души мне очень хочется открыть его, но еще больше – сжечь. Это неожиданное послание заставило меня ненавидеть ее еще сильнее. Как она смеет преследовать меня из могилы? Разве ее голоса у меня в голове недостаточно? Неужели обязательно и дальше вмешиваться в мою жизнь и все портить? Лучше бы Фрэнк оставил письмо у себя. Если бы не оно, то у меня был бы самый лучший день рождения в жизни.

19

В пятницу после занятий я примеряю новые штаны и спортивную кофту с длинными рукавами. Погода постоянно меняется с теплой на прохладную, и сегодня ее выбор пал на холод. Я выхожу на улицу и выбираю дорожку, ведущую в лес. Землю покрывают желтые, оранжевые и красные листья, и их шелест у меня под ногами чем-то напоминает треск фейерверка. Я чередую размежеванный бег со спринтом. Во мне все еще кипит ярость из-за маминого письма, но размежеванный бег проясняет мысли, а спринт сжигает гнев.

Вернувшись в кампус, я чувствую прилив сил. Я отказываюсь позволять тому письму брать мои эмоции под контроль. После вчерашнего поцелуя Гаррета я все еще на седьмом небе, и это единственная эмоция, которую я желаю ощущать в данный момент.

Когда мы с Гарретом встречаемся за ланчем, он продолжает вести себя со мной исключительно по-дружески, словно того поцелуя и вовсе не было. Возможно, оно и к лучшему. После того, что он сделал, какая-то частичка меня не может ему доверять. И я все еще переживаю на счет того, как поступит его отец, если узнает, что мы с Гарретом снова общаемся. Вдруг он лишит меня стипендии? У меня нет возможности оплачивать колледж.

— Джейд, вот ты где. — Когда я иду по коридору, меня ловит рука Харпер, облаченная в розовый свитер. — Сегодня мы идем развлекаться. Ты, я и еще пара девчонок.

— Я же не хожу на вечеринки. И тебе, Харпер, это прекрасно известно. — Я смахиваю капельки пота со лба. — Я только что с пробежки. Лучше не подходи ко мне.

Он убирает руку.

— Мы идем не на вечеринку, а ужинать в ресторан.

— В честь чего это?

— В честь твоего дня рождения. Тут есть одно отличное итальянское заведение в двадцати минутах езды. Тебе же нравится паста?

— Кто проболтался тебе о моем дне рождения? Гаррет?

— Может быть, — с улыбкой отвечает она. — Но не сердись на него, Джейд. Ты сама должна была рассказать мне.

— Мой день рождения прошел. Хватит с меня празднований. — Я открываю дверь в свою комнату, и она следует за мной внутрь.

— Если у тебя нет других планов, то ты обязана с нами пойти. Ну так что?

— Нет, у меня нет никаких планов. — Я сажусь на кровать и сбрасываю обувь. — Кто еще идет?

— Кэти, Рейчел, Стефани и Мэдисон. — Свитер Харпер настолько яркий, что почти ослепляет меня. Вот бы она хоть изредка делала перерыв в своей одержимости розовым цветом.

— Они все хотят прийти на мой день рождения? Я не очень хорошо с ними знакома.

— О чём ты? Они постоянно с нами обедают.

— Они обедают с тобой. Все же они не *мои* друзья.

— И твои друзья тоже. Ты им нравишься. Они считают тебя забавной. Будь ты полюбезнее с ними, они бы приглашали тебя куда-нибудь чаще.

— Полюбезнее? Я и так вежлива с ними.

— Да, но, возможно, тебе бы стоило общаться с ними побольше. Ты вроде как не обращаешь на них внимание и, когда они рядом, разговариваешь только со мной. В общем, мы собираемся в половине седьмого. И надень платье, потому что это приличное место. Я могу сделать тебе прическу, если хочешь.

Харпер очень женственная. Ей нравится делать прически, макияж, маникюр — все в таком духе.

— Ладно. Если у тебя есть время, сделаешь мне прическу.

— Правда? — Она подходит и быстро обнимает меня, соблюдая дистанцию от моего потного тела. — Не думала, что ты согласишься. Приходи ко мне в комнату через час, и мы приступим.

Она уходит, но на полпути к двери оборачивается.

— Кстати, как у вас с Гарретом? Вы снова встречаетесь?

— Нет. Мы никогда и не встречались. Мы просто друзья.

— Он адски сексуален, Джейд. Ума не приложу, как можно просто дружить с этим парнем. Нет, вы точно не встречаетесь?

Я смеюсь.

– Точно. Думаю, я знаю это наверняка.

– Хм. Ладно. Увидимся.

Я принимаю душ, а потом разрешаю Харпер сотворить со своими волосами настоящее чудо.

У нее имеется невероятное количество всяких приспособлений для волос, некоторые из которых скорее похожи на средневековые орудия для пыток. Она выпрямляет мне волосы, после чего завивает их на огромные бигуди, создавая мягкие волны, которые на вид намного красивее моих естественных кудрей. Затем я разрешаю ей сделать мне макияж, поскольку она настойчиво твердит, что я все делаю неправильно.

Когда она заканчивает, я надеваю свое единственное платье и блестящие серьги, одолженные мне Харпер, а на выходе из комнаты Харпер брызгает на меня духами.

Ресторан находится через два городка от нашего. Это небольшое местечко с видом на озеро. Очень дорогое, и, конечно же, никто не разрешает мне платить за себя. Теперь, когда я знаю, что нравлюсь остальным девушки, мне проще расслабиться в их обществе, и я делаю мысленную заметку в будущем быть с ними поприветливее. Я не откажусь от пары новых друзей.

После ужина трое коренастых упитанных итальянцев поют мне «С днем рождения» и дарят торт. У меня такое чувство, словно я проживаю чью-то чужую жизнь. Никто и никогда не праздновал мой день рождения с таким размахом.

Мы возвращаемся в половине десятого, и Харпер с подругами предлагают пропустить пятничные вечеринки, чтобы провести время со мной. Но я настаиваю, чтобы они шли веселиться. Знаю, на самом деле именно этого им и хочется, а с меня на сегодня хватит женского общества.

Я возвращаюсь к себе и, открыв дверь, вижу мягкое сияние, исходящее с потолка. Поднимаю взгляд – весь потолок усыпан мерцающими голубыми огоньками. Не в силах отвести от них взгляд, я медленно захожу внутрь. Они так прекрасны, словно звезды на ночном небе.

– Тебе нравится?

Я оборачиваюсь. На пороге, прислонившись к дверному косяку, стоит Гаррет.

– Твоих рук дело?

– Да. – Он заходит и закрывает дверь.

– Как ты сюда попал?

– У меня есть связи.

Я смотрю на него в ожидании объяснений.

– Жасмин впустила меня. Когда Харпер сказала, что ведет тебя сегодня на ужин, я оккупировал твою комнату на пару часов. И нет, я не рылся в твоих вещах.

Остановившись рядом со мной, он смотрит на потолок и небрежно приобнимает меня за талию. Это пробуждает во мне разного рода чувства, которые я, наверное, не должна ощущать к человеку, с которым просто дружу. Я окидываю его взглядом. На нем джинсы с низкой посадкой и черная футболка, которая подчеркивает его широкие плечи и накачанный пресс. Харпер права. Просто дружить с таким сексуальным парнем практически невозможно.

Он сжимает мою талию.

– Ты не ответила. Так тебе нравится или нет?

– Да. Нравится. – Его ладонь соскальзывает мне на бедро, и мне омыает новой волной эмоций.

– Хорошо. Потому что я чуть не грохнулся с лестницы, когда закреплял среднюю секцию. – Гаррет указывает на участок над моей кроватью, где он, судя по всему, пытался создать из огоньков какую-то композицию.

– Зачем ты все это сделал?

– Это подарок на день рождения. С твоим сумасшедшим бюджетом пришлось пойти в магазин, где все продается за доллар. Эти огоньки были такими дешевыми, что вряд ли долго прослужат.

– Я постоянно там закупаюсь. Уверена, они будут нормально работать.

– Я помню, как тебе понравились мои, так что решил купить тебе свои собственные. – Он наклоняется и целует меня в щеку. – С днем рождения, Джейд.

– Спасибо. – Я снова смотрю на мигающие огоньки. – Видишь? Ты и вправду можешь кого-то осчастливить всего лишь за несколько долларов.

Повернувшись ко мне лицом, он обнимает меня за талию.

— Я осчастливила тебя? Этими дурацкими дешевыми огоньками?

— Очень. Мне они нравятся. Они будут делать меня счастливой каждый раз, когда я буду на них смотреть.

Он улыбается.

— Тебе многое не нужно, да, Джейд?

— Да.

Повисает неловкая пауза. Мы стоим очень близко, и меня по-прежнему обнимают его руки. Он что, проверяет так мою выдержку? Он слишком хорошо выглядит. И пахнет так же невероятно. Я чувствую, словно должна что-то сказать, но не могу. Слишком сконцентрирована на том, чтобы удержаться и не поцеловать его.

Гаррет внимательно изучает мое лицо. Интересно, у меня что, соус Маринара на щеке? Наверное, я капнула себе на платье. Опускаю глаза, чтобы проверить, а Гаррет касается моего подбородка пальцем и приближает мое лицо к своему.

— Ты выглядишь сегодня потрясающе, Джейд.

— Это всего лишь платье. Ты видел меня в нем на ужине у твоих родителей.

— Я знаю. Ты и тогда хорошо выглядела. Но теперь у тебя другая прическа, и… я не знаю, все по-другому. Наверное, потому что ты не смотришь на меня с сердитым выражением лица с другого конца стола.

Я смеюсь.

— Да. Наверное, поэтому. — Он все еще не сводит с меня глаз, и под его взглядом мне становится неловко. Я выворачиваюсь из его объятий и устраиваюсь на кровати. — Так ты идешь сегодня с Блейком куда-нибудь?

— Мы договаривались. — Он садится рядом со мной. — Но если хочешь, чтобы я остался, то я могу пропустить вечеринку и перенести все на завтра.

— Ты должен пойти, раз пообещал ему.

— Наверное, но мне правда не хочется с ним пересекаться.

— Гаррет, ты заключил с этим парнем соглашение.

— И зря. Если он считает нас с ним друзьями, то должен держать рот на замке. — Гаррет скидывает обувь и падает на кровать. — Эй, гляди.

Серьезно? Он что, намерен устроить полную проверку моего самоконтроля? Хочет, чтобы я легла рядом с ним на кровать под этими сияющими огоньками? Как будто предлагая всего лишь невинно наблюдать за ними. Черт, а он молодец. Очень умно. Он явно использовал подобные приемчики на девушках. И как все девушки до меня, я ведусь. Но в отличие от них я хотя бы понимаю, что он затеял, и за это добавляю себе очков.

Я устраиваюсь возле него, сохраняя между нами безопасное расстояние.

— Отсюда вид даже лучше.

— Видишь место вон там? — Он придвигается ближе и указывает на область над нами. — Я хотел сделать созвездие из огоньков, но не хватило времени.

Когда он кладет руку обратно, наши тела оказываются так близко, что касаются друг друга. Я ложусь на бок к нему лицом, восстанавливая между нами пространство.

— Тебе действительно пора уходить.

Он тоже ложится на бок и сокращает созданное мной расстояние. Кладет руку мне на бедро, и мое сердце ускоряет темп.

— Пытаешься избавиться от меня, Джейд?

— Нет, но тебе пора идти на вечеринку с Блейком. А мне нужно спать.

Гаррет придвигается так близко, что я чувствую его дыхание. Он понижает голос.

— Еще даже десяти нет.

— Правда? А кажется, что намного позднее. — Мое сердце так и норовит выскочить из груди. Знаю, я должна отстраниться, но не могу. Я продолжаю прокручивать в голове вчерашний поцелуй и хочу, чтобы он повторил его и прекратил эту пытку. — Сейчас, наверное, почти одиннадцать.

— Без двадцати десять. Мне отсюда видны часы. — Он не отводит от меня глаз. Уверена, на часы он даже не смотрел. — Ты точно уверена, что хочешь, чтобы я ушел? — Он одаривает меня той самой самоуверенной улыбкой, которую я нахожу чертовски неотразимой.

— Абсолютно, — выдаю я не самым убедительным тоном.

Теперь Гаррет настолько близко, что, я уверена, он поцелует меня. Я в предвкушении

закрываю глаза.

— Ладно. Тогда я пошел. — Я чувствую, как матрас прогибается, и он соскаивает с кровати. — Увидимся в воскресенье.

Распахнув глаза, я вижу, что он почти у двери.

— В воскресенье? — Я встаю с кровати, чувствуя жар на щеках, которые, уверена, горят алым пламенем.

— Блинчики. Они ведь все еще в силе?

— Ну, да. Но что насчет завтра?

— А что?

— Не хочешь чем-нибудь заняться? — Не в состоянии оторвать взгляд от его губ, я мечтаю, чтобы он наконец-то поцеловал меня.

— Какие у тебя предложения?

— Не знаю. Еще не думала.

— Ну тогда подумай, и если что-то решишь, ты знаешь, где меня найти. Спокойной ночи, Джейд.

И с этими словами он просто уходит. Вот тебе и смешанные сигналы. Какого черта только что произошло? Он притрагивается ко мне, делает комплименты, нарушает личное пространство и уходит, даже не поцеловав?

У меня нет права злиться, ведь я сама этого хотела. Он с уважением отнесся к моим условиям насчет «только дружбы» и предоставил мне право самой решать, когда мы можем нарушить границы. И сегодня я была в шаге от того, чтобы позволить ему перейти к чему-то большему. Намного большему.

Мы не видимся с ним до утра воскресенья. Гаррет рассказывает о пятничной вечеринке. Говорит, Блейк так напился, что и не вспомнил о его присутствии. И, тем не менее, этот придурок настаивает, чтобы Гаррет ходил с ним на тусовки. Наверное, просто затем, чтобы Гаррет не проводил это время со мной. Я знаю, Блейк ненавидит меня за то, что из-за меня Гаррет стал реже с ним видеться и практически перестал употреблять алкоголь. Теперь, если Гаррет и приходит на тусовки, он не пьет, и это выводит Блейка из себя.

В следующие дни и недели мы с Гарретом сближаемся еще сильнее. По выходным мы смотрим телевизор у него в комнате, ходим на пробежку, вместе обедаем или просто сидим и болтаем. В пятницу он ходит с Блейком на вечеринки, а субботними вечерами мы придумываем какие-нибудь совместные занятия. Воскресенья так и остаются блинными днями, плюс в эти дни Гаррет играет с парнями в футбол. Пока что все, включая Блейка и Аву, молчат о нас. Отец Гаррета больше не приезжал.

Несмотря на существующее между нами притяжение, нам удается сохранять статус друзей. Харпер говорит, что чувствует это притяжение всякий раз, когда находится рядом с нами. Она все подбивает меня выйти за пределы дружбы, а я продолжаю отвечать, что еще не готова, хотя в глубине души знаю, что это не так. Если честно, я *правда* готова.

Но проблема с семьей Гаррета никуда не делась. Гаррет продолжает убеждать меня, что больше не слушает своего отца, однако по-прежнему прикрывается фальшивыми подружками. А еще делает все возможное, чтобы его отец не прознал о нас. Необязательно быть экстрасенсом, чтобы знать, к чему все это приведет. Нам с Гарретом никогда не стать парой. По крайней мере, настоящей. Мы можем проводить время вместе и, возможно, стать больше, чем просто друзья, но это всегда будет оставаться секретом.

Зная все это, мне, наверное, стоит держаться подальше от Гаррета. Проводить с ним поменьше времени и сосредоточиться на учебе. Но я не могу. Чем больше я узнаю его, тем сильнее хочу быть с ним.

В предпоследнюю субботу октября мы с Гарретом планируем ночной киномарафон, чего не делали уже несколько недель. Погода стоит прохладная и дождливая, так что это отличный повод провести вечер в помещении. Мы заказываем китайскую еду из новой забегаловки, открывшейся неподалеку от кампуса.

— Что будем смотреть? — Я хватаю две содовые из холодильника.

- Фильм про спорт. – Он указывает на коробку, на которой изображен футболист.
- Фу. Серьезно? А ничего другого нельзя?
- Это хороший фильм. И сейчас футбольный сезон. Идеальное время для просмотра.
- Ладно. Давай сюда. – Я беру у него фильм. – Курьер, наверное, уже внизу. Заберешь нашу еду?

Когда он возвращается, мы садимся с едой на гигантский пухик, и я включаю фильм. На экране появляется мультишная собака в форме детектива.

Гаррет издает стон.

– Я ни за что не стану смотреть это снова.

Я склоняю голову на бок.

– Но, Гаррет, это же твое любимое кино.

Он вскакивает и ищет в коробке фильм про футбол.

– Где он?

– Не знаю. Может, упал за обогреватель.

Он прекращает поиски.

– Куда? Джейд, что ты с ним сделала?

Я упорно смотрю на свои палочки для еды, пытаясь подцепить ими кусочек курицы в соусе.

– Понятия не имею, о чём ты.

Он отбирает у меня коробочку с китайской едой и ставит ее на стол, а затем, склонившись надо мной, заключает меня в ловушку своих рук так, чтобы я не могу пошевелиться.

– Где фильм, Джейд?

– В коробке.

Он улыбается.

– Его там нет. Я только что посмотрел.

Я одариваю его ответной улыбкой.

– Может, под кроватью?

Он бросает взгляд на кровать.

– Нет. Даю тебе второй шанс.

– Но я правда не помню, – невинным голосом отвечаю я.

Он начинает щекотать меня за бока. Не помню, чтобы раньше я боялась щекотки. Мой смех смешивается с собачьим воем по телевизора. Никогда еще я не смеялась так сильно, чтобы от смеха заболели мышцы животы, словно я качала пресс.

– Ладно, ладно, сейчас скажу, – еле-еле удается выдавить мне.

Он не прекращает пытку.

– Я жду.

– В коробке. Клянусь.

– Я уже посмотрел там.

– Просто дай мне встать.

Он отодвигается, а я встаю и достаю из-под коробки диск.

– Он лежал на полу рядом с коробкой. – Я падаю обратно на пухик, пытаясь перевести дух.

– Вот. – Я протягиваю ему фильм.

– Вот видишь, и совсем не сложно. Быстрый ответ все упростили бы.

– Ага. Но было бы не так весело, – улыбаюсь я.

Он смотрит на меня, пытаясь понять, что это значит. Но не клюет на приманку.

– Будешь еще есть? – спрашивает он.

– Нет. Мне нужна минутка, чтобы перевести дух, а то я словно побывала на тренировке.

Мультишная собака снова воет, и меня пробирает смех. Ее вой жутко смешной.

Гаррет тянется через меня за пультом и выключает телевизор, потом бросает пульт на пол и снова крепко вжимает меня в сидение.

– Джейд, ты смеешься над моим фильмом?

– Нет, – произношу я, прыснув. – Мне он нравится.

Он отчаянно пытается сдержать смех.

– Джейд?

– Гаррет? – передразниваю я его тон.

– Иногда ты такая заноза в заднице.

– Только иногда? Нужно срочно это исправить.

Наши взгляды встречаются, и я узнаю у него лицо то самое выражение. Он хочет поцеловать меня, но не станет из-за нашего договора о дружбе. К черту все. С меня хватит! Я притягиваю его к себе, но он и сам начинает сокращать расстояние между нами, наклоняясь, чтобы поцеловать меня.

Его губы едва касаются моих и в ожидании моей реакции замирают. Я отвечаю на поцелуй, ясно давая понять, чего я хочу, и тогда он опускается на сиденье и усаживает меня на себя верхом. Я широко раздвигаю колени и вижу на его лице легкую улыбку, когда он за затылок тянет меня к себе. Медленный, глубокий, страстный поцелуй мгновенно уносит нас за пределы дружеской территории. Второй рукой Гаррет обнимает меня и прижимает к себе.

Все как в тот раз в бассейне. Только сейчас я не позволю голосам вмешаться. Не могу. Мне слишком это нравится, и я не позволю ей все испортить.

20

Спустя несколько минут я начинаю гадать, почему Гаррет не двигается дальше. Мне нравится то, что он делает, но я жажду большего, а он даже не добрался до второй базы. Я направляю его ладонь под край своей майки и оставляю ее на талии, но его рука так и остается лежать там. Он даже не пытается сделать следующий шаг.

Наконец я прерываю поцелуй.

– В чем дело?

– О чём ты?

– Я не предлагаю заходить слишком далеко, но можем позволить себе нечто большее, чем поцелуи.

– Думаю, не стоит. Помнишь, что случилось в тот раз?

Я опускаю взгляд.

– О. Не волнуйся на этот счет. Я в порядке.

Он убирает с моего лица волосы.

– То, что случилось тогда в бассейне, испугало меня. Мне показалось, я сделал тебе больно или еще что. Ты стала кричать и бить меня.

– Я не кричала. – Или кричала? Не помню.

– Кричала, – мягко произносит он. – Ты сказала, что никогда не будешь такой, как я. Не знаю, что это значило, но я решил, что ты разозлилась из-за моих прикосновений.

Я не ты. Я никогда не буду такой, как ты. Именно эти слова я постоянно твержу себе.

– Я говорила не с тобой. И не о тебе. Я не хотела.

– Тогда с кем ты говорила?

– Не могу сказать.

– Тогда объясни, что случилось тем вечером. И почему это произошло во второй раз, когда я застал тебя у себя в комнате. Ты так распиховалась, когда я пошумил, что ты не выключила телевизор.

Неожиданно на глаза у меня наворачиваются слезы, и, несмотря на все мои усилия, сдержать их не получается. Мое горло сжимается, а грудь наливается свинцом. Я слезаю с Гаррета и устраиваюсь на пушнике рядом.

– Не хочу поднимать эту тему. Этого больше не повторяться. – По моей щеке сказывается несколько слезинок, и я не успеваю смахнуть их.

Гаррет замечает, что я плачу.

– Черт! – Он быстро заключает меня в объятия и прижимает к груди. – Джейд, мне жаль. Я не хотел, чтобы ты плакала из-за меня. Мне просто хотелось понять.

Слезы текут все быстрее, как бы сильно я не старалась сдержать их, и, чтобы скрыть их от Гаррета, я зарываюсь лицом в его рубашку.

– Джейд, поговори со мной.

Я не могу. Если заговорю, то голос надломится или начнет дрожать, и тогда Гаррет поймет, что я не могу контролировать плач. А парни ненавидят, когда при них плачут. Я сама ненавижу плакать, и меня жутко бесит то, что я сейчас плачу. Проходит несколько минут, и рыдания наконец прекращаются.

– Ты в порядке? – Он бережно приподнимает мое лицо за подбородок, и я замечаю, что его рубашка промокла из-за моих слез.

– Да. Все нормально. – Я сажусь и вытираю лицо. – Извини, что испортила твою рубашку.

– Мне плевать на нее. И ты не в порядке. Теперь расскажи, в чем дело.

– Ни в чём. – Моя грусть превращается в ярость, когда до меня доходит, что я слишком сильно ему доверились. – Забудь.

– Мы друзья, Джейд, и мне не нравится видеть тебя в таком состоянии.

– В каком? В плачущем? Мне что, поплакать нельзя?

– Здесь есть нечто большее. Ты что-то недоговариваешь. Просто поговори со мной. Может, я смогу помочь.

– Ты не сможешь помочь мне, Гаррет. Я должна справиться с этим в одиночку. – У меня вырывается всхлип, когда я произношу последнее слово. Одиночка. Самое подходящее описание

того, кем я себя ощущаю, потому что не могу ни с кем этим поделиться. И я так устала чувствовать одиночество.

Он снова привлекает мою голову себе на грудь, затем берет покрывало, лежащее рядом с пушником, и укрывает нас.

Мы сидим в тишине. И я спрашиваю себя, почему должна разбираться с этим самостоятельно. Почему не могу просто поговорить об этом с Гарретом. Если уж выбирать того, с кем поделиться этим, то только его.

— Это была моя мать, — еле слышно выдыхаю я.

— Что? — Он смахивает локон с моего лица. — Ты что-то сказала?

— Моя мама, — повторяю я громче. — Я говорила о моей маме.

Наступает неловкая тишина. Уверена, он считает меня сумасшедшей. Зря я ему сказала.

— Разве твоя мама не умерла? — осторожно спрашивает он.

— Да, но иногда я все еще слышу ее.

— Ты имеешь в виду, у себя в голове, — уточняет он.

— Ага. — Теперь он точно считает, что я ненормальная. — Все началось после ее смерти.

— Иногда я тоже слышу, как мама со мной разговаривает. Это словно память о ней.

— У меня это больше, чем просто воспоминания. Она будто еще жива и кричит на меня.

Говорит мне, какая я ужасная и что испорчу свою жизнь, как и она. И у меня не получается это остановить.

— Взгляни на меня, Джейд. — Он ждет, пока я посмотрю ему в глаза. — У тебя *получится* это остановить. Ты невероятно сильная. Сильнее всех, кого я знаю. Только посмотри, чего ты уже добилась — несмотря на все. Ты не должна к ней прислушиваться. Ты можешь заставить ее заткнуться.

— Не могу. Я пытаюсь.

— Тогда я помогу тебе.

— Каким образом?

— Пока не знаю. Давай я подумаю, а потом поделюсь с тобой.

Его слова вызывают у меня улыбку. Голос Гаррета такой искренний, точно он и в самом деле верит, что сможет помочь.

Я одновременно и поражена, и смущена реакцией Гаррета. А я-то была уверена, что он назовет меня сумасшедшей и немедленно вытолкает из комнаты.

— Могу я просить кое-что о твоей маме?

Я киваю.

— Она причиняла тебе боль? Физическую?

— Иногда. Если я ее выводила из себя. Поэтому мне пришлось научиться не злить ее. Или убегать из дома, когда она начинала выходить из себя. Она часто злилась.

— Мне жаль, Джейд. Знаю, это не поможет, но я больше не знаю, что сказать.

— Я и не хочу, чтобы ты жалел меня. Ты правильно сказал, что я сильная. Я вынесла все прелести совместного проживания с ней и отпустила все, что меня сейчас мучает. Не знаю, почему я так сломлена. Просто ты мне очень нравишься, и когда ты не притрагиваешься ко мне, то мне кажется, что она снова тут — и снова контролирует мою жизнь. Уничтожает все, о чем я мечтаю. Я все притворяюсь, что ее никогда не существовало, но, наверное, мне нужно приложить больше усилий.

— Может, в этом и проблема. Ты пытаешься сбежать от своего прошлого, тогда как тебе нужно принять его.

— Нет, спасибо. Я пережила его. И вспоминать о нем мне не нужно.

— Но, разобравшись с прошлым, ты сможешь двигаться вперед. По крайней мере, мне это помогло. — Гаррет делает паузу, и когда я уже готова спросить, о чем он, продолжает: — Я отказывался принять смерть матери. Продолжал верить, что однажды она вернется домой. Ждал ее после школы, высматривая ее машину. Мне снились сны, в которых она была жива. В конце концов отец отправил меня к специалисту, и после разговора с ним я понял, что не смог смириться с ее смертью, потому что не простил ее за то, что она меня бросила. Я ненавидел ее за это. И ненавидел за такие чувства себя. Потому что она была ни в чем не виновата. Она не хотела умирать. В какой-то момент я почувствовал, что больше не держу на нее зла. Я злился, что тот самолет разбился, и после этого все изменилось. Как только я принял это, то смог жить дальше. — Он замолкает. — Ты не

хочешь все это выслушивать?

– Наоборот. Я вникала в каждое твое слово. Но твоя ситуация отличается от моей.

– Да, но я пытаюсь донести до тебя, что убежать от прошлого невозможно. Тебе нужно разобраться с ним.

– Я не убегаю! Я просто не хочу его обсуждать!

Он понижает голос.

– Это было лишь предложение, Джейд. Я просто пытался помочь.

– Знаю. Прости. Я не хотела кричать на тебя. Я подумаю об этом, ладно? – Я провожу рукой по его рубашке, пытаясь разгладить складки, возникшие из-за моих слез. – Гаррет, ты можешь кое-что сделать для меня?

– Конечно. – Он убирает мою руку с рубашки и переплетается со мной пальцами.

– Не начинай теперь относиться ко мне иначе. Я не хрупкая. Я не сломаюсь. И мне нужно, чтобы ты пообещал, что никому не расскажешь об этом. Обо мне знаешь только ты и Райан. Я даже Фрэнку не говорила.

– Я никогда не расскажу.

– Хорошо. Теперь мы можем посмотреть кино и доесть нашу остывшую еду?

Он наклоняется и целует меня в щеку.

– За что это?

– За то, что доверилась мне. – Он встает. – Ладно, давай смотреть кино про футбол. Надо, наверное, заставить тебя посмотреть его дважды – за то, что ты его спрятала.

До конца вечера он ведет себя как обычно, чего мне и хотелось. Он больше не целует меня, и я не знаю, стоит ли ждать, что он сделает это снова. Наверняка его отпугнули мои секреты. Ни один парень не захочет встречаться с девушкой, которая до сих пор слышит в голове голос умершей матери. Но он, по крайней мере, выслушал меня и отнесся ко мне с пониманием, чего я точно никак не ожидала.

Удивительно, но после того вечера между нами с Гарретом не возникает неловкости. В воскресенье мы, как обычно, отправляемся завтракать, и учебная неделя пролетает незаметно. Гаррет не заговаривает о том, что случилось, я тоже молчу, но все чаще задумываюсь над его словами. Наверное, встреча с прошлым лицом к лицу – это единственный способ, который поможет мне избавиться от голоса в голове. Если бесконечно его игнорировать, то все точно станет еще хуже.

В пятницу вечером я решаю, что настало время открыть письмо, которое пролежало нетронутым в ящике стола со дня моего рождения. Я больше его не боюсь. С чего это вдруг? Фрэнк сказал, что там надежды и мечты моей мамы о моем будущем. Само собой напрашивается вывод – будет забавно.

Гаррет отправился на вечеринку в нескольких кварталах от кампуса. Завтра Хэллоуин, так что вечеринка костюмированная. Ранее я наблюдала, как девушки покидали свои комнаты в костюмах, которые больше напоминали нижнее белье. Но, похоже, если ты добавишь шляпу ведьмочки или ремешок с ангельскими крыльями, то это будет считаться костюмом. Харпер надела сексуальный костюм кролика, естественно, розового цвета.

Думаю, весь колледж отправился на ту вечеринку или, по крайней мере, все из общежития. Здесь царит полная тишина. Даже не слышно отголосков шагов с верхнего этажа. Гаррет звал меня с собой, но мне по-прежнему не нравятся вечеринки, особенно такие, где будет куча народу. Хоть я и настроилась прочитать письмо, меня одолевают сомнения. Уже девять вечера, и я чувствую, что пора с этим покончить. Сидя на кровати, я сверлю взглядом надпись на конверте. Она все еще пугает меня. Словно моя мать восстала из мертвых.

Я открываю конверт и нахожу внутри лист бумаги, полностью исписанный почерком моей матери.

Джейд, если ты читаешь мое письмо, значит, тебе уже исполнилось девятнадцать лет, что кажется невозможным сейчас, когда я смотрю на тебя, мою трехнедельную малышку, крепко спящую в кроватке. Моя маленькая Джейд с прекрасными зелеными глазами. На мое тринацатилетие моя мать подарила мне нефритовое ожерелье, и я решила, что это самый красивый камень, который я когда-либо видела. Когда ты впервые взглянула на меня своими

маленькими глазками, я поняла, что твоим именем будет Джейд².

Я останавливаюсь, чтобы вновь внимательно изучить подчерк. Он определенно мамин, но эти строки так на нее не похожи. Будто их написал кто-то другой. Тот, кто действительно заботился обо мне. Я продолжаю читать.

Если бы у меня сохранилось то ожерелье, оно стало бы твоим. Но у меня его больше нет. Я потеряла его в ту ночь, о которой собираюсь тебе рассказать. Мне бы не хотелось рассказывать тебе этого, но ты обязана знать. Потому что если ты читаешь это, значит, со мной случилось нечто плохое, и меня больше нет рядом, чтобы открыть тебе правду.

Что она подразумевает под словами «нечто плохое»? Звучит так, будто бы она обвиняет кого-то другого за случившееся с ней, что в принципе невозможно. Передозировка – ее собственная вина. Я возвращаюсь к чтению.

В прошлом году, когда я еще была в колледже, я получила работу стажера у одного кандидата на президентских выборах. Предвыборная гонка была в самом разгаре, и я была счастлива присоединиться к этому. Если я не ходила на занятия, то работала день и ночь с другими стажерами в главном офисе кампании.

Однажды вечером, когда мы придумывали речь, я встретила там мужчину – старше меня где-то на десять лет и очень привлекательного. Он работал над кампанией в другом штате и прибыл в Де-Мойн произнести речь. Мы разговорились, он пригласил меня на ужин, и я согласилась. Но на ужин он так меня и не сводил. Вместо этого он отвез меня за город и припарковался возле кукурузного поля. Было темно и холодно, и я была очень напугана, потому что в глубине души понимала, что он собирается сделать. Именно так он и поступил, а когда все закончилось, оставил меня на обочине, в жуткий холод. Я была в таком ужасном состоянии, что была уверена, что умру, но на следующий день проснулась на больничной койке. Полиция опросила меня, и я рассказала им, кто со мной это сделал. Они сказали, что человека подходящего под мое описание и работающего на кампанию не существует. Они заверили меня, что произошедшее со мной было обычным преступлением. Но я знала, кто сотворил это со мной, и не собиралась давать ему выйти сухим из воды.

Я рассказала обо всем одному своему другу, который работал в газете, но он не смог напечатать эту историю, потому что не было никаких доказательств. На следующий вечер я получила анонимный звонок и услышала, что если я расскажу об этом кому-то еще, то с моими родителями может статься нечто нехорошее. Это напугало меня до чертиков, но я не поверила. На той же неделе я пошла к адвокату в колледже и поделилась с ней всем, что случилось. Несколько дней спустя в доме моих родителей произошел взрыв газа, который убил их обоих. Я знала, что это не несчастный случай. Когда я пришла на очередную встречу с адвокатом, она обвинила меня в клевете. Сказала, что я все выдумала, а потом отказалась меня консультировать.

Человек, поступивший так со мной, твердо настроился заткнуть всех, кто знал правду. Каким-то образом ему удалось подкупить полицию, персонал больницы, моего адвоката – всех, кому была известна истинна. Но он знал, что мои родители молчать не станут, и потому убил их. Я думала, что он убьет и меня, но по какой-то причине он оставил меня в покое. Почему – я не знаю. Возможно, решил, что хватит и угроз, чтобы я держала рот на замке.

Я большие не поднимала эту тему. Но из той ночи я вынесла самое лучшее в моей жизни. Тебя, Джейд. Через два месяца я узнала, что беременна тобой. Я была разбита горем после смерти твоих бабушки с дедушкой, но потом узнала о тебе, и это было похоже на чудо. Я снова обрела надежду. Потом позвонил Он. Твой отец. Каким-то образом он о тебе пронюхал. Он приказал мне избавиться от тебя и сказал, что пришлет денег. Я пообещала ему, что так и сделаю, но соврала. Я бросила колледж и поселилась у друга в небольшом городке к югу отсюда. Несколько месяцев я не выходила из дома. Я пряталась вплоть до твоего рождения.

Только вчера я снова получила от него послание. Он знает о тебе. Я сказала, что никому не расскажу о том инциденте, и он согласился оставить нас в покое. Удивительно, что он согласился.

² Прим. пер: Джейд (от англ. Jade) – нефрит.

Не знаю, выполнит ли он свое обещание, но сейчас я не имею права переживать из-за этого, потому что должна заботиться о тебе. Ты – это все, что у меня есть, Джейд, и я постараюсь стать для тебя самой лучшей матерью. Я хожу к специалисту в бесплатной клинике психического здоровья в центре города. Там есть врач, и он дает мне лекарства от депрессии и тревожности. Я очень стараюсь преодолеть это, Джейд.

Ты наверняка хочешь узнать, как зовут этого человека, но я не могу открыть тебе его имя. Я дала ему слово и должна сдержать обещание. Я рассказываю тебе это только потому, что однажды он может попытаться с тобой связаться. Может, он притворится, что только что узнал о тебе или скажет, что хочет стать частью твоей жизни. Быть отцом. Не знаю, зачем вдруг ему это может понадобиться, но такая вероятность есть, особенно, если меня не будет рядом. Поэтому я бы хотела, чтобы ты знала правду. Если он когда-нибудь объявится, не верь ничему, что он скажет. Держись от него подальше. Он опасен, и хоть я не думаю, что он навредит тебе, но полной уверенности у меня нет, учитывая тот факт, что он уже это сделал. Сейчас ты, наверное, живешь самостоятельно, и мне нужно, чтобы ты была в безопасности.

Прости, что меня больше нет с тобой рядом. Надеюсь, я до самой смерти была для тебя хорошей матерью. Ты – все, чем я дорожу, самое главное в моей жизни. Я люблю тебя, Джейд, всем сердцем.

– Мама

21

У меня голова идет кругом, а к горлу подкатывает тошнота. Бросив письмо на пол, я убегаю по коридору в ванную и, после того, как меня тошнит, нависаю над раковиной и плескаю в лицо холодной водой. Дрожь не проходит. Не знаю, то ли от холодной воды, то ли от шока после прочитанного.

Это не может быть правдой. Наверняка это письмо – больная шутка моей матери. Теперь, значит, я результат изнасилования? Рассказов о сексе на одну ночь ей оказалось мало? И она думает, будто мой собственный отец может мне навредить?

Я торопливо возвращаюсь в комнату и ищу полотенце. Пока вытираю лицо, мой взгляд падает на письмо, и меня так и тянет разорвать его на мелкие кусочки.

Голова гудит, пока я вспоминаю те немногие факты, которые мама рассказывала о своем прошлом. Она действительно говорила, что во время учебы в колледже участвовала в политической кампании, но никогда не упоминала подробности. И я помню, как она говорила о маленьком городке, где жила до моего рождения. Когда я один-единственный раз спросила ее о моих бабушке с дедушкой, она закатила истерику. Стала швыряться вещами и запретила мне задавать такие вопросы. На тот момент мне было всего пять лет. Когда спустя годы я спросила об этом Фрэнка, он ответил, что они погибли при пожаре. Наверное, взрыв – это то же самое, что пожар.

Фрэнк! Если все это правда, то ему должно быть это известно. Я со всех ног бегу к телефону. Мои пальцы так сильно трясутся, что никак не могу попасть по нужным цифрам. Только после третьей попытки мне удается набрать номер. Гудки идут и идут, но никто не отвечает. Где, черт побери, Фрэнк? Он никогда не выходит из дома. Теперь, когда мне так нужно с ним поговорить, его нет?

Хоть мне и не хочется, но я заставляю себя внимательно перечитать письмо во второй раз. Потом в третий. Его явно написали давно. Мама, которую я знала, была бы не в состоянии связать на бумаге такое количество предложений. К тому же она бы ни за что не сказала, что заботится обо мне.

Что, если все это правда? Что если моя мать пристрастилась к алкоголю и таблеткам из-за произошедшего? Вдруг мой отец снова ей угрожал. Может, для нее это было слишком, и она больше не могла с этим справляться. Как и я не могу это переварить. В этом смысле мы очень похожи. Но отвратительные вещи, с которыми мне приходилось бороться, – ничто по сравнению с тем, о чем она написала. Не знаю, что бы я стала делать, если б нечто подобное произошло со мной. Вероятно, тоже начала бы искать утешение в таблетках и алкоголе.

Я снова набираю Фрэнка. Ответа по-прежнему нет, но мне нужно поделиться хоть с кем-нибудь, и я, приняв решение рассказать Гаррету, накидываю куртку и выхожу. Я бегу по главной дороге в город. На дороге темно, и меня легко может сбить машина, но мне нужно найти Гаррета. Я сворачиваю на боковую уличку и через квартал замечаю огни и слышу шум вечеринки.

Наконец, потная и запыхавшаяся, я добегаю до нужного здания. На вечеринке многолюдно, люди толпятся на лужайке, усыпанной красными пластиковыми стаканами. Большинство девушек одеты в костюмы в честь Хэллоуина, а парни – в обычную одежду. На крыльце кто-то целуется, а одна парочка перегородила входную дверь. Я отталкиваю их в сторону, но они слишком пьяны, чтобы это заметить или как-то отреагировать.

Внутри орет музыка, воздух пропитан запахом пота, духов и пива. Я протискиваюсь сквозь толпу, разыскивая взглядом Гаррета.

– Посмотрите-ка, кто пришел. – На плечо мне ложится тяжелая рука, и я чувствую тошнотворный запах древесного одеколона. – Как дела, Огайо? Похоже, тебе не помешает выпить.

Я замечаю, что мы стоим рядом с баром, что объясняет присутствие Блейка. Он пьян в стельку, и от него разит перегаром.

– Мне нужно найти Гаррета. Ты его видел? – Чтобы он услышал меня, приходится перекрикивать музыку.

Блейк склоняется к моему уху и орет в ответ:

– Он занят. Огайо, ты любишь водку?

Я отступаю и сбрасываю с себя его руку.

– Что значит, занят? Он здесь?

– Ага.

– Тогда где он? Мне нужно поговорить с ним, Блейк. Это важно.
 – Становись в очередь, дорогуша. – Он указывает на закрытую дверь в другом конце комнаты.

- Что ты хочешь сказать?
- Что Гаррет в комнате для перепихона, – усмехается он, толкая меня бедром.
- Неправда. Скажи, где он на самом деле.

– Зайди внутрь и убедись сама. Он там с Авой. Лично мне Ава не кажется такой уж сексуальной, но, черт, нужно же парню как-то расслабиться, если он не получает этого от Огайо. – Блейк гогочет так сильно, что его одолевает приступ кашля, а потом хватает бутылку водки и делает глоток прямо из горла.

– Ты отвратителен. Просто скажи мне, где он...

Дверь комнаты, о которой говорил Блейк, распахивается, и выходит Гаррет, а за ним – Ава.

Мне кажется, мое сердце остановилось, потому что я больше не чувствую его стук. Меня переполняет шок, чувство потери, боль от предательства и прочие ужасные эмоции. Пускай официально мы с Гарретом и не встречались, но я бы никогда не подумала, что он станет спать с Авой. Он ненавидит Аву. Он сказал, что ему неприятно даже находиться с ней рядом, и все-таки потащил ее в ту комнату. Значит, он лгал мне? Все это время они спали вместе? Он же обещал мне больше не врать. Сказал, что ничего не будет от меня скрывать. И я поверила ему. Я поверила в него. Я рассказала ему о себе. Я доверилась ему.

– Видишь? Я же говорил, Огайо. Теперь хочешь выпить?

Не отводя глаз от Гаррета, я выхватываю у Блейка бутылку водки. Подношу ее к губам и запрокидаю голову. Алкоголь обжигает, словно огонь. Но на короткий миг я не перестаю чувствовать боль. Делаю еще глоток. Снова обжигает.

Опустив бутылку, я краем глаза замечаю, как Блейк машет Гаррету и, хохоча, тычет в меня пальцем. Наши взгляды встречаются. Когда он видит в моей руке водку, то одними губами произносит мое имя, и в его глазах появляется гнев. Он начинает проталкиваться через толпу, а я устремляюсь к выходу, бросаю бутылку и бегу в кампус так быстро, как только могу.

Все это слишком. Письмо от матери. Гаррет с Авой. Первый алкогольный опыт. Я ничего этого не понимаю.

Вернувшись в комнату, я срываю с себя куртку, кофту и джинсы и надеваю свою спортивную обувь, штаны и кофту, а потом мчусь к беговой дорожке на окраине кампуса.

Мне необходима пробежка.

1 30 октября

Линии дорожки как карта, указывающая мне направление. Я следую их намеченному пути, мои руки и ноги двигаются в едином ритме. Тело без усилий повторяет движения, позволяя мозгу вновь и вновь проигрывать произошедшее.

Я вижу девушку на вечеринке. Она пьяна. Она никогда не пьет. Никогда. Но другого выбора у нее не было. История повторяется. Как будто сценарий был написан заранее, и она просто позволила проиграть его до конца. В свои восемнадцать она обещала себе, что подобное никогда не произойдет. Но это случилось. Она потеряла самоконтроль в считанные секунды.

Та девушка была кем-то другим. Я никогда не буду ею. И никогда не буду такой, как ее мать. Я отказываюсь.

Делая длинные быстрые шаги, я снова обретаю контроль над своим телом. Двигаю руками, потому что бегу недостаточно быстро. Я все еще чувствую разочарование. Злость и боль. И я просто хочу, чтобы это исчезло.

Ночная прохлада липнет к коже, остужая ее и распространяя ледяную дрожь по всему телу. Руки и ноги болят, а легкие обжигает холодный воздух. Но я продолжаю бежать. Потому что мне нравится чувствовать эту боль. Я понимаю ее. Она отвлекает меня от другой боли – той, которую мне не понять.

На лицо падает капля дождя. Потом вторая, третья. Вскоре дождь, опаляя кожу, начинает лить как из ведра.

– Джейд, какого черта ты здесь делаешь? Я тебя обыскался! Джейд!

Это Гаррет, парень, который вынудил девушку пережить ту сцену на вечеринке. Сцену,

которая никогда не должна была произойти.

Я смотрю перед собой, словно его здесь нет.

– Джейд, остановись! Подожди!

Я совершаю очередной круг, в то время как он продолжает выкрикивать мое имя. Когда я снова приближаюсь к нему, он преграждает мне путь, и я меняю направление, чтобы обогнать его.

Резкий рывок за край кофты заставляет меня притормозить. Я тяжело дышу, когда Гаррет разворачивает меня и прижимает к себе так крепко, что, вопреки попыткам вырваться, я не могу шелохнуться.

– Прекрати, – тихо просит он, притягивая мою голову к своей груди. – Просто перестань убегать.

Я бросаю попытки бороться с ним и позволяю телу обмякнуть в его объятиях.

Минуту назад я не хотела видеть его, но теперь мне не хочется, чтобы он отпускал меня.

– Скажи, что случилось, – произносит он. – Если я что-то натворил, то прости меня. Я все исправлю.

Ледяной дождь продолжает лить ровным потоком. Мои штаны и кофта стали тяжелыми от воды, и я вздрагиваю, когда нас обдаст порыв ветра.

Он гладит меня по руке.

– Что ты тут делаешь? Холодно, а ты промокла до нитки. Давай вернемся.

Мои ноги отказываются слушаться. Все тело ноет, а эмоции, как я и хотела, оцепенели.

– Джейд, поговори со мной.

Я поднимаю глаза. Он наблюдает за мной в ожидании хоть какого-то ответа. Открывает рот, и тогда я встаю на цыпочки и прижимаюсь губами к его губам. Мне нельзя целовать его, и я искренне не понимаю, зачем это делаю. Как не понимаю вообще ничего из происходящего в этот момент.

Гаррет осторожно отстраняется.

– Объясни, что происходит. Почему ты здесь? Почему ты была на вечеринке? И почему ты пьяная? – Его голос полон беспокойства и заботы. После того, что мне пришлось увидеть на вечеринке, я не понимаю, с какой стати он беспокоится. Но видно, что Гаррет волнуется. Я чувствую это, вижу у него на лице, и это меня бесит. Не хочу, чтобы он за меня волновался. Не сейчас. Не после того, что он натворил.

Я вырываюсь, но он держит меня слишком крепко. Я отказываюсь на него смотреть. Потому что перед глазами сразу всплынет та сцена, когда он выходит из комнаты. *С ней*. А потом я увижу бутылку водки, и это напомнит мне о матери и о ее письме.

Это слишком. Слишком много эмоций. Я снова хочу вернуться в оцепенение.

Дождь продолжает лить, и я снова дрожу.

– Мы идем внутрь. – Тон Гаррета не допускает возражений. Он наконец-то отпускает меня, но берет за руку и заставляет следовать за собой. – Джейд, пошли. Я не уйду без тебя.

Мой мозг лихорадочно работает, пытаясь придать смысл происходящему, которое вообще не имеет смысла.

Поняв, что двигаться я не собираюсь, он берет меня на руки и уносит вверх по дороге в наше общежитие.

У себя в комнате Гаррет усаживает меня на кровать и кутает в полотенце. Меня знобит, и я стучу зубами. Он достает из шкафа плед и накидывает его на меня, затем садится передо мной на колени и берет мои ледяные руки в свои теплые ладони.

– Джейд, что случилось? – Он кажется еще более встревоженным и отчаянно желающим мне помочь. – В чем дело?

– Моя мать. – Из-за озноба мне трудно говорить. – Ее изнасиловали. Он чуть не убил ее.

Я не поднимаю голову, чтобы не видеть его реакцию. Не знаю, зачем я рассказываю ему об этом. После всего, что случилось на вечеринке, я вообще не должна с ним говорить.

– О чём ты?

– Она оставила письмо. Ее изнасиловали. Вот почему я здесь.

– Какое письмо? Не понимаю. Где ты получила это письмо?

– Неважно. – Я наконец-то поднимаю взгляд. – Вот, почему она ненавидела меня, Гаррет.

Он садится на кровать и заключает меня в объятья.

– Она не ненавидела тебя, Джейд.

– Ненавидела. Теперь мне все ясно. Я служила ей постоянным напоминанием о том, что он с ней сделал. И за это она меня презирала. Вот почему она пила и принимала таблетки.

Меня по-прежнему колотит. Гаррет стаскивает с меня плед и промокшее полотенце.

– Идем к тебе комнату. Найдем тебе сухую одежду.

– Я не могу. Меня снова потянет перечитать письмо, а сейчас я не могу этого делать.

– Тебе нельзя оставаться в мокрой одежде. – Он подходит к сушилке и берет спортивные штаны со свитером, а потом протягивает их мне. – Вот, надень.

Я продолжаю сидеть на кровати, уставившись в черный экран телевизора.

– Джейд, ну давай же. – Он поднимает меня. – Я отвернусь. Тебе нужно снять мокрую одежду.

Я не двигаюсь. Я даже его не слышу. Моя голова забита миллионами других мыслей.

Тяжело вздохнув, Гаррет подходит ко мне. Снимает с меня влажную футболку и спортивный бюстгальтер и надевает спортивный свитер, который настолько большой, что доходит мне до колен.

Он протягивает мне штаны.

– Теперь надень их.

– Мне они не нужны.

– В мокрой одежде ты не согреешься. – Я стою, вся дрожа, а он ждет, когда я его послушаюсь. – Давай. Иначе я сделаю это сам.

Я не двигаюсь с места. Мне так холодно, а ноги так устали, что возиться со штанами выше моих сил.

– Ладно. – Гаррет тянется к свитеру, стараясь не слишком задирать его, чтобы не увидеть лишнего. Стягивает с меня штаны и нижнее белье. Мне плевать, что он раздевает меня. Это меньшая из моих проблем. Кроме того, я уверена, что он успел насмотреться на голую Аву, а значит я его в этом смысле не заинтересую. Гаррет надевает на меня штаны, по очереди засовывая ноги в штанины, но они настолько мне велики, что, пока он уводит меня к кровати, ему приходится придерживать их у талии.

Сухая одежда приятна телу, но мне по-прежнему холодно. Я залезаю под одеяло, и он укрывает меня, добавив сверху несколько покрывал. Я закрываю глаза и слышу, как Гаррет тоже переодевается в сухую одежду. Потом он ныряет под одеяло и, обняв меня за талию, прижимается ко мне всем телом.

Несколько минут мы лежим в полной тишине, и благодаря его теплу озnob наконец-то меня отпускает.

Мои мысли возвращаются к вечеринке.

– Ты встречаешься с Авой? – спрашиваю я так тихо, что не знаю, расслышал ли он.

Он приподнимается на локте и сдвигает с моего лица покрывало.

– С Авой?

– Я видела вас в той комнате. Блейк сказал, что люди ходят туда, чтобы... Ну, знаешь.

– Нет! Джейд, ты же знаешь, между нами никогда ничего не было. Я просто спрашивал ее, не рассказывала ли она что-нибудь моему отцу. Там было так шумно, что я совершенно ее не слышал, и потому нам пришлось зайти в ту комнату. Неужели ты правда подумала, что между нами что-то было? Ты поэтому убежала?

– Фрэнка не было дома. Мне нужно было поговорить с тобой. Мне больше не с кем. А потом я увидела тебя с ней.

– Ничего не было, клянусь. Никогда не верь Блейку. Ты поэтому пьяна?

– Я потеряла контроль. А я никогда его не теряю. Но алкоголь убрал то, что я чувствовала. Думаю, поэтому она и пила. Теперь мне это понятно.

– Джейд. – Он ложится и кладет голову мне на грудь. – Ты должна перестать избегать чувств, просто прими их.

Он оставляет у меня под ушком поцелуй и что-то нежно шепчет, но я его не слышу. Я так устала. И теперь мне тепло, я засыпаю.

22

Меня будит громкий грохот, доносящийся из коридора. Люди возвращаются после бурной ночи, смеясь и хлопая дверями. Гаррет крепко прижимается ко мне – моя спина касается его торса, а на талии покоится его рука. Я приподнимаю голову, чтобы взглянуть на часы. Половина четвертого.

– Мне пора, – шепчу я.

Он крепче обнимает меня.

– Спи, Джейд.

Мне и самой хочется оставаться, поэтому я не спорю. Просто я была не уверена, хочет ли он сам этого.

Лежа с ним рядом, я понимаю, что никогда не ощущала такой близости к другому человеку, не только в физическом смысле, но и вообще. И это пугает меня. Одна лишь мысль о Гаррете с Авой снесла мне крышу настолько, что я перестала себя контролировать. Вот почему я предпочитаю держать людей на расстоянии. Гаррет небезразличен мне, и это идет наперекор всем моим принципам. Я больше не мыслю трезво. И не знаю точно, как теперь с этим быть.

– Привет, – слышу я голос Гаррета, распахиваю глаза и вижу, как он смотрит на меня. – Тебе удалось немного поспать?

Сквозь занавески пробиваются солнечные лучи.

– Который час?

– Девять. Можешь еще вздрогнуть, если хочешь. Я собираюсь в душ. Просто хотел предупредить тебя на случай, если ты проснешься, а меня не будет рядом.

Я приподнимаюсь на локтях.

– Почему это меня должно волновать то, что тебя не будет на месте?

Он целует меня в щеку.

– Потому что ты стала бы скучать по мне. Вот почему.

Я улыбаюсь и отворачиваюсь от него.

– Наверняка я даже и не заметила бы твоего отсутствия.

Он поворачивает меня к себе.

– Заметила бы. По крайней мере, ты бы задумалась, куда делся твой портативный обогреватель. Даже не сомневайся, мне прекрасно известно, что прошлой ночью ты просто меня использовала.

– Черт, ты меня раскусил. Но это сработало. Меня перестало знобить. Теперь мне даже как-то жарковато. – Я сбрасываю одеяло и закатываю огромные рукава его свитера, но те снова раскатываются.

– Ты так забавно выглядишь в моей одежде. – Он принимается щупать меня за талию. – Даже не могу найти тебя в ней.

– Мне нравятся эти штаны. Они очень мягкие. Так бы и оставила их себе.

– Ни за что! Это мои любимые.

– Тогда я точно заберу их. Можешь приходить и навещать их этажом ниже.

– Извини, но ты их не получишь. К тому же, они серые. Это не твой цвет.

– Точно. Ладно, можешь забрать их обратно.

Он улыбается.

– Это было легко. Похоже, с утра пораньше ты не боец. Надо запомнить. – Он встает. – Я только на пару минут. Никуда не уходи.

Пока он в душе, я разглядываю голубые огоньки, свисающие с потолка. Жаль, что нельзя оставаться у него в комнате на весь день, спать в его теплой кровати и уютной одежде. Но я не могу. Нужно позвонить Фрэнку и разобраться с письмом. А может, мне следует притвориться, что я вообще не читала его. Порвать его или сжечь. Сделать вид, что оно никогда не существовало.

Заметив на полу пульт, я тянусь, чтобы поднять его, и включаю телевизор.

– ...прямой эфир из Де-Мойна, штат Айова. Сегодня мы возьмем интервью у местных жителей по поводу их отношения о предстоящем визите президента в штат, – сообщает пожилой седовласый мужчина. Он стоит в центре Де-Мойна и, укутанный в длинное пальто и шарф, выглядит так, словно замерзает до смерти. Бедный парень. Почему они заставляют репортеров торчать на

улице? В последний раз, когда я общалась с Фрэнком, он сказал, что в Айове уже почти зима и была метель.

– Что смотришь? – Гаррет возвращается – с обнаженным торсом и полотенцем, обманным вокруг бедрах. Он бросает взгляд на телевизор. – Следишь за политикой?

– Нет. Терпеть не могу политику. Смотрю только потому, что они в Де-Мойне. Выборы – единственное время, когда Айова попадает в новости.

Он достает несколько вещей из шкафа.

– Мой отец одержим политикой. Он тратит кучу денег, поддерживая эти кампании. Я даже не знаю, что он получает взамен.

– О чём ты?

– Вся политическая ерунда вертится вокруг взяток и коррупции. А мой отец предоставляет доступ к банковскому счету, как и остальные при деньгах. – Гаррет поворачивается к телевизору, на экране которого выстраиваются на сцене четверо человек. – Видишь того парня? – Он указывает на мужчину среднего возраста с темными волосами, зачесанными назад, и с фальшивой улыбкой на лице. – У отцовском доме через несколько недель состоится кампания по сбору средств для него.

– Ничего не знаю об этом парне, но он походит на лжеца с фальшивой улыбкой и отбеленными зубами. Похоже, она у всех такая.

Гаррет надевает футболку, потом останавливается, держась за полотенце на талии.

– Я его сейчас сниму, так что тебе лучше отвернуться.

– Я смотрю телевизор и не взгляну в твою сторону. Даже если бы я что-то увидела, мне все равно.

– Ладно. – Полотенце падает вниз, и я сразу отворачиваюсь в сторону. Он усмехается. – Так и знал, что ты не станешь смотреть. – Я слышу, как он натягивает джинсы. – Всё, я готов.

Я снова смотрю на него, и он полностью одет. Гаррет подходит и садится на кровать.

– Чем хочешь заняться? Еще поспать? Позавтракать? – Он делает паузу. – Или объяснить мне, что случилось вчера вечером? Потому что мне кажется, нам нужно это обсудить.

– Нечего тут обсуждать.

– Ты бы не пришла на вечеринку, разве только в крайнем случае. Вчера вечером ты говорила что-то о своей матери и письме. Откуда оно у тебя?

Я молчу, не зная, хочу ли, чтобы он узнал о письме. Но первую часть истории я уже открыла ему ночью, так что он вполне может узнать и вторую.

– Письмо было в посылке, которую Фрэнк прислал мне на день рождения. Моя мама написала его, когда я была совсем маленькой. Я должна была получить его в случае, если с ней что-нибудь произойдет.

– Почему твоя мама вообще допускала подобное? Почему она считала, что может умереть в тридцать лет?

– Если я расскажу тебе, ты должен поклясться, что никому не проболтаешься, хорошо?

– Да. Давай.

– В том письме мама написала, что ее изнасиловали. А потом она узнала, что беременна мной.

Он кивает.

– Да, ты говорила вчера вечером. Выходит, она никогда не рассказывала тебе?

– Нет. Никогда. И это еще не все. Она сообщила, что человек, створивший с ней такое, подкупил полицию, работников больницы – практически все, чтобы скрыть содеянное. А потом кто-то позвонил ей с угрозами. Когда она рассказала обо всем адвокату, то через несколько дней дом ее родителей взорвался, и они погибли. Она боялась стать следующей.

Гаррет молчит, так что я продолжаю:

– Не знаю, стоит ли всему этому верить, но зачем ей выдумывать такое?

– Как она познакомилась с тем типом? Он знали друг друга?

– Она подрабатывала стажером в политической кампании и изучала в колледже политологию. Тот тип работал на кампанию в другом штате. Она не сказала, как его звали.

Гаррет снова молчит.

– Гаррет? Ты как-то притих. Скажи что-нибудь.

– Думаю, тебе следует выкинуть это письмо из головы. Другими словами, тот тип совершил преступление, и это не должно было сойти ему с рук, но ситуация такова, что ты ничего не можешь с

этим поделать.

— Знаю, но мне нужно поговорить с Фрэнком. В то время он дружил с моей мамой. Мне нужно знать, был ли он в курсе.

— Зачем? Что тебе это даст, Джейд?

— Потому что есть шанс, что она не хотела быть такой. Может, моя мама понятия не имела, как справиться со случившимся. Мне нужно докопаться до истины. Моя мама ненавидела меня, Гаррет. Каждый день она смотрела на меня с отвращением, и я никогда не понимала, в чем провинилась. — Я чувствую подступающие слезы, но сдерживаю их. — Я не могла понять, как мать может настолько ненавидеть собственную дочь.

Гаррет находит мою руку в широченном рукаве свитера.

— Все из-за ее зависимости. Не из-за тебя. Она не ненавидела тебя. Ты не сделала ничего плохого.

— Я должна знать правду. Ты советовал встретиться с прошлым лицом к лицу, чтобы двигаться дальше. Именно это я и делаю.

— Знаю, но... — Он умолкает.

— Но что? — Я сажусь и прислоняюсь к спинке кровати.

— Мне это не нравится. Не нравится то, что он смог подкупить копов. С такими людьми лучше не связываться.

— Я ни с кем не связываюсь. Просто задаю вопросы и пытаюсь понять, что из написанного в письме было правдой.

— Вопросы приведут лишь к новым вопросам, а потом ты захочешь узнать еще больше. Поверь мне, лучше не ворошить прошлое. Это опасно.

— Почему? Я же не собираюсь искать того человека.

— Кем бы он ни был, он наверняка платит кое-каким людям, чтобы его секреты не выплывали на поверхность. Чтобы они разбирались с теми, кто начнет задавать вопросы. Так это работает.

— Откуда тебе это известно? Тайно вращаешься в преступных кругах? Состоишь в какой-то преступной организации и забыл сообщить мне об этом?

Он вздыхает.

— Это не смешно. Я серьезно. Помнишь, когда мы только познакомились, я рассказал, что моя семья занимается вещами, в которые я не хочу быть замешан?

— Да, но я все еще не понимаю, что это значит.

— Это значит, они получают то, что хотят. Как тот тип. Они делают все, чтобы скрыть вещи, о которых никто не должен узнать. И ради этого они готовы на все, Джейд. На все.

— Ладно, прекрати. Ты меня пугаешь.

— Я просто хочу, чтобы ты хорошенько подумала, прежде чем разговаривать с Фрэнком или искать информацию в интернете. Задумайся, действительно ли это поможет тебе.

— Хорошо, я подумаю. — Я свешиваю ноги с кровати и сажусь рядом с ним. — Наверное, мне пора идти.

Он обнимает меня за плечи.

— Слушай, прости, что вчера вечером меня не было рядом. В следующий раз звони мне на сотовый, и я тут же приду, хорошо?

— С чего ты вообще разговаривал с Авой?

— На днях отец позвонил ей и стал спрашивать о тебе и о том, виделся ли я с тобой за последнее время. Я спросил Аву, шпионит ли она снова за нами, чтобы докладывать моему отцу. Она все отрицала, но с ней не угадаешь, врет она или нет.

— Я сильно напортачила вчера, Гаррет. Обещала себе никогда не пить и не сдержала слово. Я даже не вспомнила о своем обещании.

— Ты напилась всего один раз. Это не значит, что ты алкоголик.

— У меня есть дурная наследственность. Мне нельзя рисковать. Не хочу кончить, как она.

— И не закончишь. Так что выкинь эти мысли из головы.

Я встаю, и с меня начинают сползать штаны. Я тут же, посмеиваясь, подтягиваю их обратно.

— Думаю, мне нужна моя одежда. Я не могу выйти из комнаты в таком виде.

— Она еще не успела высокнуть. Я спущусь в твою комнату и что-нибудь принесу. — Подхватив хватает ключи от моей комнаты, Гаррет уходит и вскоре возвращается с моими

джинсами, черным свитером, нижним бельем и лифчиком.

– Гаррет, ты копался в ящике с моим нижним бельем?

– А ты бы предпочла надеть влажное белье с прошлого вечера?

– Нет, но все же. Как-то неловко. Отвернись, пока я переодеваюсь.

Когда я заканчиваю, он внимательно рассматривает меня с головы до пят.

– Так-то лучше.

– По крайней мере, теперь я могу вернуться в свою комнату. Но мне нужен душ. Чувствую себя отвратительно.

– Тогда прими душ, а потом я отведу тебя на завтрак.

– Не могу. Мне нужно позвонить Фрэнку. Знаю, ты считаешь, что я не должна, но мне нужно задать ему пару вопросов.

– Иди сюда. – Он усаживается на кровать и ждет, пока я подойду к нему. – Я не пытался указывать, что тебе делать. Мне просто хочется, чтобы ты была осторожной, – он улыбается, – и, думаю, Фрэнк может подождать до конца завтрака.

– Возможно. Пойду собираться. Приходи минут через десять. – Я собираюсь уходить, но он ловит меня за руку.

– И еще кое-что. Как думаешь, мы могли бы еще раз это повторить?

– Повторить что?

– Ночевку вместе. Мне понравилось.

– Как она могла тебе понравиться? Кровать такая тесная, что вряд ли тебе удалось высаться рядом со мной.

– Ты не занимаешь не так уж много места, Джейд. Я никогда так хорошо не высыпался. И я не против очередного крепкого сна. Я даже позволю тебе надеть свой свитер.

– Возможно. Надо подумать. – На самом деле, мне не нужно думать об этом, просто я не хочу показаться слишком доступной.

– А над чем тут думать? – Он притягивает меня к себе на колени.

– Ну, во-первых, это идет вразрез с нашим соглашением о дружбе. С друзьями обычно не спят в одной кровати.

Он обдумывает мои слова.

– Ну, а если бы ты не была моим другом?

– То есть?

– Что, если бы мы стали больше, чем просто друзья?

– Нам нельзя, помнишь?

– Мне плевать на это.

– Гаррет, ты же сам говорил, что твой отец должен одобрить девушку, с которой ты хочешь встречаться.

– Мне до чертиков надоело играть по правилам моего отца, Кэтрин и их друзей в обществе. Пусть катятся к черту. – Он берет меня за руку и целует ее. – Так что ты ответишь? Ты пойдешь со мной на свидание?

– Я и так постоянно хожу с тобой куда-нибудь.

– Но не на свидание. Мы гуляли просто как друзья. Я же приглашаю тебя на свидание.

– Это очередной способ заставить меня разрешить тебе оплатить завтрак?

– По нашему соглашению я и так это делаю.

– Только по воскресеньям. А сегодня суббота.

Он вздыхает.

– Ладно, можешь заплатить за свой завтрак сама. Но он не в счет. Я хочу сводить тебя на настоящее свидание.

– И ты считаешь, что так заставишь меня провести здесь еще одну ночь?

Он запрокидывает голову.

– Сколько еще вопросов ты задашь, прежде чем дать ответ? Это просто свидание. Ничего сложного.

Я принимаю задумчивый вид.

– Хорошо. Я схожу с тобой на свидание. На одно. И все. Если ты не будешь слишком назойливым или не наскучишь мне до жути, то, возможно, я соглашусь и на второе. Но пока ничего не обещаю.

Гаррет закатывает глаза.

– Я постараюсь.

– И я, возможно, снова могу спать с тобой рядом, если, знаешь, замерзну, что весьма вероятно, поскольку на улице практически зима.

– А просто ответить нельзя? Обязательно добавлять парочку условий пополам с оскорблениеми?

– Просто держи в узде свое это, смазливый мальчик.

– Смазливый мальчик?

– Ага. – Я смеюсь. – Кстати, это Райан придумал. Кажется, по имени он тебя ни разу не называл.

– Я не смазливый мальчик. Какого черта?

– Именно такой. Идеальное лицо, идеальное тело, идеальные зубы. Это бесит.

– Хм. Больше похоже на комплимент.

– Однако это не он. Видишь, какое у тебя огромное это? – Я поднимаюсь с его коленей. – Я хочу есть. Я очень проголодалась.

– Ладно, спущусь через пару минут.

Когда я возвращаюсь к себе, то вижу, что письмо так и валяется на полу на том месте, где я его оставила. Меня тянет перечитать его вновь, но я не хочу испортить себе настроение. Я только что провела самую лучшую ночь в жизни – после самой худшей ночи в жизни. Не знаю, как такое вообще возможно.

Вчера вечером на вечеринке я побывала на самом дне, но каким-то образом Гаррету удалось помочь мне. Более того, он заставил меня что-то почувствовать после того, как я упорно пыталась отключить все эмоции. Благодаря ему я ощущала себя желанной и нужной. Не понимаю, каким образом кто-то может влиять на меня вот так, но не хочу, чтобы этот «кто-то» исчез из моей жизни.

23

Ровно через десять минут Гаррет появляется у меня, держа в руках влажную одежду.

— Вот, ты забыла. — Он вручает одежду мне. — И его тоже можешь забрать. — Он протягивает свой свитер.

Я бросаю влажную одежду на пол и выхватываю у него свитер.

— Но ты говорил, что не отдашь его.

— Я пошутил. Ладно тебе, Джейд. Будто мне не наплевать, что ты заберешь у меня свитер.

— Спасибо. — Я быстро его обнимаю. Похоже, я все никак не могу бросить эту штуку с объятиями. Не могу остановиться.

— Всегда пожалуйста. Итак, где ты хочешь позавтракать? Может, заглянем к Элу? Знаю, мы собираемся туда завтра, но...

— Нет, Эл только по воскресеньям. Иначе это испортит традицию. Давай просто поедим здесь. Необязательно куда-то идти.

— Фу. Ненавижу столовую, особенно ее завтраки. Яйца там как резиновые.

— Там хорошая еда. Просто ты избалованный.

Гаррет замечает лежащее на полу письмо.

— Это оно? То самое письмо?

— Да. — Я поднимаю его и убираю в ящик письменного стола. — Не хочу думать о нем сейчас. Давай просто позавтракаем.

Несмотря на протесты Гаррета, мы завтракаем в столовой. Несколько минут спустя к нам присоединяется Ава, одетая в черные штаны для йоги и розовый топик; ее волосы убраны назад с помощью ободка.

— Что у тебя стряслось вчера вечером? — Она занимает место рядом с Гарретом, делая вид, будто меня не существует, и придвигается к нему до тех пор, пока не оказывается почти вплотную. — Ты ушел с вечеринки и не вернулся.

— У меня были дела поважнее. — Не глядя в ее сторону, Гаррет гоняет вилкой яйца по тарелке. — Какое тебе дело? Ты еще что-то хотела мне рассказать?

Взгляд Авы скользит по мне и замирает. Склонившись к Гаррету она что-то шепчет ему на ухо.

Он тут же отодвигается от нее.

— Ава, мы с тобой закончили.

Поднявшись, она наклоняется так, что практически подсовывает свои фальшивые буфера ему под нос.

— То же самое могу сказать про тебя, Гаррет. Если хочешь, чтобы при твоем отце я держала рот на замке, начинай вести себя как настоящий бойфренд.

— В чем твоя проблема, Ава? — Слова вылетают прежде, чем я успеваю закрыть рот. Наблюдать, как она виснет на Гаррете, выше моих сил. — Какое тебе дело до того, чем мы с Гарретом занимаемся?

Она склоняет голову набок и надувает свои блестящие розовые губки.

— Ох. До маленькой бедной сиротки не доходит. Гаррет, тебе стоит ввести ее в курс дела. Не нужно позволять ей и дальше вести себя так. Печальное зрелище.

Гаррет встает и поворачивается к ней.

— Убирайся. Сейчас же.

Ава улыбается, довольная собой, и уходит.

Я наклоняюсь над столом.

— Откуда она узнала, что у меня нет родителей? От тебя?

— Думаешь, я стал бы ей рассказывать про тебя? Или про нас?

— Тогда откуда она знает?

— Все в курсе. Это не такой уж и большой секрет. Люди в округе живут сплетнями. Они всегда стараются накопать как можно больше информации об окружающих. Не только о тебе. Обо всех.

Я оглядываюсь на столик Авы. Сидя рядом со Сиеррой, она проверяет сообщения на телефоне.

– Она ненавидит меня, да? Сиерра уж точно.

– Просто радуйся, что они оставили тебя в покое. Обычно, если они решают, что человек им не нравится, то превращают его жизнь в ад. Меня тошнит от того, как они обращаются с людьми. Они часто поступали так в школе, но здесь вряд ли на это осмелятся. И уж точно не провернут эту хрень с тобой.

– Хочешь сказать, они что-то замышляют?

– Когда ты здесь появилась, они планировали прикинуться милыми, пригласить тебя на ужин, а потом бросить неизвестно где. В темноте. И это был лишь первый день.

– И они тебе об этом рассказали?

– Сиерра трепалась об этом на вечеринке, на которую я приглашал тебя. Я пригрозил ей, что если они с Авой что-нибудь сделают с тобой, то будут иметь дело со мной.

– Не надо было этого делать, Гаррет. Я и сама могу с ними справиться. Ты мог бы просто сообщить мне, что они замышляют, и я бы с ними разобралась.

– Тебе не справиться с такими вещами одной. Я же говорил тебе. Это игра. Взятки, шантаж – единственное, что сможет их приструнить.

– Ты что, подкупил их?

– Не пришлось. Моя семья практически управляет колледжем. Жертвует кучу денег. Отец и дед входят в состав всех советов и комитетов. У них огромное влияние. – Он бросает взгляд в сторону Сиерры и Авы. – Если я захочу, этих двоих легко исключат отсюда. Ну, может, не Аву. По крайней мере, не сейчас.

– Почему? Что такого она тебе сказала? И почему она хочет, чтобы ты вел себя с ней как настоящий бойфренд?

С другого конца столовой до нас долетает смех Авы. Гаррет поднимает поднос.

– Не могу больше здесь находиться. Пошли.

На обратном пути в мою комнату он молчит.

– Ладно, Гаррет, я знаю, ты что-то скрываешь. В чем дело?

Он садится на стул и, откинувшись на спинку, начинает постукивать карандашом по столу.

– Отец или, скорее всего, Кэтрин, считает, что мне пора завести новую фальшивую подружку. Похоже, Кортни не слишком помогает разводить в прессе фурор вокруг фамилии Кенсингтонов, поэтому ее заменили Авой.

– Почему именно Авой?

– В прошлом году она снималась в каком-то дурацком реалити-шоу, и ее много фотографировали на мероприятиях.

– Когда ты об этом узнал?

– Ава сообщила мне на вечеринке. Я не поверил ей и потому позвонил отцу, но он все подтвердил. Сказал, что это была их с Кэтрин идея, но мне-то прекрасно известно, что все придумала Кэтрин.

– И как отреагировали родители Авы?

– Они целиком и полностью за. Вообще, они хотят, чтобы мы с Авой встречались по-настоящему. По какой-то причине я им нравлюсь. Не имею ни малейшего представления, почему. Я едва с ними знаком.

– Почему ты не рассказал мне вчера?

– Вчера у нас и так было о чем поговорить. – Он замечает на моем лице недоверие. – Клянусь, я хотел рассказать тебе. Просто хотел подождать, пока ты не свяжешься с Фрэнком.

Не знаю, можно ли ему верить.

– Ты еще не рассказал, чего она нашептала тебе в столовой.

– Нам обязательно обсуждать это? Просто забудь и все.

Я стою перед ним, полная решимости получить ответы на все свои вопросы.

– Мне не понравилось, как она шептала тебе на ухо. Что бы она тебе ни сказала – тебя это взбесило. Просто поделись со мной.

Он откладывает карандаш в сторону и складывает руки на груди.

– Ты сама все слышала. Она хочет, чтобы я притворялся ее бойфрендом. В противном случае она снова начнет доносить о нас моему отцу.

– То есть? Она хочет, чтобы ты водил на свидания?

– Э-э. Нет. Для этого у нее есть куча других парней. Они же пусть удовлетворяют и другие

ее потребности, потому что я ни за какие коврижки не стану этого делать.

– Стоп. Так она хочет, чтобы ты с ней переспал?

– Это шантаж, Джейд. Ава может добиться секса от кого угодно. Для этого я ей не нужен.

– Подожди. Давай проясним ситуацию. Значит, если ты с ней переспишь, то она не разболтает о нас твоему отцу. Но, если ты *все-таки* переспишь с ней, то о нас не может быть никакой речи. В такой логике нет никакого смысла.

Он смеется, и напряжение между нами спадает.

– Да, умом она не блещет. Просто ведет себя как сучка, потому что ей не нравится сам факт, что я с тобой.

– Она что, не знает, что мы не встречаемся? Скажи ей, что мы просто друзья.

Слегка улыбнувшись, он рассматривает меня своими потрясающими голубыми глазами.

– Ава заметила, что мы с тобой не просто друзья.

– О чём ты? Мы же не целовались в коридоре или что-то типа того.

Гаррет берет меня за руки.

– Джейд, кроме тебя, весь мир видит, что я без ума от девушки из Айовы, которая постоянно бегает и имеет нездоровое пристрастие к картофельным чипсам.

– А я знакома с этой девушкой? Потому что мне кажется, она классная. Думаю, я могла бы с ней подружиться. – Глупый ответ, но я не ожидала от него таких милых слов и потому занервничала.

– Не знаю, что ты со мной делаешь, но все написано у меня на лице, раз уж все в курсе о моих чувствах к тебе. Не только Ава.

– А на моем лице что-нибудь написано? – Я поворачиваю голову то вправо, то влево.

Он накрывает ладонью мой подбородок, удерживая меня на месте.

– Нет, потому что ты еще не влюбилась в меня. Мне пока не удалось тебя завоевать. Но я работаю над этим. – Он дарит мне быстрый поцелуй.

Гаррет полностью покорил меня, и я отчаянно стараюсь скрыть это. Не знаю, почему. Может, потому что до сих пор не доверяю ему.

Я отстраняюсь и, распахнув шторы, впускаю в комнату свет.

– Когда стартуют эти ваши фальшивые отношения?

Он вздыхает.

– На следующей неделе состоится благотворительный аукцион, на который нам нужно придти. Если что, он проходит днем, и нам придется пробыть там всего лишь час. Нас с Авой сфотографируют, а потом я уйду. Но через пару недель меня наверняка заставят пойти с ней на сбор средств у нас дома.

– Звучит увлекательно, – произношу я с сарказмом.

– Ага, знаю.

Я ложусь на кровать и рассматриваю огоньки. Они не включены и тем не менее поднимают мне настроение, поскольку Гаррет, развесивая их, проделал невероятную работу.

– Она наверняка напоит тебя и воспользуется моментом.

Гаррет ложится со мной рядом и устремляет взгляд в потолок.

– Я больше не напиваюсь. – Он переплетается со мной пальцами. – И единственный человек, который может воспользоваться моментом, сейчас лежит рядом.

Мои губы изгибаются в улыбке, и у меня появляется странное чувство, которое я не могу объяснить. Чувство, к которому я еще не привыкла, но которое стремлюсь испытать снова и снова.

– Джейд? – Он продолжает смотреть вверх.

– Гаррет? – отвечаю я ему в тон.

– Проясню на всякий случай: ты мне нравишься. Очень сильно.

Я улыбаюсь еще шире.

– Ты мне тоже нравишься.

Мы лежим в тишине. Я знаю, надо бы позвонить Фрэнку, но еще я знаю, что это отнимет все то хорошее, что я испытываю сейчас, тогда как мне хочется еще несколько минут этого блаженства.

– Похоже, мы задремали. – Гаррет садится и проверяет часы. Потом толкает меня. – Мы только что проспали целый час.

– Правда? А по ощущениям нет. – Я встаю с кровати. – Надо позвонить Фрэнку. Нельзя больше откладывать.

Гаррет подходит ко мне.

– Хочешь, чтобы я остался, пока ты будешь с ним разговаривать?

– Нет, я должна сделать это в одиночку.

В одиночку. Снова это выражение. Только так я постоянно поступаю.

– Хорошо. Если что, я буду наверху. – Он протягивает ко мне руки. – Но сначала время для практики.

– Фу, опять? – издаю я стон, опустив плечи и притворяясь раздраженной.

Он обнимает себя моими руками.

– Чтобы не разучиться, Джейд. А теперь обними-ка меня покрепче.

Я нервничаю из-за предстоящего разговора с Фрэнком и потому крепко обнимаю Гаррета. Что, если он знал о маме и никогда не говорил мне? Неужели он стал бы скрывать от меня нечто подобное?

Гаррет терпеливо ждет, пока мне надоест обниматься, и спустя несколько минут я его отпускаю.

– Больше практики, – произносит Гаррет, целуя меня в макушку. – Поднимайся ко мне, когда закончишь.

Когда он уходит, я закрываю дверь и достаю письмо из ящика письменного стола. Сажусь за стол и набираю Фрэнка.

– Алло? – Его голос кажется усталым.

– Привет, Фрэнк. Это Джейд.

– Привет. Разве у тебя нет планов на вечер? – Фрэнк громко кашляет в трубку.

– Нет, у меня нет планов. Ты не заболел?

– Да, проснулся с простудой с утра. Видимо, перенапрягся.

– Ты куда-то уходил вчера? Я звонила, но ты не брал трубку.

– Девушка Райана настояла на том, чтобы я сходил с ними в кино. Мне не хотелось портить им свидание, но она продолжала настаивать. Хлоя очень приятная девушка. Очень внимательная. Надеюсь, у них все будет хорошо.

– Ого, ты не был в кино сто лет.

– Да, знаю. Хлоя права. Надо почаще куда-нибудь выбираться. Вчера я хорошо провел время. А ты чем-нибудь занималась прошлым вечером со своими друзьями?

– Хм, да. – Чисто формально, Гаррет – друг, так что это не ложь.

– И чем же?

– Просто гуляли.

– Ты и Харпер? Я думал, по пятницам она ходит на вечеринки.

Разговор начинает немного раздражать меня. Хотелось бы поскорей с ним покончить. Либо он знает историю моей матери, либо нет. Я принимаюсь бродить по комнате, но короткий телефонный шнур ограничивает движения, поэтому я останавливаюсь и накручиваю его на палец.

– Харпер была на вечеринке, поэтому я гуляла с Гарретом.

Пауза.

– Что ж, надеюсь, ты хорошо провела время. – Фрэнк явно все еще недолюбливает Гаррета из-за того, что тот какое-то время игнорировал меня. Он не в восторге от того, что я снова впустила Гаррета в свою жизнь.

– Фрэнк, мне нужно спросить тебя кое о чем. – Я так нервничаю. Что бессмысленно. Это всего лишь Фрэнк. Он мне почти как отец.

– Давай. О чём ты хочешь меня спросить?

– Я... хм... я открыла тот конверт, что ты мне прислал. С письмом от мамы.

– Да? – Он снова отстраняется от трубки и откашливается. – И о чём оно было?

– Ну, далеко не о ее мечтах и надеждах на мой счет. В нем было странного. Не знаю, стоит ли верить тому, что там написано. – Я беру в руки письмо со знакомым почерком. Один лишь его вид заставляет меня содрогнуться. – Мама написала, что во времена учебы в колледже, когда она работала в политической кампании, на нее напал мужчина. Она написала, что он... хм... он ее изнасиловал. Вот почему я звоню.

Я слышу какой-то непонятный звук, похожий на падение телефонной трубки.

– Фрэнк? Ты тут?

Вновь появляются помехи, а потом он снова подает голос.

– Что еще было в письме? – Его голос кажется сердитым.

– Она написала, что мужчина бросил ее почти в предсмертном состоянии на обочине, и что, когда она очнулась в больнице, ее словам никто не поверил. Даже полиция. И врачи. Никто. А потом стали поступать телефонные звонки с угрозами.

Фрэнк молчит. Слышно только его тяжелое дыхание.

– Она написала, что этот кто-то намеренно подстроил взрыв в доме ее родителей. Но насколько я помню, ты говорил, что они погибли при пожаре. Разве не так?

Его дыхание учащается, из-за чего он вновь закашливается.

– Фрэнк, ты меня слышишь?

– Да. – Он простирает горло.

– Так что скажешь? – Он не отвечает, и в животе у меня все завязывается узлом. – Почему ты молчишь?

Тишина продолжается. Я гадаю, не упал ли он в обморок, но затем до меня вновь доносится его тяжелое дыхание.

– Фрэнк, ты все это знал?

Очередная долгая неловкая пауза, после чего он наконец-таки отзыается:

– Да, Джейд. Я обо всем знал.

– Что? – Спиной к стене я оседаю на пол, продолжая сжимать письмо.

– В то время мы с твоей мамой дружили.

– Я знаю, что вы были друзьями, но в письме говорится, что больше она никому не рассказывала. Ну, она сообщила полиции и врачам, но ей никто не поверил. – Я бегло перечитываю письмо. – Она пишет, что единственными людьми, с которыми она поделилась, были ее родители, психолог и... – я нахожу абзац и читаю его еще раз – ...и журналисту в газете. – Меня пронзает догадка. – Этим журналистом был ты?

– Прежде всего я был ее другом, Джейд. Потому она мне и рассказала. Но, да, я был журналистом. Работал в газете, освещал выборы. Твоя мать надеялась, что я смогу убедить редактора напечатать ее историю и тем самым заставить того типа признаться. Но у меня ничего не вышло. Не было доказательств. За все прошедшие годы я никому и никогда не рассказывал историю твоей матери.

– Но все, кто знал, или хранили молчание, или были... – Я переворачиваю письмо.

– Убиты. – Его голос холоден. Это даже не похоже на Фрэнка.

В телефоне стоит тишина. Я с трудом обретаю голос.

– Значит, мои бабушка с дедушкой... это был не несчастный случай?

– Нет. Тот человек знал, что они не станут молчать. К тому же их гибель была предупреждением для твоей мамы, чтобы она держала рот на замке.

– Почему он просто не убил ее? Не понимаю.

– Я тоже. Никогда этого не понимал. К счастью, он не узнал, что она обо всем рассказала мне. Иначе сейчас я бы наверняка с тобой не разговаривал.

– Фрэнк, ты меня пугаешь. Что случилось в действительности? И почему ты никогда не рассказывал мне правду? – Теперь у меня дрожат руки, и письмо падает на пол.

– Я не предполагал, что твоя мать станет втягивать тебя во все это. Если бы я знал, что в том письме, то никогда бы... – Он замолкает.

– Никогда бы что? Не отдал его мне? – Я поднимаюсь на ноги. Во мне вновь бурлит гнев. – Почему ты скрывал это от меня?

– Все в прошлом, Джейд. И пусть там оно и остается. – В его тоне звучит решимость и почему-то угроза.

– Да что с тобой? Почему ты себя так ведешь? Объясни, что произошло. Моя мать была сумасшедшей, значит половина написанного наверняка неправда, верно?

– Там все правда. И твоя мать была в здравом уме, когда писала тебе письмо. Тогда она еще не начала выпивать. Она была такой же адекватной, как ты и я.

24

– Тогда что с ней произошло? Как она стала тем человеком, с которым я выросла? Все из-за того, что он с ней сделал? Или потому, что ее прозвали лгуньей и угрожали ей, если она расскажет правду? Я не понимаю. Только это хоть как-то оправдывает ее поведение. Она просто не выдержала, да?

– Не в том дело. Твоя мать была одной из самых сильных женщин, которых я когда-либо знал, во всяком случае, тогда.

– Если так, то почему она стала принимать таблетки и злоупотреблять алкоголем?

– Просто выкинь это из головы. Все кончено. Твоей матери нет в живых. Нет нужды поднимать на поверхность то, что произошло почти двадцать лет назад.

– Фрэнк, как ты можешь так говорить? Ты же знаешь, я всю свою жизнь пыталась понять причину ее поведения, я боялась, что однажды стану... – Мне не приходится заканчивать это предложение.

– Ты не повторишь ее путь, Джейд. Она не виновата в том, что стала такой. Просто это оказалось выше ее сил. Она не смогла этого преодолеть.

Мне нужна минута, чтобы переварить его слова.

– Все сказанное тобой нелогично. Я даже не понимаю, что ты пытаешься до меня донести.

– Дорогая, знаю, тебе всегда казалось, что твоей матери плевать на тебя и что она никогда тебя не хотела, но это абсолютно не так. Я говорил тебе это много-много раз.

– Ага. И это ложь. Ты же видел, как она угрожала мне. Она ненавидела меня. И теперь я знаю причину. Я была для нее напоминанием о той ночи.

– Послушай меня. – В его голосе звучит гнев. – Родив тебя, твоя мать рисковала собственной жизнью. Если б она тебя не хотела, то приняла бы его деньги и избавилась от тебя, как он ей и приказал. Но вместо этого она девять месяцев пряталась, чтобы родить тебя. Она хотела тебя больше всего на свете. Она мечтала стать матерью. А они отобрали у нее даже это.

– Кто именно? Мой отец? Кто он? Что ты о нем знаешь?

– Ничего.

– Тебе бы она призналась, Фрэнк. Когда она рассказывала тебе о нападении, то наверняка называла его имя.

Его снова одолевает приступ кашля.

– Мне нужно попить. Сейчас вернусь.

В горле у меня стоит огромный ком, а уголках глаз скапливаются слезы, но пока я пытаюсь их сдерживать. Фрэнк только что признался, что все эти годы лгал мне. Сколько раз я убегала к нему домой и просила объяснить, почему она так себя ведет, но он ни разу не отвечал мне. Просто молча выслушивал. Он и сейчас ничего толком не говорит. Только добавляет в мои мысли сумятицу.

Фрэнка так долго нет, что мне начинает казаться, что он не вернется. Но потом я слышу, как он поднимает трубку.

– Я здесь. Что ты еще хочешь узнать? – Теперь его голос звучит спокойнее, но я чувствую, что он на пределе. Он больше не хочет обсуждать эту тему.

– Я хочу узнать все. Кто мой отец и что еще тебе известно о моей маме.

Фрэнк глубоко вздыхает, а затем на выдохе снова захочится кашлем.

– Ответы тебе ничем не помогут, Джейд. Сейчас у тебя прекрасная жизнь. Ты двигаешься дальше. Нет никаких причин ворошить прошлое.

Ворошить прошлое. Его слова напоминают мне о недавних словах Гаррета... *Лучше не ворошить прошлое. Это опасно.*

– Почему ты не говоришь мне правду? Мне угрожает опасность?

– Если продолжишь допытываться, – он колеблется, – то да, ты можешь оказаться в опасности.

От его слов и тона у меня мороз по коже.

– Тогда почему бы тебе просто не дать ответы, чтобы мне не пришлось продолжать поиски? Поговори со мной, Фрэнк. Мне не нравится, что ты так загадочно себя ведешь – будто тебе что-то известно, но ты мне не договариваешь. Так нечестно, и это пугает меня. У меня есть право знать

правду. Мама бы не написала это письмо, если бы не хотела, чтобы я узнала все, что с нею произошло.

— Я понятия не имею, почему она его написала. С ее стороны это было беспечный поступок. Ей следовало вести себя осторожнее. Если бы кто-то узнал... — Внезапно он замолкает.

— Узнал что?

— Ты слышала? — В голосе Фрэнка появляются безумные нотки.

— Что именно?

— Щелканье в трубке.

— Нет, я ничего не слышала. Так о чем ты говорил?

Он молчит, к чему-то прислушиваясь.

— Неважно. Послушай меня. Забудь эту историю. Просто отпусти ее. Не ищи ответов. Они тебе не помогут.

— Почему все твердят одно и то же?

— Кто «все»? Ты еще кому-то рассказала?

— Я сказала Гаррету. А что?

— Черт побери, Джейд! Зачем ты это сделала? — Фрэнк ругается так, словно я должна была предугадать, что никому нельзя говорить. — Это не тема для разговоров. Ты меня понимаешь?

— Нет! Не понимаю! Ты ничего мне не рассказываешь, и это меня бесит! — Я кричу на него, и мне тут же становится стыдно. Его поведение злит меня, но рассердится на него по-настоящему не получается. Я всегда к нему так относилась. Словно нельзя злиться на человека, который столько всего для меня сделал.

— Мне очень жаль, но поверь мне. Ты обязана выкинуть это из головы.

Мы оба молчим, и я понимаю, что если наш разговор затянется еще хоть на секунду, то я скажу нечто такое, о чем потом стану жалеть.

— Мне нужно учиться. Созвонимся позже. Пока, Фрэнк.

Я кладу трубку. Мое тело ноет от желания двигаться. Мне нужно избавиться от бушующих во мне тревоги, гнева и замешательства. Почему Фрэнк соврал мне? Почему он что-то скрывает от меня? Если я в опасности, почему он просто не может сказать, что именно меня ожидает или кто за мной следит? Я-то думала, что небезразлична Фрэнку. Но, похоже, не настолько, чтобы раскрыть мне правду. Я так и знала. В этом мире никому нельзя доверять. Даже близким.

Гаррет ожидает меня наверху, чтобы узнать, как все прошло, но прямо сейчас я не могу с ним разговаривать. Переодевшись в спортивные штаны и кофту, я выхожу на улицу. Там оказывается гораздо холоднее, чем я ожидала. Сейчас, наверное, всего пять градусов, и дует ледяной ветер. Но это даже хорошо. Холод позволит разуму отвлечься на потребности тела и перестать думать о Фрэнке или о том дурацком письме.

По холму я спускаюсь к дорожке. Она еще мокрая после дождя. Землю устилают влажные листья, и я стараюсь не наступать на них, чтобы не поскользнуться и не упасть.

Темное угрюмое небо напоминает о Хэллоуине. Скоро все будут пить и веселиться — еще больше, на вечеринках накануне.

Гаррет так и не рассказал мне о своих сегодняшних планах. Интересно, пойдет ли он на очередную тусовку. Как правило, субботы мы проводим вместе, но сегодня такое масштабное мероприятие, что Блейк наверняка заставит его пойти туда, шантажируя тем, что в случае отказа разболтает о нас его отцу.

При мысли о том, что Гаррет будет проводить время с Блейком, я ускоряю темп. Терпеть не могу этого парня. Я и раньше имела дело с придурками, но что-то в Блейке не дает мне покоя. Одно из тех предчувствий, которые, по сути, бессмысленны, но все же терзают тебя, подсказывая, что что-то не так.

Колючий ветер пробирается под одежду. Мышцы изнывают, умоляя меня вернуться в тепло. Всему свое время. Я по-прежнему очень зла на Фрэнка. Настолько, что от ярости не спасает даже пробежка. Я так на него рассчитывала. Он все, что у меня есть. Через пару лет Райан заживет собственной жизнью. Женится и, возможно, заведет детей. Он забудет обо мне, и тогда в моей жизни останется только Фрэнк. А теперь я и ему не могу доверять.

Пытаясь взять себя в руки, я концентрируюсь на дыхании. *Нельзя полагаться на окружающих, Джейд. Они подведут тебя.* А вот и он — ее голос у меня в голове. И она совершенно права. Нельзя рассчитывать на окружающих. И тот факт, что она права, невероятно меня раздражает.

Мир моей матери был мрачным и грустным. Раньше я твердила себе, что ее слова были всего

лишь отражением ее существования. Что они не соответствовали действительности. Что в реальности мир был намного лучше. Я не могла жить в том мире, что описывала мне мать. Но теперь я понимаю то, о чем она твердила. Мрачный. Одинокий. Опасный.

– Джейд. – Я поднимаю взгляд и замечаю на обочине Гаррета. На нем куртка и шарф.

Я побегаю к нему.

– Не могу сейчас говорить. Увидимся завтра утром, ладно?

Не знаю, почему, но я злюсь и на Гаррета тоже.

Я поворачиваюсь, чтобы продолжить пробежку, но он удерживает меня за руку.

– Завтра? О чём ты? Я думал, мы проведем вместе день.

– Отпусти меня. – Я вырываю руку.

– Ты поговорила с Фрэнком?

– Да. А теперь отпусти! – Пронизывающий ветер остужает пот, и я начинаю дрожать.

– Выходит, все прошло плохо. Ты поэтому морозишь тут свою задницу?

– Я не хочу об этом говорить. Мне нужно бежать. Увидимся позже.

– Хватит на сегодня. Ты одета не по погоде. На улице не май месяц. Пошли. – Он крепко обнимает меня и начинает стаскивать с дорожки.

Я выдергиваю руку.

– Черт побери, Гаррет! Какого хрена ты не оставил меня в покое? Меня это уже достало! – Я кричу на него, а вокруг нас воет ветер. Мои щеки настолько замерзли, что мне сложно выговаривать слова.

– Достало что?

– Да то, что ты вечно пытаешься меня спасти! Меня достало то, что ты суешь свой нос в мою жизнь! Достало, что ты считаешь, будто знаешь, что для меня лучше!

Пытаясь понять, что происходит, он пристально всматривается в мое лицо. Я прекрасно осознаю, что обижаю его, и чувствую груз вины на плечах. Нет никакого повода для скандала. Тогда почему я так поступаю? Почему я кричу на единственного человека, который является лучиком света в моей жизни? Почему я так себя веду?

– Просто уйди! Оставь меня, Гаррет! Мне нужно побывать одной!

Мне нужно ровно обратное. И все же я прошу, нет, умоляю его об этом!

Я стою и жду, когда он накричит на меня в ответ. Жду, когда он скажет, что я не стою его усилий. Жду, когда он развернется и уйдет, поклявшись себе никогда больше не связываться с сумасшедшей девчонкой, стоящей перед ним. Но вместо этого он снимает куртку, надевает ее на меня и застегивает. Развязывает шарф и обматывает его вокруг моей шеи. Затем крепко обнимает меня за плечо и подталкивает вперед, заставляя идти. В смятении я иду за ним и при этом чувствую невероятное облегчение от того, что он взял ситуацию под контроль, тогда как я напрочь его утратила.

По дороге он молчит. Сложно сказать, злится ли он, разочарован или просто хочет бросить меня в комнате и никогда больше со мной не разговаривать. Уверена, что последнее.

Дождавшись, когда я открою дверь, он заходит ко мне. Понять не могу, почему он все еще здесь.

Он снимает с меня куртку и шарф, потом уходит к комоду. Достает какую-то одежду и протягивает мне.

– Ты замерзла. Сходи в душ и переоденься. Я подожду тут.

Я беру одежду и, не понимая, почему слушаюсь его, ухожу в ванную. Горячий душ приятен телу, поэтому я задерживаюсь там на несколько минут, позволяя мышцам расслабиться, а коже согреться.

Когда я заканчиваю, то одеваюсь и возвращаюсь в комнату. Я пребываю в полной уверенности, что Гаррет уже ушел. Но нет. Он сидит на моей кровати. Ждет.

– Лучше? – спрашивает он.

Я медленно подхожу к нему и останавливаюсь.

– Что происходит?

– О чём ты?

– Почему ты все еще здесь?

– А почему нет? Я должен быть где-то еще? Насколько я знаю, сегодня я свободен.

– Разве ты меня там не слышал? Когда я накричала на тебя?

Он пожимает плечами.

- Ты не нарочно. Просто из-за чего-то сердишься.
- Я попросила оставить меня одну.
- Ты не хочешь быть одна. Просто так говоришь.
- Откуда тебе знать? Может, я правда хочу побывать в одиночестве.

Он улыбается и усаживает меня к себе на колени.

- Почему ты хочешь быть одна? Одиночество – отстой.

И не поспоришь, ведь правда же. Одиночество действительно отстой. Но это все, что мне знакомо. Когда теряешь веру в людей, одиночество – твой единственный выбор.

- Так ты хочешь объяснить, что сейчас было? – спрашивает он. – Или позже?
- Я не хочу об этом говорить.

– Ладно, значит, позже. – Он небрежно берет меня за руку. – В общем, вот о чем я подумал.

Мне нужно поплавать не меньше пары часов, поэтому мне пришла в голову идея. Составь мне компанию? Тебе не обязательно плавать, можешь просто взять с собой книжку или музыку, или что-то еще и просто хорошо провести время. Там тепло и уютно.

– Думаю, можно.

– А потом будет вечеринка в честь Хэллоуина.

Я смотрю на него в недоумении.

– Я не пойду туда. Это как обычная вечеринка на стероидах. И после вчерашнего инцидента с водкой мне лучше не подходить к алкоголю.

– А мы никуда не идем. Вечеринка будет наверху. Я уже подготовил комнату. У нас в планах марафон фильмов ужасов.

– Да? – Неожиданно для себя я широко улыбаюсь. Как идиотка. – Ты же ненавидишь фильмы ужасов.

– Знаю. Но какого черта? Сегодня же Хэллоуин, верно?

– И что еще будет на вечеринке? – Я пытаюсь говорить с равнодушием, но восторг в голосе мне скрыть не удается.

– Ну, я запасся конфетами, конечно же, и другой твоей любимой вредной едой. Ну а в качестве настоящей пищи можно заказать пиццу. Вот и все. Не невесть что, но...

– Шутишь? Это замечательно! Не могу поверить, что ты все это устроил. – Мне нужно его обнять. Не могу себя остановить. Не знаю, как это возможно, но каким-то образом он превратил мой гнев и грусть в чистую радость и счастье.

– Bay. Объятие. Спасибо. Рад, что ты за.

– Я думала, мы проведем вечер, как все остальные.

– Сегодня суббота. Наш вечер, помнишь?

– Но сегодня Хэллоуин. Главная вечеринка. Разве Блейк не взбесится?

– Блейк уже лыка не вяжет. Я недавно с ним разговаривал. Он даже не понял, с кем говорит.

– Так когда же начнется вечеринка? – Я спрашиваю с таким энтузиазмом, что совсем на меня не похоже.

На его лице расцветает широкая улыбка.

– После того, как я немного поплаваю. Схожу и захвачу свои вещи, и пойдем.

Похоже, мой энтузиазм заразителен. Знаю, Гаррет счастлив видеть, как я радуюсь чему-то, что сделал он. И мне это нравится. Нравится делать его счастливым. Это намного лучше, чем кричать на него.

25

В бассейне, наблюдая за Гарретом, я не могу удержаться от того, чтобы не полюбоваться его телом. Он само совершенство. Мускулистые руки, рельефная грудь, шесть кубиков пресса, широкие плечи пловца. Каждая частичка моего существа мечтает запрыгнуть к нему в бассейн и довести до конца ту сцену, которую мы не закончили.

Я клялась себе, что в колледже не стану заводить с парнями ни платонические, ни физические отношения. Однако я успела так привязаться к Гаррету эмоционально, что моя готовность физической близости с ним растет день ото дня. Чисто формально мы даже не встречаемся, поэтому я прекрасно принимаю, что для секса еще рановато, плюс из-за него между нами все может испортиться. Но от этого желание не проходит.

Пока он плавает, я размышляю о том, сколько у него было девушек. Наверняка множество. Судя по всему, он прекрасно знает, что делать. Я же, наоборот, не имею представления, как себя вести, когда дело доходит до чего-то интимного. В школе я нечасто ходила на свидания. Но я занималась сексом. Один раз.

Это произошло после встречи выпускников. Тот парень был из другой школы. Я познакомилась с ним на конкурсе «Чаши знаний»³, в котором принимала участие только потому, что у меня неплохой талант запоминать различные мелочи. К тому же мне показалось, что это неплохо будет смотреться в заявлении в колледж.

Тот парень из другой команды был весьма привлекательным. Он пригласил меня на свидание, а потом, после пары встреч, пригласил меня на вечер выпускников у себя в школе. За неделю до этого голос матери в голове неустанно твердил мне о том, как девчонки залетают на школьных танцах. Потому-то она никогда меня туда не отпускала. Но поскольку ее больше не было рядом, я пошла. И по какой-то необъяснимой причине решила проверить ее теорию и заняться сексом, чтобы доказать ей, а заодно и себе, что не забеременею. И не забеременела. Я всегда принимала таблетки, а он воспользовался презервативом.

Все длилось не больше минуты. Ну ладно, может, чуть дольше. Я не засекала время, но все произошло довольно сумбурно. После этого он больше мне не звонил. Вот такой памятный первый раз. Я пытаюсь забыть, что он вообще был.

— Еще не заскучала? — Гаррет опирается на бортик и улыбается мне своими соблазнительными влажными губами, которые так и просят, чтобы их поцеловали.

— Нет, нисколечко. — Я делала вид, что занята чтением, однако все время только и делала, что пялилась на его практически обнаженное тело.

— Скоро можно уходить. Только сделаю еще пару заплывов.

— Все в порядке. — Я проверяю время. Мы пробыли здесь целых два часа? Время пролетело незаметно.

Пару минут спустя Гаррет вылезает из бассейна.

— Я все. Схожу переодеться и тут же вернусь.

Он пребывает в прекрасном расположении духа. Он практически всегда такой. Ума не приложу, как у него это получается. Мое настроение меняется с каждым часом, и обычно оно не самое лучшее. Правда, мне кажется, что, чем больше времени я провожу рядом с Гарретом, тем лучше себя чувствую.

Когда мы возвращаемся в корпус, Гаррет поднимается в свою комнату, а я иду к себе положить книжку. До вечера еще далеко, но девушки уже готовятся к вечеринке. У Харпер новый парень, и всю неделю она зависала у него дома, так что мы почти не виделись.

Я поднимаюсь на этаж Гаррета. Какой-то парень открыл нараспашку дверь в свою комнату в конце коридора. Туда забилось около двадцати парней — смотреть на гигантском экране футбол. До меня долетает запах пива.

Один из парней вываливается в коридор и чуть ли не падает на меня, когда я прохожу мимо.

— Знаешь, ты вроде бы ничего, — бормочет он, забрасывая руку мне на плечо. — Не хочешь уединиться в моей комнате и…

— Отвали. — Я сбрасываю его руку, но он кладет ее обратно и надувает губы.

³ Прим. пер.: учебная общеобразовательная викторина, популярная в США.

— Ладно тебе. Честное слово, я не кусаюсь. Если ты сама не попросишь.

Гаррет выходит из своей комнаты и замечает повисшего на мне пьяного парня.

— Шейн, отвали от нее. — Он подходит и смахивает с меня его руку.

Пьяный парень выглядит оскорблённым.

— Я просто проявлял дружелюбие. Черт, уже и дружелюбным побить нельзя?

— Заводи себе друзей в другом месте. — Гаррет берет меня за руку. — Пошли, Джейд.

— Где ты ее откопал? — кричит Шейн нам в спину. — Она здесь живет? У нее потрясная задница. — Он плетется по коридору, продолжая нести пьяную чушь.

— Не обращай внимания, — говорит Гаррет. — Он столько выпил, что не соображает, что говорит.

— Хочешь сказать, что по поводу моей задницы он не прав? — ухмыляюсь я. — Потому что я восприняла это как комплимент.

Он улыбается в ответ.

— У тебя действительно потрясающая задница, но я не хочу, чтобы он на нее пялился. Только у меня есть такое право.

— Да что ты? А мне вот кажется, что на задницы друзей заглядывать не стоит.

— Говори за себя, Джейд. — Его губы складываются в лукавую усмешку. Он точно подловил меня за подсматриванием в бассейне.

Гаррет останавливается перед дверью.

— Итак, ты готова?

Я киваю, и он распахивает дверь. Вся комната украшена в честь Хэллоуина. Голубые огоньки на потолке сменились на ярко-оранжевые. Стены, окна, шкаф, стол и место вокруг телевизора покрыто паутиной, на дверь кладовки наклеены силуэты привидений и ведьм, а в знаменитом баре с закусками столько конфет, что не представить ни одному попрошайке.

— Я предупреждал, это не так уж и круто, но все равно в духе Хэллоуина, да?

— Безусловно! Я в восторге! Намного круче, чем я ожидала. — Я плохаюсь кровать и любуюсь яркими оранжевыми огоньками. Шторы задернуты, но в такой серый унылый день даже с открытыми шторами внутри было бы темно.

— Рад, что тебе нравится. — Он ложится на бок со мной рядом и кладет руку мне на живот. Этот жест кажется таким естественным и тут же отвлекает мое внимание от огоньков. — Хочешь провести инспекцию фильмов, которые я взял на прокат? Я ничего не смыслю в ужастиках, так что взял сразу штук десять. Можешь выбрать любой, какой захочешь.

Я поворачиваюсь к нему лицом, и его рука смещается на бедро.

— Гаррет, спасибо тебе за все, что ты сделал. Фильмы. Украшения. Еда. Огоньки. — Когда я рассматриваю комнату, с моего лица не сходит улыбка. — Это замечательно.

Он наклоняется и целует меня в щеку.

— Мне так нравится, что у тебя загораются глаза из-за таких мелочей.

— Что тут ответить? Сочетание вредной еды и фильмов — мое самое любимое. — Я потягиваю его за черную рубашку, которая тесно облегает его грудь. — На тебе даже одежда хеллоуинской расцветки.

Он опускает взгляд.

— Да, похоже на то. Я даже об этом не подумал, когда одевался.

Эта рубашка ему очень идет. И прическа тоже. Вообще, все ему идет. Меня переполняет огромное желание поцеловать его прямо сейчас — совсем не по-дружески — и посмотреть, к чему это приведет. Надо взять себя в руки и перестать ждать, когда он сделает первый шаг. Но стоит мне набираться смелости, как он встает с кровати. Черт!

— Ладно. — Он приносит мне стопку дисков. — Есть зомби, привидения, вампиры, ведьмы и классический маньяк-убийца по соседству. Что тебе нравится?

— Зомби.

Он вздыхает.

— Я боялся, что ты так ответишь. Тебе не кажется, что будет скучновато? В смысле, зомби ведь даже не разговаривают, верно?

— Тогда, может, ведьмы?

— У нас впереди весь день и вся ночь на то, чтобы все это пересмотреть, так что, если хочешь, можем начать с зомби.

Кино про зомби настолько тупое, что мы на протяжении всего фильма издеваемся над ним и передразниваем зомби. Затем мы смотрим кино про ведьм, потом про вампиров, после чего заказываем пиццу и включаем кино про привидение, которое оказывается страшнее, чем я ожидала.

В десять мы все еще валяемся на гигантском пуфике. Я наелась до отвала пиццей и сладостями.

Как только начинается пятый фильм про маньяка-убийцу, кто-то стучит в дверь.

– Кенсингтон, тащи сюда свою задницу, – кричит какой-то парень.

– Не обращай внимания, – шепчет Гаррет.

– Мы знаем, что ты там. Поторопись! – орет кто-то другой.

– Ответь им, – умоляю я. – Иначе они так и будут торчать под дверью.

Гаррет поднимается, открывает дверь, и комнату заполняет приторный запах одеколона.

Гаррет выходит в коридор и закрывает за собой дверь.

– Чего тебе? – доносится до меня его голос.

– Мы собираемся на вечеринку. Пошли.

– Нет. Я тебе уже говорил.

– Что значит нет? Ты хоть знаешь, сколько там будет цыпочек? Я только что разговаривал с Эйденом, и он сказал, что все девчонки в костюмах и практически голые.

– Я же сказал. Не пойду, – повышает тон Гаррет.

– С чего вдруг? У тебя там уже кто-то есть? Ну так закругляйся с ней и давай к нам.

– Не будь приурочен. Просто проваливайте отсюда и все. – Я слышу, как Гаррет кладет руку на дверную ручку.

– Кто там? Ава?

– Не твоего ума дело, – громко отвечает Гаррет. – Просто уйди.

– Как скажешь, мужик. – До меня доносится звук удаляющихся шагов. – Раньше с тобой было веселей, Гаррет. Теперь ты просто гребанный неудачник.

Гаррет возвращается в комнату и садится рядом со мной.

– Прости за все это. Просто они под градусом и потому ведут себя несноснее, чем обычно.

Я убавляю звук и придвигаюсь к нему поближе.

– Знаешь, эти ребята правы. Ты должен быть сейчас на одной из множества вечеринок.

Упустишь всех этих девушек в костюмах сексуальных медсестер, не говоря уже о полуобнаженных ангелочках, ведьмочках, дьяволятых...

Он кладет палец на мои губы.

– Я хочу быть здесь, Джейд. Именно здесь.

Я убираю его руку и, подняв лицо, глазами практически умоляю поцеловать меня. Он наклоняется и дарит мне быстрый дружеский поцелуй, затем переводит взгляд на телевизор.

– Так что тут происходит?

– Маньяк-убийца познакомился с девушкой на сайте знакомств. – Меня передергивает. –

Ужас. Только посмотри на него. У него такой взгляд, что кажется, будто он следит за мной.

Он смеется.

– Я тебя защищу. Иди сюда. – Я прижимаюсь к нему, и через пару минут засыпаю.

Я просыпаюсь в момент, когда чувствую, как Гаррет убирает с меня руку.

– Джейд, у меня все затекло. Нужно пошевелиться.

Часы на его тумбочке показывают час ночи.

– Ты все это время не спал?

– Ага, фильм закончился, и я просто смотрел телик.

– Надо было разбудить меня.

– Не-а. Мне нравится, когда ты на мне спишь, но у меня онемела рука.

– Ой. Прости. – Я сажусь. – Мне нужно идти.

– Ты действительно хочешь уйти?

– Ну, начинать новый фильм уже поздновато. – Я зеваю и тру глаза.

Он выключает телевизор.

– Я не собирался смотреть кино.

Меня клонит в сон, поэтому до меня не сразу доходит, о чём он.

– Приглашаешь меня на очередную ночевку?

– Уже ночь. Так что ты можешь остаться.

- Ага, а то моя комната так далеко. Утро наступит прежде, чем я до нее дойду.
- Я не собираюсь предлагать тебе секс, если ты об этом. Мне просто хочется еще раз поспать с тобой рядом. Просто поспать. И все. Но если ты против, то ничего страшного.
- Хорошо, я останусь. – Я счастлива от того, что он не хочет отпускать меня, но меня немного беспокоит тот факт, что он считает, будто я совсем отмела мысль о сексе с ним. Я лишь однажды сделала подобный комментарий, но он теперь думает, будто я совсем не заинтересована.
- Я поднимаюсь с пуфика, снимаю джинсы и залезаю в постель.
- Что ты делаешь? – спрашивает он, вставая рядом.
- Готовлюсь ко сну. – Я натягиваю на себя одеяло.
- Но на тебе ничего нет.
- Я в футболке.
- Да, но и только. Дать тебе шорты?
- Я приподнимаюсь на локтях.
- На мне нижнее белье. Я не собираюсь спать в джинсах. В чем дело? Из-за этого ты не можешь спать рядом со мной?
- Ну, нет. Определенно нет.
- Я склоняю голову набок и лукаво улыбаюсь.
- И почему же? Мы же собираемся просто спать, разве нет? И ничего больше. Во сне ты даже не заметишь, что на мне ничего нет.
- Поверь, если ты останешься в таком виде, я не засну. Пойду и принесу тебе что-нибудь из твоей комнаты.
- Сумасшедший. Просто дуй в кровать. – Я поворачиваюсь к нему спиной и закрываю глаза. До меня доносится его тяжкий вздох, пока он переодевается в пижаму.
- Матрас прогибается, когда он ложится. Кровать такая тесная, что наши тела неизбежно соприкасаются, и я с уверенностью могу сказать, что недостаток одежды на мне определенно оказывает на него воздействие. Он пытается отодвинуться от моей задницы, но не может, поскольку иначе просто свалится с кровати. Мне нравится дразнить его. Я еле сдерживаю хохот, когда он снова пытается отодвинуться.
- Ты чего там? – ворчу я, притворяясь раздраженной. – Вообще-то я пытаюсь заснуть.
- Извини. Я так не могу. Тебе нужно что-то надеть. – Он встает, уходит к комоду и возвращается со спортивными шортами из флиса.
- Я больше не могу сдерживать смех.
- Хочешь сказать, что не можешь передо мной устоять?
- Именно так. – Он отбрасывает одеяло и стаскивает мои ноги с кровати, на секунду замирая, чтобы внимательно оглядеть меня. – Твою мать. Так ты еще и белье сексуальное надела. Специально?
- Нет. Я всегда такхожу. – Я задираю футболку повыше, демонстрируя черное шелковое бикини.
- Он просовывает мои ноги в шорты.
- Прошлым вечером на пробежке у тебя было совсем другое белье.
- Ах да. Я и забыла. Для парня, который со мной не встречается, ты слишком часто видишь меня обнаженной.
- Он натягивает на меня шорты. Я встаю и поправляю их.
- Вот. Так-то лучше, – произносит он, разглядывая огромные шорты, которые доходят мне до коленей.
- Мы возвращаемся в кровать. Над нашими головами мерцают оранжевые огоньки, пока он лежит на спине, а я поудобнее устраиваюсь у него на плече.
- Знаешь, я бы не против, если бы ты как-то воспользовался ситуацией.
- Он целует меня в лоб.
- Знаю. Но это приведет к чему-то большему. А я хочу, чтобы сперва наши отношения стали официальными.
- Тогда давай сходим на свидание, о котором ты все болтаешь.
- Ладно, в следующую субботу мы пойдем на настоящее свидание. В смысле, пойдем куданибудь, а не станем торчать у меня в комнате.
- В субботу? Но до нее так долго ждать. – Я не хотела демонстрировать отчаянье, но как-то

само получилось.

– Ты что, куда-то спешишь?

– Э-э, нет. Пожалуй, нет. – На самом деле все наоборот. Мне сложно устоять перед ним, а он держит меня на расстоянии. Не знаю, почему он так настаивает на этом официальном свидании. Лично у меня такое ощущение, что все это время мы с ним встречались.

– Думаю, настало время завести новую традицию.

Я поднимаю голову, чтобы взглянуть на него.

– Какую?

– Ночевки по субботам.

– Хм. – Спрятав улыбку, я снова опускаю голову ему на плечо. – Но у нас уже есть традиция для воскресного утра.

– Ну и что?

– Я о том, что тогда у нас будет две традиции подряд.

– Можно придумать еще одну в будний день, если тебе нужно все уравновесить.

– Хорошая идея. – Я улыбаюсь еще шире. Он хочет придумать еще традицию? Значит, он считает, что мы можем стать настоящей парой? Даже с его правилами и семьей? Я не собираюсь спрашивать об этом. По крайней мере, не сегодня.

– Тогда решено. Ночевки по субботам – наша вторая традиция. Ты придумай что-нибудь на неделе, раз первые две предложил я.

Мне смешно от того, каким тоном он это произносит.

– Ладно. Что-нибудь придумаю.

Я переворачиваюсь на бок, он делает то же самое, и моя спина оказывается прижата к его груди.

– Спокойной ночи, Джейд. – Он смахивает прядь моих волос в сторону и целует меня в шею, отчего по всему моему телу начинают бежать мурашки. Мне так хочется повернуться и наброситься на него, но я сдерживаюсь. Уверена, так он мстит мне за шутку с нижним бельем.

Он покрепче прижимает меня к себе, и в его объятьях я чувствую тепло, безопасность и счастье. Никогда не ощущала такую безмятежность.

На протяжении всего дня с Гарретом я ни разу не вспомнила ни о мамином письме, ни о ссоре с Фрэнком. Он отвел от меня все плохое – во всяком случае, на какое-то время.

26

На следующее утро мы просыпаемся от громкого стука в дверь.

– Гаррет. Немедленно открой дверь!

– Вот черт! – Гаррет мгновенно соскаивает с постели. – Это отец.

– Твой отец? – шепчу я. – Что он здесь делает? Который час?

Он бросает взгляд на часы

– Восемь. Понятия не имею, что он здесь забыл. Может, что-то срочное. – Он снимает пижамные штаны и надевает джинсы.

– А мне-то что делать? – Я торопливо выбираюсь из кровати.

Он пихает мне мои джинсы.

– Оденься. Скажем ему, что собирались на завтрак.

– Гаррет, ты там? – кричит его отец, продолжая колотить в дверь.

– Да. Одну минуту.

Я снимаю шорты и натягиваю джинсы, потом пытаюсь причесаться пальцами.

Гаррет приотворяет дверь.

– Папа, в чем дело? Что-то случилось?

Мистер Кенсингтон открывает дверь нараспашку, врывается в комнату и, увидев меня, замирает.

– А она что здесь делает? – спрашивает он у Гаррета.

– Мы собирались на завтрак.

– В такую рань? Ты всерьез думаешь, что я поверю, будто вы двое встали так рано в воскресенье, чтобы позавтракать?

– Уже не рано, папа. Так зачем ты пришел?

Мистер Кенсингтон подходит ко мне.

– Джейд, нам с моим сыном нужно поговорить. Тебе следует уйти.

Я перевожу взгляд на Гаррета.

– Я сейчас спущусь, ладно? – произносит он неуверенным тоном.

– Не жди его, Джейд, – добавляет мистер Кенсингтон. – Он не спустится. И не пойдет с тобой завтракать. Он больше ничего не будет с тобой делать. Между вами все кончено.

– Нет, не кончено. – Гаррет пытается сохранить спокойный тон. – Джейд, просто не обращай внимания.

Я смотрю на него, не понимая, что делать.

– Иди. Я спущусь позже, – заверяет меня он. Но я не верю его словам.

Я медленно выхожу за дверь и иду по коридору. Дверь в комнату Гаррета захлопывается, и до меня доносится крик мистера Кенсингтона.

– Что я говорил тебе об этой девчонке? С этого момента ты встречаешься с Авой и только с ней. Я понятно выражаясь?

Вернувшись к себе, я плохаюсь на кровать и пытаюсь переварить произошедшее. Кто проболтался отцу Гаррета? Блейк? Ава? Те парни, что приходили вчера в комнату Гаррета? Почему все они так настойчиво пытаются нас разлучить? Почему они продолжают совать нос в чужие дела? Какое им до нас дело?

Я быстро смахиваю ладонью одинокую слезинку, которая катится по моей щеке. Я не должна плакать. Отец Гаррета злился и раньше, но нас это не остановило. Так будет и на сей раз. Вот только я боюсь, что обманываю себя. Мистер Кенсингтон был в ярости. В прошлый раз он хотя бы пытался скрыть от меня свое негодование. А сегодня ему хотелось, чтобы я это увидела.

Раздается телефонный звонок. Наверняка это Фрэнк, но я не в настроении с ним разговаривать. Я все еще зла на него, но пытаюсь упокоиться. Ума не приложу, почему он никогда не рассказывал мне правду о маме, но ссориться с ним из-за этого я не хочу. Вот бы сделать вид, что этого разговора никогда и не было.

Телефон продолжает трезвонить. Я нехотя встаю и поднимаю трубку.

– Да.

Тишина.

– Это ты, Фрэнк?

Снова молчание. Хочу бросить трубку, но слышу мужской голос и замираю.

– Что ты сделала с письмом?

Я прикладываю трубку обратно к уху.

– Чего?

– Письмо, Джейд. Что ты с ним сделала?

Это не Фрэнк. И не Райан. А чей-то чужой очень низкий и тягучий баритон.

– Кто это? – спрашиваю я, стараясь скрыть страх.

– Отвечай. Письмо от Джулли все еще у тебя?

При имени матери по моему позвоночнику начинает бежать холодок. Мама предпочитала, чтобы ее называли Джулли, а не полным именем. Фрэнк говорил, только родители обращались к ней так.

– Представьтесь, или я брошу трубку.

– Если бросишь трубку, я просто перезвоню, а если не ответишь, то я приду к тебе и не уйду до тех пор, Джейд, пока ты не подчинишься.

Сердце бешено колотится в груди, и я чувствую, что бледнею. На секунду мне кажется, что это какая-то жестокая хэллоуинская шутка, но этот человек явно не шутит.

– Что вам нужно?

– Мне нужно, чтобы ты уничтожила письмо. Чтобы ты сожгла его так, чтобы от него остался лишь пепел. Поняла?

– Зачем? Какое вам до него дело? Я даже не знаю, о каком письме идет речь. – Мой голос дрожит. Я делаю глубокий вдох в надежде успокоиться.

– Лучше не шути со мной. Сделай, как я сказал. Сожги письмо, а после никогда больше не заговаривай о его содержании. Вообще забудь о его существовании. Теперь ты поняла?

– Я не стану слушаться какого-то анонима. – Я пытаюсь придать голосу уверенность, хоть руки у меня дрожат.

На несколько минут повисает тишина. Потом он снова подает голос:

– Печально, что Фрэнк в таком состоянии. Уверен, тебе не хочется, чтобы ему стало хуже. Или чтобы с Райаном произошел несчастный случай.

Мои колени слабеют, и мне приходится сесть.

– Вы угрожаете мне? Из-за письма? Пожалуйста, просто объясните, в чем дело.

– Я уже сказал, что тебе нужно сделать. А теперь будь хорошей девочкой и выполни мое указание. Мы проследим.

Телефонная трубка вываливается из моей руки и с громким стуком падает на стол. Я быстро поднимаю ее.

– Алло? Вы еще здесь?

Его больше нет. Я вешаю трубку и сползаю на пол. Меня всю трясет, и я подтягиваю коленки к груди.

Мне нужно увидеться с Гарретом. Мне нужно поговорить с ним, чтобы он успокоил меня и сказал, что все будет хорошо. Мне необходимо чувство безопасности, которое я испытываю с ним рядом. Но он все не спускается. И вряд ли придет – после того, что устроил ему отец.

Теперь за мной следит некто, кого я не знаю. Звонит мне. Наблюдает за мной. Угрожает причинить вред дорогим мне людям. Но почему? Что происходит?

Моя жизнь едва успела наладиться, как вдруг отвесила мне пощечину и отправила обратно на дно. Напоминая, что по неведомой причине мне не суждено, не позволено стать счастливой.

Мое прошлое продолжает преследовать меня.

И на этот раз я не смогу от него сбежать.

Конец первой книги

Серия «Джейд» Элли Эверхарт включает в себя 8 книг + история от лица Гаррета. На 4ой книге серии история имеет свой логический конец, но по просьбе фанатов серии, автор написала еще 4 книги. Серия про одних героев.